

Во-вторых, наши мудрецы издавна учили: «тысяча лет для Б-га как один день». Сейчас мы в конце шестого тысячелетия от сотворения мира – «шестого дня» по Б-жественному счету. Приход Мошиаха сулит долгожданный отдых, «шабос»; мы пока добрались примерно до середины пятницы. Это часы, когда начинают готовиться к встрече субботы, даже пробуют украдкой «субботние кушанья» – плоды научно-технической революции...

Но позвольте, скажут нам, как Мошиах может прийти к нынешнему поколению, если он не пришел к поколениям куда более благочестивым? Где цадики – праведники минувших дней, где великие знатоки Торы?!

Это серьезный довод, но ему можно противопоставить другой. Да, возможно, мы карлики по сравнению с гигантами древности, но мы – карлики, стоящие на плечах этих гигантов. Мы используем мудрость предшествующих поколений; пусть мы добавили к этой мудрости не слишком много, сумма все-таки увеличилась. Все поколения строили дом, чтобы принять Мошиаха. Разумеется, те, кто создавал план здания, кто возводил стены, настилал крышу и сколачивал мебель, сделали много больше, нежели те, что пришли последним, дабы вымыть окна и подмести пол. Однако лишь по завершении именно этой работы можно сажать за стол дорогого гостя!

А теперь последнее: что будет, когда придет Мошиах? У Пророков сказано: тогда прекратятся войны, а люди будут здоровы и богаты. Но нельзя допустить, чтобы только ради улучшения материального бытия явился к нам «дух

Б-жий». Не столько, конечно, изменится мир вокруг нас, сколько мы сами. Мы обретем «шестое чувство». В Дни Мошиаха, утверждают наши мудрецы, на Земле очистится место для зримого присутствия Б-га. Всевышний «отворит нам лице Свое», скрытое с тех пор, как совершилось грехопадение первого человека.

Это «шестое чувство» у нас традиционно называют «рухнийос» – «духовность». Объяснить его очень трудно. Сейчас у людей пять чувств – зрение, слух, вкус, обоняние и осязание. Но попробуйте объяснить слепому от рождения, что значит «синий»... «Духовность», которую принесет нам Мошиах, по смыслу и сути почти не совпадает с тем словом, которое употребляется в обыденной жизни и звучит так же. Это будет некое «духовное зрение». Мы сможем лицезреть Всевышнего – не глазами, конечно, а чем-то таким, чего мы себе сейчас и вообразить не можем.

Áëàáí úé ðàààéí Ðíííè Áàðë Èàçàð

участвовало лишь его «тело», внешнее «я» Яакова, тогда как свою «голову», глубины сознания и истинные таланты он берег для высшего.

И вот, проведя в жестоком мире Харана двадцать лет, Яаков мог оглянуться и обозреть созданное его трудами и навыками богатство. Обратим внимание: говоря с Лаваном, Яаков назвал это богатство «трудом рук своих» (Брейшис, 31:42), то есть подчеркнул, что оно создано «внешними усилиями».

Если вы хотите быть по-настоящему богаты, говорит мудрый нам в поучение, то озаботьтесь, чтобы богатство ваше было создано лишь «трудом ваших рук», «внешними усилиями», когда задействованы ваши «вторичные» таланты и способности, тогда как «усилия сознания» должны прилагаться для достижения истинно высоких целей. Берегите ваше сознание, сердце и истинное «я» для мудрости, служите Творцу и исполняйте свою жизненную миссию.

Īāēī ōānēā āōīōīā Ēpāāē-īēīā Dāāā Ōīēīā-Āīāā-Āāāā īōēōīē ōāāōēōō īī īōēçāīāīōōō āēīō. Āīēīōā āīā āī ī ūīēē āūēē çāīyōū ēēōū īōēçāīāīōōī ē īōīāāēē āēīō, āēāī āēī īōīōāōōēī.

Ōīāā Dāāā īēāçāē īīāyāçāīīī ō ōāāōēēāīōō «Īāī-īī ā āēīōē īōēīyōī çāīāīāāōū īīā. Īī īīōōūā āēīōō āēīāō?!»

Nī ēdāī ēā: āāā īī ūīēā īīīyōēy

Īōōūōōō ōāē āāāō īī ēdāīāī īāāā āīā ē ēpāū ē.

Īō-āīēy īōōīā 4:12

Āāāī ōāēēōōāī ē. Īāēāēē īā īāāōā īāō īē īāīīā -āēīāēā, īī īāāīāīēp īēīōīōī āī īā āūēē āū ōī īāā, āēāīōīāīāā īōāāāīāī? Īīēīēūēō īāōā «yā» āīāāā āēēōōāō çāīōāīīūē ōīāāīū īōēōyçāīēē, ōī īāōō īāī īīōāīēō ēō-ōā çāīēçēōū āīēē ī ū ōīōēī āūōū -āīōīūī ē īī īōīīōāīēp ē īīāā

È āī-ōāēē: īāēāēē āī ōēā āīāō īā īāāōā?

×ōī āāīçā-āpō īēīāā: «āāāī īī ēdāīāī īāāā āōāēī ē»? Āāēīōāēōāēūī ī ēē çāīīāāūō-ēō ōāīēōū īīāy īēāā -āī ī ū āīōūīā īāī īī āāā?

Āāāī īōē ōāēī īōīīōāīēē ē īīāā ē ī ēōōī ū īāāīōāīēēē āū ōāēāīōū, āāōīāīīūā īāī īō Ā-āā, ā āāū ōāçāēāāōū ēō - īāō āīēāīāāā īīçāāōāēāī, ē ōēēīyōūīy īō yōīā - āāōīī. Ēpāāē-īēēē Dāāā Dāyō āīāīōēē: «×āēīāē āīēāāī īīçāāāōū īāīē īāāīōāōēē, īī ōī-īī ōāē āā īī āīēāāī īīçāāāōū ē īāīē īēēūū āā īōīōīū».

Èāē āā ōāçāēēōū yōī īōīōēāīōā-ēā ī īāīēē īōīōīū, -āīōīāy īāī īīōāīēā, īīāōāçōī āāpūāy çāīēā ēāē īāīēō īēāāīōāē, ōāē ē āīōīēīōā, īī āōāēē īōīōīū, īōīīōāīēā ē īēōēāpūēī īīīāāpūēī īī ēdāīēāī?

Ἰ ἀνοοαί ἡνοῦ ἰ ὑοεαί εὔ

Хасидизм исходит из того, что чувство смирения перед человеком, который заведомо ниже вас, может основываться на осознании «многосторонней зависимости» и «относительности всяких ожиданий и умозаключений».

Первый из этих тезисов объясняется так: человечество представляет собой одно целое, и все вместе мы образуем единый организм. У клеток и органов живого организма задачи разные, но все они дополняют друг друга, служа целому. Так, клетки мозга ответственны за «тонкую» задачу мышления, а «грубая» кожа ступни помогает ходить по острым камням. Мозг дает команду нашим ногам идти в ту или иную сторону, но он же и зависит от ног: ведь мозгу необходима информация, за которой часто приходится куда-то идти.

Смиренный человек стремится видеть картину в целом, а не только отдельные ее детали: картина жизни предстает его сознанию во всей сложности взаимозависимостей и взаимосвязей, человек не концентрируется только на своей роли в системе мироздания. Возможно, эта роль куда возвышенней, чем роль ближнего, но смиренный человек помнит: без ближнего он не мог бы выполнить своего предназначения. Наша жизнь неполна без тех, кто нас окружает. Так, даже самые «грубые» органы тела необходимы для поддержания жизнеспособности организма.

Второй тезис не ставит знак равенства между смирением и «чувством иерархии». Он связан с представлениями о равенстве людей и многообразии человеческих нужд. Чтобы смириться, человек должен осознать: умственное, духовное, моральное превосходство, которым он, возможно, склонен кичиться, – вовсе не повод ставить себя выше другого человека, ибо все эти «способности» не более чем дар, которым человек наделен в соответствии с возложенной на него миссией. Кроме того, следует понимать: любые наши достижения конечны, изначально им положен предел, однако сделанное нами будет развито другими людьми. Поэтому человек должен проявлять смирение даже в отношении тех, кто ниже его: возможно, кто-то из них продолжит начатую им миссию, распространит изначально импульс на те сферы, которые ему недоступны.

Этот тезис основан на понятии «смирения», близком обычному представлению об этой добродетели: смирение перед ближним подразумевает ощущение себя в чем-то ниже его, в чем-то зависящим от него.

Но как можно это испытывать по отношению к каждому человеку? При жесткой и здравой оценке собственного духовного и морального облика это не так уж тяжело. Наверняка каждый из нас, если будет достаточно честен, согласится, что по множеству причин «недоотягивает» даже до собственных стандартов. И если ближний ничуть не лучше, а даже хуже нас, то это не имеет значения: кто мы такие, чтобы его судить? «Не суди ближнего, пока не побывал на его месте» (Поучения отцов, 2:5). Ведь ты не знаешь ближнего: его прошлого, его нынешних обстоятельств, его окружения, – все это могло повлиять на него. А разве нам неизвестны первопричины наших собственных поступков, влияние среды и прочее? И если отбросить оправдания, то почти в каждой ситуации мы могли бы проявить себя намного лучше.

Если человек об этом помнит, он будет «смиренен перед другими людьми»: в глазах смиренного человека ближний действительно будет превосходить его самого.

Мудрец сказал: «Мне не доводилось встречать человека, взглядевшись в которого, я бы не обнаружил, что он в чем-то превосходит меня: если он был старше, я признавал, что он совершил больше добра, чем я; если моложе, я признавал, что за мной – больше грехов, чем за ним; если он был богаче, я признавал, что он больше отдавал на дела благотворительности, если беднее – он претерпел больше, чем я; если он был мудрее, я чтил его мудрость, если он был не мудрее меня, я думал о том, что его ошибочные суждения не столь фатальны, как мои». (Завещание Иеуды Ашери).

Īāīū ānyūēē īīāēāð

Какому же из этих двух тезисов отдать предпочтение? Тора призывает нас быть внимательными к лучшему, что в нас есть. Несомненно, духовные поиски и самокритика важны: человеку не следует заблуждаться на свой счет. Однако важно не перейти границу: чрезмерное внимание к своим недостаткам точно так же, как беспрестанное размышление над ошибками, допущенными когда-либо в прошлом, может ввергнуть в депрессию, довести до отчаянья, – а это не способствует разумным действиям.

Поэтому наставление о смирении имеет смысл толковать в русле первого тезиса, который смирение понимает не как самоуничтожение перед ближним, а как понимание необходимости всех окружающих людей для реализации нашей миссии в этом мире.

Впрочем, есть ситуации, когда следует руководствоваться второй интерпретацией заповеди о смирении.

Душа человека – «искра Б-жественности», и природа ее изначально и всецело благая. Однако человека могут увлечь эгоистические порывы его «животной» природы. Физическая жизнь – это борьба двух сторон личности: ищущего Б-жественности высшего «я» и погруженного в материальность «я» профанного (см. первые главы Тании). В ходе этой борьбы человек может обнаружить, что в его характере присутствуют черты, сводящие на нет все благие порывы. И негативное влияние этих слабостей только усилится, если человек придет к выводу, что он таков, каков есть, и с этим ничего не поделаешь. Подобный вывод, казалось бы, сродни «смирению», но это «смирение» также может обернуться отчаянием, которое тем сильнее, чем больше влияние животного «я».

В этом случае стоит вспомнить, что порой пожар гасят огнем, направленным навстречу распространяющемуся пламени. Человеку может помочь смиренное размышление о том, сколь груба его животная природа, потакание которой ставит его ниже любого из живущих на свете (Тания, гл. 30).

В этом состоит конструктивность второго тезиса, предлагающего толкование заповеди о смирении. Ведь бывает так, что только осознанное уничтожение перед всеми и каждым может сломить наглое псевдосмирение нашего животного «я» и помочь двигаться по пути самосовершенствования.

Īāò īē-āī ōāēāā ðāçāē ò īāī īāðāōā (ōāñēāñēāy ī āāðīñòū)

Āāīðāñēy - īā āñā, īī ēīīē ðāç ōī, ē ÷āī ó īīā òīēēāāð ÷āēīāēā, ōāēā ōīā, īā ÷ōī ī īāēāð īīāēāī ōōū āñā (ōāñēāñēāy ī āāðīñòū).

×āī īēīōā īā-āēū? Ōāñēāēçī ðāçē-āāð āāā āēāā īā-āēē - «ī ðēðūñ», āēāñy īā-āēū ē «āōāñ», īā-āēū ðāçðñō ē òāēūñ āy.

«Ī ðēðūñ» - īēīðāū ōīā, ēōī īā òīēūēī īñçīāāð īāīē īðāññōāīēy, īī īūðāāðñy ēō çāēāāēōū Yōī āīēū ÷āēīāēā, īāðāēēāpñāā ēç-çā īñāñðōāīūō īðāññōāīēē, ōīōūāīūō āīçī īāēīññōāē, īāðāñēçīāāīīīā īīðāīōēāēā Ōāēīē ÷āēīāē īāñīñāāī ðāāīīāñōīī īōīīñēōñy ē īāñāñðōāīñōāō īāīāē āēçī ē ēēðñēāpñāā ī ēðā.

«Āōāñ» - çōī īññōīyīēā ÷āēīāēā, ðāçī-āðīāññōāññy ā īñā ē āēēāēīāī, āīāāōāā ā īññōīyīēā ī āēāīōīēē, ēēōēāōāē āñ īāññēāū ē ēīēōēāðēāī.

«Ī ðēðūñ» - «òðāī īēēī» ē īāī īñāñðōāīñōāīāīēp, «āōāñ» āēā - āāçāīīāy yī ā īð-āyīēy.

Ēāē īðēē-ēōū ÷āēīāēā, īīāññēāīīīā ā «ī ðēðūñ», īð ōīā, ēōī īīāāēñy «āōāñ»? Īāñāīē - āēōēāī, āōīōē - īāññēāī. Īāñāīē āñāāð ðñāāōū, ōīāā ēāē āēçā āōīðīā āñāāā īñēā

Ói è ñàðàáá í áðáíá - á ñ ÿóáí èè, ó àòíðíá - íí è çàñòúèè è òÿæáü, èàè ñáèíáü.

× òí æá áæááò èáæáüè èç íéü, éíáá í ðéñòóí ñéíðáè í ðíóíáèò?

Í áðáíé áðíñáòñÿ áæñòáíáòúè èúáò ðáóáíéá ñèòóüèè, óáòðáòñÿ çá í áðáíþ áíçí í æíññóúáíéòè èç íáí, ñòðíèò í éáíú.

Áòíðíé - í òí ðáæÿáòñÿ ñí àòú

Áíçááÿí èá í ðáñòóí è áóáí ó çáí í ááüü

Ðááé Ýéÿçáð ñíí Ðáèíáá, áíáíðèò: «Óíò, èòí áíííéíÿáð íáí ó çáí í ááüü, í áðáò ááò í áí í áá çáí èò í ééá; óíò, èòí ñíáíðááò í áèí í ðíñòóí í é, í áðáò ááò í áí í áá í áæí èò áæÿ. Í íéáÿí é á è áááááÿí éÿ - èò: óáÿ çáí èò á í ðíò é á áááò áæé».

Í í ó: áí éÿ í ò ó í á 4:13

«Çéí ò áí á í á è áæáò ò ááÿ», áíáíðèò í ðíðíé (Éðí éÿó 2:19). Á áóí ááí ñÿ á ÿòè ñéíáá. Í áæáçáí èá çá çéí - áí áíñ í á «í áíòú» Á-áá. Óí: í í ò á è æá «í áíòúþ»

Á-áá í í æí í ñ: áíòú óáæ : æí í á èá, áíñ è í ðí áæáó ááí í í ñí ááò è í òí í ðí çé áó ááí í í á: á í áí èò ñèò: áÿò ÿòí áíò áíò ááí í úá í íñé ááíò áæÿ ò áò è èè è í úò ááèñò áæé. Á-áíñ ò áí ðèè í èð, í í á: è í á í úé í í ðááæá í úí ò èçè: áí èèí çáèí í áí, í í ò á è á Éí óñò áí í á è áí «áíò áíò ááí í úé í í ðÿáí é á áí áæ» áæÿ áóóí áí í á í è ðá, è í íÿòí í ó áí áðí í áí ðá: è ááòñÿ áí áæáá ò áí ðÿáí í ó ááí, á çéí í áæçáí æí í : ðááòí óí áðáíí áæÿ áááó í ééá.

Áíÿ é í á áæáá á ááÿí èá ðááè çáò çáèí æá í í çþ á í áí Á-æáíò ááí í çþ ñòúí íñòú è ÿáæÿ áòñÿ ó ááí í á í ó è è ó áèè, áí è í ÿ éí ò í ðí é í ú í ðèò è è á ÿòí ò í èð. Ñí ò áí ðáí í í á í áí è áí áðí ó è ðáí éÿ áð óçú, ñáÿçþ ðú è á : æí í á èá è Á-áá. Á-á - ááèíñò ááí í úé èñòí: í é è æéçé, èèóú í ò Í ááí èñí áèò áæááíñéí áí éá, è : áí í ðí: í áí óçú, ñáÿçþ ðú è á Á-áá è : æí í á èá, ò áí è í ò áí ñé áí áí «í í áááð æé á ñáí óá» áíñò í áó èò í á: è í á í éé.

Í áðóóáþ ðú è Á-æáíò ááí í çþ áí èþ í ò ááðááò ó áæü áí è í ÿ éí ò í ðí é í ú í ðèò áè á ÿòí ò í èð. Ó áè, ñò ðááá í éÿ è áí ðá, éí ò í ðú á í áðóóé ááþ òñÿ í á áááó í ééá, ÿáæÿ þ òñÿ í íñé ááíò áæÿ í è ó ðáòú ñáÿçè ñ ò áí ðóíí : ÿòí ò í ðí ò áíñ çáèí æá í á í áí í é ñò ðú èò ó ðá í è ðá.

(Í óáðáòú í íÿ ñÿ èè, : òí «í áæáçáí éá» ÿáæÿ áòñÿ «í í áí: í úí ðáçéü ò áò í í» áí è è è Á-áá áí çñí áèòú áóóó í áðáí éáÿ áó ááíñÿ áááó í ééá. Í í æí í í ðí áíñò è í áðáè æéü ñ èçáèá: á í éáí çáí í çú, áí çáááó áè í áðú á: á í éü : áíòí ñí í ðí áí æááþ ðú áÿ ÿòó í ðí ò ááò óá, áí áíá í á ÿáæÿ áòñÿ «í áæáçáí éáí» çá ááíí á: í íñòú, á ðáçéü ò áò á éí ò í ðí é çáí í çá í í í á èá á ò á èí. É í ðè: è í á á í éè - í á á æáíò í éí í óí úñé á áá: á, á è í á í í á ò í í, : òí éí í ðí áí í á ò á èí áí è í á í éí ò ú á í éü í á, á í áí éí é í ò á è è þ, ðáçéü ò áò í éí ò í ðí é ñò á èí áíñ á è á í éá. Í íÿòí í ó : æí í á è, í á áíñ ðáÿ ò ñò áí áááó è è áí áí á í è þ : æé áð í á í á ÿ é áí á í ò á á í á á á í í þ áóóó áí é æá í í ðí éò è : áðáç í ðí ó áíñ «óí áæá í éÿ» ÿò í áá «é í í ðí áí í á ò á èá», éí ò í ðú è í áæçáí æí í í éá çí ááíòñÿ áí áü á á í éá çá í í ú í).

Áí æáü, í á áíñò è áæ è è çáí è è

В свете этих представлений о воздаянии за творимое нами зло и добро мы поймем некоторые особенности повествования Торы о седьмой из десяти казней, обрушившихся на Египет. Седьмая казнь – «барад» – была низвергнувшимся с небес градом с огнем.

Когда фараон в очередной раз нарушил свое обещание отпустить народ Израиля из Египта, Б-г объявил, что «низвергнется град на всю страну Египетскую <...> Послал Б-г раскаты грома, и град, и огонь полетели к земле <...> и был град и огонь, занимающийся внутри града, сильный настолько, что не было такого во всей стране Египетской с тех пор, как досталась она народу. И побил град по всей стране Египетской все, что не было под крышей: и людей, и животных, всякую траву полевую побил» (Шмойс, 9:22-25).

«И послал фараон, и призвал Моше и Аарона, и сказал им: “Согрешил я на этот раз; прав Б-г, а я и народ мой – грешны. Помолитесь Б-гу, и довольно быть громам Всесильного и граду, и я отпущу Вас”» (Шмойс, 9:27,28)

«И вышел Моше от фараона из города, и поднял к Б-гу руки свои, и перестали греметь громы и град, а дождь – лить на землю» (Шмойс, 9:33).

Заметим: одно из возможных прочтений окончания последнего стиха на иврите: «и дождь не достиг земли».

Ādāā, çāèñøèè â âñçāōōā èèè èññ àdèâøèéññ

Мудрые подчеркивали: «Б-гу желанно поддерживать “естественный” ход вещей в этом мире; природа любезна Ему, и Он не вмешивается в природные процессы, покуда в том нет крайней необходимости» (Драшойс а-Ран, с.8; см. также Брейшис, 8:22; Шабос, 536). Однако все, связанное с «барад», включая то, как этот град прекратился, выходит за рамки естественных природных процессов.

Два заклятых, казалось бы, врага: лед и пламень соединились в этой казни. Как сказано в Торе, «был град и огонь, занимающийся внутри града» (Шмойс, 9:24). Когда же Моше простер руку, буря прекратилась, причем мгновенно. И даже град и дождь, уже начавшие падать с неба на землю, «не достигли земли».

Что же произошло с дождевыми каплями и градинами, которые уже были в полете? Если мы обратимся к комментариям, то встретим два толкования происшедшего: дождевые капли и градины зависли в воздухе, либо – они прекратили свое существование. (В основе комментариев тот факт, что у слова «нитях», встречающегося в этом стихе Торы, два значения. См. в комментарии Раши на Шмойс, 9:33: «“нитях” означает “не достигал”. Даже те (дождь и град), которые были (уже) в воздухе, не достигали земли».)

Сверхъестественный характер казней египетских был предопределен тем, что фараон крайне ожесточил свое сердце и нужен был поистине сверхъестественный аргумент, чтобы он отпустил народ Израиля. Сказано Б-гом Моше: «Умножу знамения Мои и чудеса Мои в стране Египетской <...> И узнают египтяне, что Я – Б-г» (Шмойс, 7:3-5).

Но зачем нужен был сверхъестественный конец «барад»? Почему Всемогущий не позволил дождевым каплям, уже находившимся в полете, упасть на землю?

Ī ādām ūd ūdīøēīā

Итак, воздаяние грешнику – это не Б-жественное «отмщение», но объективное следствие «неправильных» поступков.

Пламя и лед, излившиеся на Египет фараона, были воздаянием и за то, что египтяне поработили народ Израиля, и за неоднократное нежелание фараона внять Б-гу, требовавшему: «Отпусти народ Мой». Но когда фараон раскаялся в преступлении, признав свою вину («Прав Б-г, а я и народ мой – грешны»), и объявил о готовности ее искупить («И я отпущу вас» (Шмойс, 9:28), – тогда была устранена причина, вызвавшая кару – «барад». (Так были выполнены все три условия, необходимые для «тшува»

(покаяния): отказ от греха, исповедание прегрешения и обещание не повторять этот грех в будущем.) Динамика воздаяния диктовала: фараон раскаялся, следовательно, совершенное им зло более не «наказывает его», – вспомним слова пророка.

Что из этого следует? Законы физики требуют, чтобы град и дождевые капли, находящиеся в полете к земле, достигли ее. Но законы физики – это лишь орудие проявления сил более высокой природы. И даже одна-единственная капля или градина, коснувшаяся земли Египта после раскаяния фараона, была бы нарушением «законов духовной реальности», которые правят нашим миром по воле Создателя.

Этим объясняется существование двух мнений о том, что стало с дождевыми каплями и градинами, которые в момент покаяния фараона уже находились в полете. Были они удержаны в воздухе или просто мгновенно исчезли, прекратив свое бытие?

Есть два уровня раскаяния («тшува»): одно из них влияет лишь на будущее, а другое простирается и на прошлое, как бы «врачуя» его.

Человек, поступающий вопреки миссии, ради которой он пришел в мир, отворачивается от Творца. Покуда он не покается в своих деяниях, он пребывает в состоянии «отстранения» от Всемогушего. Но если грешник воистину отрекается от совершенного им зла и становится верным Б-гу, он восстанавливает разорванную связь: ему все прощено, как если бы он начал жизнь с новой страницы.

Это основа основ покаяния, которое влияет на будущее. Но оно не отменяет прошлого, когда человек был отрезан как от источника Б-жественного, так и от влияния Б-жественной искры, присутствующей в нем самом. И зло, совершенное человеком в прошлом, сохраняет свою реальность, оно лишь перестает влиять на его дальнейшую жизнь.

Но есть высший уровень раскаяния, который способен изменить прошлое. (У слова «тшува» есть еще одно значение – «возвращение», указывающее на этот глубокий аспект покаяния.) Человек, охваченный таким раскаянием, обращает энергию своих прошлых прегрешений в порыв к благу и восходит от бездны, где он пребывал, к высотам, недостижимым для иных праведников. Для такого грешника отпадение от Творца становится причиной столь сильной и неутолимой жажды Б-га, что она влечет его все выше и выше, раскрывая горизонты, не доступные душе умеренно праведной. Так прегрешения прошлого трансформируются в позитивную силу, направляющую человека.

С двумя типами раскаяния связана и возможность двух толкований произошедшего с градом, который обрушился на Египет. Если раскаяние фараона было из тех, что влияют только на будущее, то зло, совершенное им в прошлом, сохранило полноту своего бытия, хотя больше не воздействовало на будущее. Град и дождь как бы «зависли» в воздухе: прекратилось наказание раскаявшегося грешника.

Но если бы фараон достиг такого уровня раскаяния, которое изменяет прошлое, то была бы устранена причина, повлекшая «барад». «Зло твое накажет тебя»: в данном случае зло уже перестало быть таковым, и его устранение должно привести к немедленному устранению его последствий в виде воздаяния. Так, физически существующие дождь, лед и пламя должны были бы мгновенно исчезнуть в небытии.

(На первый взгляд, мгновенное исчезновение дождя и града кажется не так резко нарушающим законы физического мира, как дождь, зависший в воздухе. Однако мгновенное погружение чего-либо сущего в небытие куда более сверхъестественно, чем отмена закона гравитации, ибо затрагивает основы основ физики, предполагающие, что «ничто не может породить нечто, точно так же, как нечто не может стать ничем».)

Ñòù è àí àùðàæáí èá

Daáàè Bàèíá ãáíðèò: «Yòíò ì èd ìíòíæ íá ìáááí ðð, çà èíòíðíé íáòíæòíý ì èd ãýááóíéé. Í ðèááíè ñáý á ìíðýáíé á ìáááíæ óáé, ÷òíáú òú áúé ãòíá áíèðè á ááí èáòí úé çàè».

Daáàè Bàèíá ãáíðèé: «Ì ñí áí ò ì íéáýíéý è áíáðúá ááèá á yòíì ì èd ñòíýò áíéúóá, ÷áí áíý íáòá æéçíúá ì èd ñýááóíáí; è ì ñí áí ò ááòíáí íá æéáæáí ñòáá á ãýááóíáí ì èd ñòíèð áíéúóá, ÷áí áíý íáòá æéçíúá yòíì ì èd ñ».

Í íó:áíéý íòòíá 4: 21,22

В Талмуде говорится, что однажды рабби Якову довелось стать свидетелем трагической смерти молодого человека, причем к смерти его привело стремление исполнить именно те две заповеди, за соблюдение которых Тора обещает человеку продление его дней.

Так, пятая из Десяти заповедей говорит: «Чти отца своего и мать свою <...> дабы продлились дни твои» (Дворим, 5:16). Другая заповедь о «соблюдении гнезд» – «шилух а-кан»: «Если попадетя тебе птичье гнездо на дороге, на каком-либо дереве или на земле, с птенцами или с яйцами, а мать сидит на птенцах или на яйцах, то не бери матери вместе с детьми. Отпусти мать, а детей возьми себе, чтобы было тебе хорошо и продлились дни твои» (Дворим, 22:6,7).

И вдруг смерть настигает молодого человека в тот момент, когда он занят исполнением этих двух заповедей: по просьбе отца он взобрался по лестнице на крышу дома, чтобы снять с гнезда сидящую с птенцами птичью самочку и забрать птенцов. Спускаясь с крыши, он поскользнулся и разбился насмерть.

«Как же продлились его дни? – задает вопрос рабби Яков. – Где то благо, которое обещано исполнившему заповедь? Но когда Тора говорит: “продлились дни твои”, – речь идет о мире, воистину обладающем бесконечной длительностью; и когда сказано в Торе, что “будет тебе хорошо”, слова эти относятся к миру, в котором присутствует лишь одно благо» (Кидушин, 39б).

«Рабби Яков, – заключает Талмуд, – исходил из того, что в этом мире нас не ждет воздаяние за исполнение заповедей». Эта же точка зрения в «Поучениях отцов» выражена рабби Тарфоном, учившим, что «праведники получают свою плату в грядущем мире» (Поучения отцов, 2:21). Позже эту формулу повторит Рамбам в Мишне Тора, где он кодифицировал все законы Торы (Законы покаяния, 9:1).

Другой мудрец талмудической эпохи, рабби Иешуа бен Леви, цитируя стих: «Соблюдай же заповеди, и установления, и законы, которые Я повелеваю тебе сегодня исполнять» (Дворим, 7:11), подчеркивает, что речь идет об исполнении «здесь и сейчас». Он прочитывает это повеление так: «исполняй их не завтра; исполняй их сегодня, а завтра – чтобы получить за это воздаяние» (Эрувин, 22а).

Иными словами, «мир как данность» и «мир грядущий» олицетворяют два совершенно разных типа бытия. Наше существование в нынешнем мире подразумевает бытие в среде, предназначенной для действия и достижения тех или иных целей, но в этом мире нет возможности насладиться плодами своих трудов. С другой стороны, «мир грядущий» – мир конечного воздаяния, совершенный и благословенный, но в нем нет возможности дальнейших достижений. Талмуд последовательно отслеживает это различие: даже цитируя стих «наступят годы, о которых скажешь: нет мне в них проку» (Козлес, 12:1), дает ему следующее истолкование: «Сказанное относится к Эре Мошиаха, когда не будет ни заслуги, ни обязанностей» (Шабос, 151б).

В чем причина столь резкого противопоставления? Напомним: Б-г даровал человеку свободу выбора, вне которой наши деяния лишаются морального критерия. Мир, в котором выгоды исполнения заповедей Всемогущего очевидны, оказывается лишен альтернативы стремления к благу, поскольку это стремление ничем не вознаграждается. Поэтому наш мир создан Всемогущим так, чтобы ни Он Сам, ни Б-жественная природа данных нам заповедей не были явлены открыто, но

оказались сокрытыми в сердцевине бытия. Мир, в котором человек, исполняющий заповеди, обещающие продление его дней, падает с лестницы, заставляет нас делать выбор между добром и злом, между исполнением своей жизненной миссии и капитуляцией перед пороком. И только такой мир может быть ареной для действий, претендующих на наполненность внутренним смыслом.

Одѣѣа ѣѣѣ

Следует учесть, что сокрытие Б-жественной истины в материальном мире – необходимое условие, без которого не существует свободы выбора и других важных феноменов. В частности, на глубинном уровне это непроявленное, скрытое пребывание истины в материальном мире предопределяет саму природу заповедей.

Ведь исполнение заповедей предполагает, в первую очередь, физические действия с физическими объектами: шкура животного, превращенная в тфилин, оборачивается вокруг головы и руки; мука и вода преобразуются в мацу, которую ставят на стол в Пейсах; на Рош а-Шона трубят в бараний рог; эсрог (плод цитрусового растения) и лулов (отросток пальмы) становятся приношением на Суккос. Физический мир – самая подходящая среда для реализации заповедей.

«Заповеди связаны с самой сущностью Б-га» (Торас эмес, с.190, см. также Тания, часть IV, раздел 20): это утверждение является одним из ключевых положений хасидизма. Однако представление о том, что нечто может быть связано с сутью иного, с точки зрения философии, является оксюмороном. «Суть» – это вещь в самой себе, нечто, отличное и от всего, влияющего на нее извне, и от любых ее внешних восприятий. Из этого следует: «Суть чего-либо не имеет выражения и не может быть распространена» (Путеводитель растерянных, цит. по: Ки шемеш у-моген, 2692). Иными словами: если ты видишь нечто, то твое видение данного объекта не есть сам объект, но лишь отраженный им свет, запечатлевшийся на твоей сетчатке; если ты нечто понимаешь, то это не значит, что ты постиг данный объект, – ты имеешь лишь представление о нем, которое создал твой ум, наблюдая взаимодействие данного объекта с другими.

Однако Б-г пожелал «внести» Свою сущность в реальность тварного мира. Именно в этом заключается функция заповедей: соблюдая Его повеления и выполняя Его волю, мы «вносим» самую суть Б-га в нашу жизнь. Вот почему именно физическим объектам Он назначил быть «точкой приложения» заповедей.

Духовные сущности (то есть идеи, чувства) в силу своей природы указывают на источник – на высшую реальность, которую они выражают, в отличие от физических объектов, чье глубинное значение скрыто под покровом телесности. Поэтому духовное – естественный посредник для выражения той Б-жественной реальности, которую Б-г пожелал до нас донести.

Но когда необходимо «донести» Б-жественную суть, духовное, в силу присущих ему «свойств», которые мы обычно считаем «достоинствами», оказывается к этому непригодно: способность что-то явить, раскрыть вступает в противоречие с замкнутой на себя «сущностью». Так, физический объект, казалось бы, в наименьшей степени соприкасающийся с трансцендентными элементами Творения, оказывается идеальным «транслятором» сущности Б-га, выраженной в заповедях.

Физический объект просто существует. Он объявляет: «Я есть, и мое бытие полностью определяется самим фактом существования». Таким образом, физический объект скрывает Б-жественную истину.

Однако это качество физического объекта, которое можно выразить формулой «Я есть, некое время», отражает самую сущность

Творца, которая погружена в Себя и в Себе пребывает. И если непосредственная функция физического – скрывать Б-жественную истину, то сосредоточенное размышление над этим качеством физического бытия позволяет отчасти постичь бытие Б-га, которое не может быть передано никакими средствами, относящимися к сфере духовного.

В связи с этим поучительна история, как рабби Шнеур-Залман из Ляд после молитвы, читаемой на Рош а-Шона, спросил сына, рабби Дова-Бера: «О чем ты думал, когда звучали слова молитвы?» Рабби Дов-Бер ответил, что он размышлял над смыслом слов: «всякий стан пред Тобою склонится в поклоне», ибо они свидетельствуют, что и высшие из высших миров и духовных созданий умалют себя перед бесконечным величием Б-га. «А ты, отец? – поинтересовался, в свою очередь, рабби Дов-Бер. – О чем думал ты, покуда молился?» Рабби Шнеур-Залман ответил: «Я размышлял о камне, на котором стоял».

Именно поэтому физические объекты были избраны Б-гом «точкой приложения» человеческих усилий, направленных на исполнение Его воли.

Значит, объект заповеди вовсе не является «манifestацией» Б-жественности. Если бы этот объект был каким-либо отражением Б-га или раскрывал что-то о «природе» Б-жественной реальности, то он никак не мог бы «удержать» сущность Б-га. Но объект «схватывает» эту сущность, потому что именно такова воля Творца. Конечно, Б-г мог пожелать, чтобы что угодно (включая и манифестированное выражение Его реальности) могло передать Его суть, но Ему было угодно избрать в качестве такого «носителя» именно материальное, с позиции логики оно наиболее приспособлено для этого. Именно так Он сотворил этот мир, в котором «суть» и «выражение» противоположны друг другу. И материальный мир, где замутнено всякое выражение Б-жественности в откровении, Он избрал служить «инструментом», который мы используем при исполнении заповеди, прикасаясь через него к сути Б-га.

Àëÿ êîã òàé èó: óá?

«Вознаграждение за доброе дело – это доброе дело» (Почтения отцов, 4:2). Впрочем, этот стих можно прочесть и так: «Награда за заповедь – эта заповедь», – ведь всякое удовольствие и удовлетворение (как и сами представления об этом) сотворены Б-гом. А может ли быть большим удовольствие, чем познание на опыте сущности Б-га, Который есть исток всех удовольствий? Если бы человек мог воспринимать то, что «просвечивает» всякий раз, когда в повседневных делах он исполняет волю Б-га, он мог бы переживать как непосредственный опыт саму суть благословения.

Но природа того, что предусмотрено исполнением заповеди, не дает такой награды: ведь именно угаенность Б-жественной реальности делает материальный мир наиболее адекватным посредником для передачи сути Б-га. Награда может ждать нас только в мире грядущем, который будет откровением о Создателе, а не ширмой, скрывающей Творца. А мир грядущий, если в нем манифестирована Б-жественность, будет служить тому, чтобы мы получили вознаграждение за соблюдение заповедей, но он окажется непригоден для их исполнения.

Поэтому в обсуждаемой нами заповеди рабби Яаков говорит: «Момент покаяния и добрые дела в этом мире стоят больше, чем вся жизнь в мире грядущем; и момент духовного блаженства в грядущем мире стоит больше, чем вся наша жизнь в этом мире».

В соответствии с целью, которую ставил Всемогущий перед Творением – чтобы суть Его проникла в физический мир, – одно-единственное благое деяние человека несравненно больше, чем весь опыт благословенного пребывания в Мире грядущем.

И все же исполняющий заповедь остается во тьме. Даже если он может осознавать ценность своего деяния, он не в состоянии чувственно это воспринять и перенести в свой непосредственный опыт. Поэтому на уровне опыта одно мгновение в Мире грядущем заключает в себе большее наслаждение, чем все радости нашего мира, вместе взятые.

Àáí êáò í ùé çàè

Можно спросить: а насколько важна проблема воздаяния за исполнение заповедей? Ведь если цель, преследуемая Б-гом в творении, реализована в нашей повседневной жизни, то имеет ли какое-то значение наше удовлетворение?

Ответить можно так: необходимость Мира грядущего определяется приверженностью Б-га к справедливости. Мудрец сказал: «Б-г ни одно создание не лишает того, что ему следует обрести» (Мидраш Мехилта, Шмойс, 20:3). Если человек призван быть орудием исполнения желания Б-га, заложенного в творении, и если цель человека – удовлетворить Б-га, то и человек заслуживает удовлетворения, заключенного в наслаждении плодами своих трудов.

Но этот аргумент не раскрывает абсолютного значения Мира грядущего. Рабби Яков говорит, что наш мир подобен передней, ведущей в зал – Мир грядущий. То есть Грядущий мир – это не «примечание» к «основному тексту» нашего мира, а цель и смысл его существования. Неудивительно, что эту тему обсуждали многие мудрецы.

Но как согласовать это с представлением, что «суть чего-либо не имеет выражения и не может быть распространена»? Неужели наш мир, в силу царящей в нем духовной тьмы, в силу невозможности выразить в материальном мире реальность Б-га, облегчает схождение в него Б-жественной сущности, и так реализуется цель творения?

Èñòèíí Îí, è èñòèíí Çääü

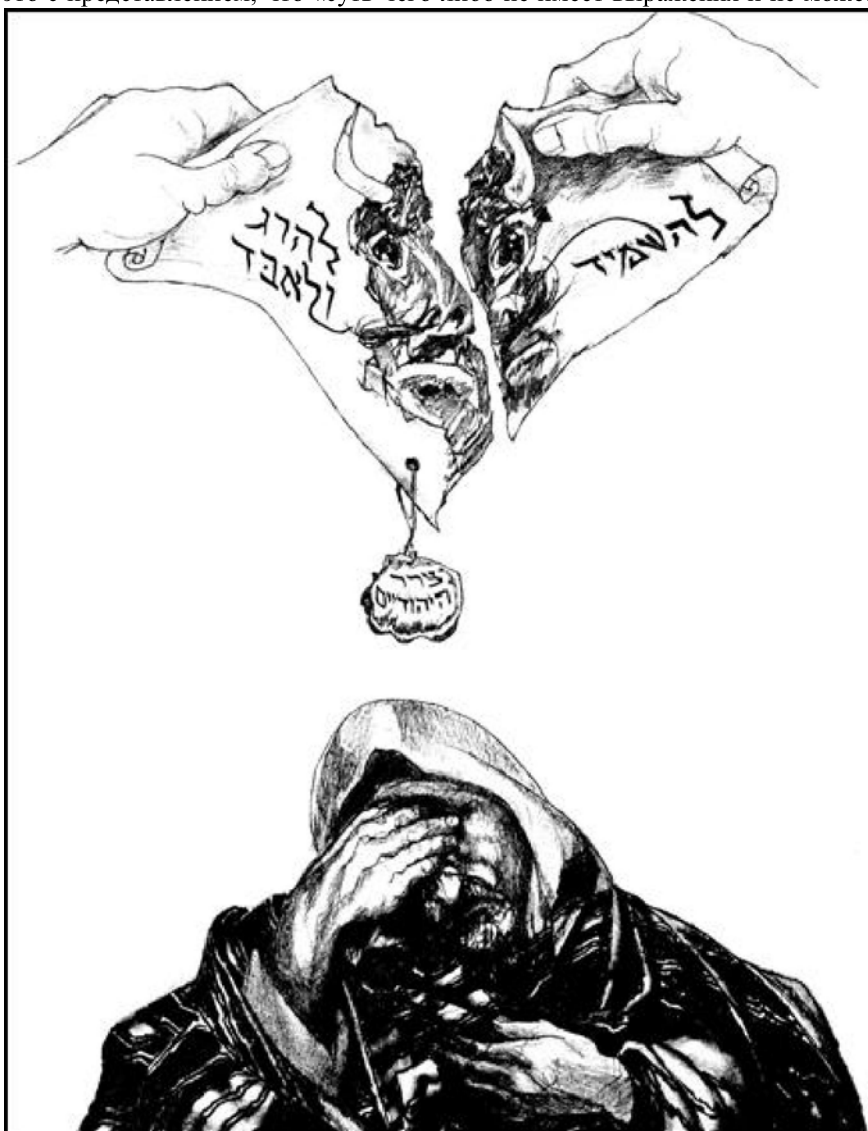
Употребляя понятия «суть» и «выражение» по отношению к Всемогущему, мы не должны забывать, что Он создал нашу логику и ее законы. А значит, Он выше всех рациональных аксиом и не подчиняется им.

Он установил связь с нашим миром угодным Ему образом и пожелал, чтобы эта связь согласовывалась с основополагающими истинами, определяющими характер нашей реальности.

Если цель творения – схождение Б-жественной сути в реальность физического бытия, то это проникновение должно следовать физическим законам, а не преодолевать или отменять их. Поэтому, если логика говорит нам, что «выражение» несовместимо с «сутью», значит, внести Б-жественность в мир мы можем лишь «вслепую», когда манифестация Б-жественной сути не дана нам в чувственном опыте.

С другой стороны, если Б-жественная суть действительно проникает в наш мир, она не должна встречать на пути никаких препятствий. Если реальности Б-га неведомы пределы и ограничения, «откровение» в той же мере способно выразить ее, как и «затемнение».

Иными словами, пребывание в мире связано для Него с двумя истинами, внешне противоречащими друг другу: если Он воистину пребывает здесь, то это пребывание должно быть совместимо с нашей реальностью; но если это Он воистину здесь пребывает, Он должен пребывать так, как свойственно Ему, не знающему никаких ограничений.

Вот почему тварное существование включает две составляющих: мир нынешний и Мир грядущий; эти две составляющих являют процесс и его кульминацию. Процесс схождения Бжественной сущности в тварную реальность проходит под покрывалом телесности, в рамках правила: «суть чего-либо не имеет выражения и не может быть распространена». В то же время, конечный результат этого процесса – мир, в котором Б-г явлен беспрепятственно, – Мир грядущий, где выражение Его реальности полностью доносит до твари суть Его бытия.

Ñi edái í úé ñæääò æü

Oi oye Ì eääöéé ñáíðèò: «Éíää òáíé äääííääääò, íá äääöéíí; éíää íí ñíòéíáòíí, íá èèééé á äöóá».

Í íó-áíéý íòóíá 4:24

Основатель хасидизма, рабби Исроэл Баал-Шем-Тов, настаивал: ничто не случайно, всякое событие и всякий опыт, выпадающий на долю человека, предопределены и ведут к какой-то цели. Поэтому, если человеку довелось стать свидетелем падения своего ближнего, ему следует задуматься о том, что подобный порок, в той или иной мере, присущ ему самому. Иначе зачем Бжественное провидение дало ему это видеть? Несомненно затем, чтобы открыть глаза на то, что необходимо исправить в собственной душе.

Поэтому, даже если это твой враг и он заслужил воздаяния, даже если ответственность за его моральное и духовное падение всецело лежит на нем самом, – помни, что его падение неслучайно произошло на твоих глазах. Тебе, свидетелю падения, дается понять: и у тебя есть те же отрицательные черты, пусть не столь резко выраженные.

Шмуэл Младший жил в те времена, когда еврейская община подвергалась злобным нападкам клеветников, и эти выпады, грозившие самой сущности иудаизма, требовали адекватного ответа. В Талмуде сказано, что именно Шмуэлу принадлежит авторство жесткой формулы «Ве-ла-малшиним» («Что касается клеветников, да будет отказано им в надежде, и да сгинут все еретики и маловерные» (Брохойс, 28б), включенной в ряд молитв.

Но чем больше побед он одерживал над врагами, тем смиреннее становился. Более того, именно своему смирению он обязан прозвищем «Младший»: оно указывает не на то, что до него был другой знаменитый Шмуэл – Старший, а на почтительную манеру поведения, с кем бы ему ни доводилось иметь дело. Его жизнь была воплощением идеального представления о том, что чем больше побед над злом одерживает человек, тем чаще он должен спрашивать себя, нет ли следов этого же зла в его сердце и его душе.

Воскресение мертвых

Díæääí í úí íðääñòíèò óí äääòú, à óí äðòèí äääíóòííý é æéçíé.

Í íó-áíéý íòóíá 4:29

Íáíí èç íñíáíúò ííéíæáíéé èöáæçí á - äääà á òí, ÷òí óí äðòèá íæéáò. Íí ñòè, «Áíñèðáííéá í äðòáíò» - íáíá èç òðèíááòáèé í äääííñíá íæóæ äääí. (Ýòè íðèíòèíú èöáæçí á èçéíæáíú Ðáí äáí íí á äää íðæçéíæé è òæéí äæ-áíéíí ó òðæòáòó «Ñáí äääèí».)

Çääááé ñ úñé ííáíæçíääò, ÷òí èääý äíéää-íáí, ÷áí äá äíéíúáíéá çáí úñé ñááðóáí í äá äá äääéçáðèé: äòò äíóá í äòáðè. Èç ýòíá ñéääíò, ÷òí äöóá äá-íá è íáðáðòèéí á, à äá òèçè-áíééé ññá, òæéí, éííá-íí, òæáíí é íáðá-áíí íáðáðòèóííý á íðáá. Ñ ýòèí ñæáíèòííý èðáíé äíáíñéá Í í òíää ò-áíéá í Áíñèðáííéé ýòíí ó íðíòèáíðá-èò. Áíéè òæéí - èèóíí äääí áííá é íáíááðóáí í á äí äíðèééúá äöóé, çá-áí ñçáääòú äá äí íáí çá-áí äíçääúáòú äá é æéçíé?

Óðíí íé è ñéáííé

В основе основ грядущее воссоединение тела и души необходимо для реализации другой из тринадцати первооснов нашей веры, принципа «Воздаяния и наказания». Как сказано мудрыми, «Б-г ни

одно создание не лишает того, что ему следует обрести» (Мидраш Мехилта, Шмойс, 22:30). В творении все гармонично: всякое благое деяние будет вознаграждено, всякое несправедливое действие – исправлено. Поскольку во всех наших деяниях соучаствовали душа и тело, они должны соединиться вновь, чтобы познать результат своих прегрешений и заслуг.

Чтобы легче это представить, обратимся к аналогии, которую приводит Талмуд. Некий царь нанял двух инвалидов стеречь сад. Один из них был хром, а другой – слеп. Они вошли в сговор и стали разорять сад: хромой садился на плечи слепого и обрывал с деревьев плоды. Когда царь узнал, какой урон нанесен саду и призвал сторожей к ответу, слепой заявил: «Как мог я украсть то, чего не видел?!», хромой же отпирался, говоря что из-за своего увечья он просто не мог достать плоды. Тогда царь повелел хромому сесть на плечи слепцу и судил их как одного человека (Сангедрин, 91а).

Эта притча отражает положение человека в материальном мире. Тело человека наделено всеми физическими способностями, но слепо. Оно наделено всем, что нужно для исполнения его миссии, но слепо в отношении того, как наилучшим образом приложить данные ему способности. Эгоистичные, животные побуждения тела отвлекают его от сосредоточения на насущно важном, и за пеленой телесных желаний человек не может разглядеть истинное положение вещей.

Зрение, позволяющее отличать добро от зла и праведное от несправедливого, – привилегия души: искры Б-жественности, дарованной человеку, чтобы он не терял из виду своего Создателя и помнил о своем предназначении в этом мире. Однако сама по себе душа беспомощна. Чтобы реализовать свою миссию, она нуждается в теле: в мозге, сердце, руках и ногах.

Лишь соединение тела и души дает «человека», и лишь вместе они могут охранять и возделывать доверенный Хозяином сад («И взял Б-г Всесильный человека, и поместил его в саду Эдена, чтобы возделывать его и хранить его» (Брейшис, 2:15).

В нашем несовершенном мире, окутанном тьмой, мы не можем получить плоды своих трудов, чтобы насладиться ими. Но с приходом эры Мошиаха совместные усилия множества поколений достигнут конечной цели. И поскольку «Б-г ни одно создание не лишает того, что ему следует обрести», то все элементы, вовлеченные в выполнение Бжественного плана, воссоединятся, чтобы познать совершенный мир, созданный их совместными усилиями, и насладиться этим миром.

Òdè ì èdà

Все сказанное поясняет лишь один аспект интересующей нас проблемы: почему в будущем произойдет воскресение. Но почему представление о воскресении – одна из первооснов иудаизма? Тора вмещает тысячи положений веры, идей, ритуалов, но лишь тринадцать из них мы считаем первоосновами, и на них держится все остальное учение; «выпадение» любого из этих тринадцати принципов приведет к выхолащиванию смысла множества вещей, в которые мы верим.

Чтобы уяснить, насколько важное место в системе иудаизма занимает представление о воскресении, рассмотрим взгляды двух величайших еврейских мыслителей, Рамбама (Моше бен Маймона, 1135 – 1204) и Рамбана (рабби Моше бен Нахмана, 1194 – 1270), о том, какова главная цель, положенная Б-гом творению.

Существование мира можно разделить на три периода:

- ìàò ìúíàòíèé ì èd (Ìèàì à-çà);

- ÿà Ì ìòèàòà (Èàì ìéñà-Ì ìòèàò);

- ì èd àÿäòùèé (Ì èàì à-àà).

Нынешний мир – арена борьбы добра и зла. Мы участвуем в этой борьбе изо дня в день. То одна, то другая сторона берет верх: порой мы капитулируем перед нашими животными наклонностями, порой побеждает заложенное в человеке Б-жественное начало. Поэтому наш мир таков, что в нем присутствуют алчность, ненависть, страдание. Б-г сотворил этот мир, чтобы он был отражением присущих Ему бесконечного блага и совершенства, но Б-г сокрыл их завесой материальности, так что истинная природа мира для человека не очевидна. Человеку дарована свобода выбора между добром и злом: либо трудиться, чтобы «высветлить» добро и благо, заложенные в нем самом и окружающем мире, либо попустительствовать иллюзии зла.

Всякая моральная победа является отражением сущностной природы нашей реальности, а потому принадлежит вечности и в ней остается, тогда как наши греховные поступки – лишь временное и поверхностное искажение истины мироздания. Поэтому наше время когда-нибудь перейдет в свободную от раздоров эру Мошиаха.

Эра Мошиаха не имеет ничего общего со сверхъестественным состоянием мира. Будет тот же мир, каким мы знаем его сейчас, но природа человека не будет подвергаться порче. Человек избавится от эгоизма и ограниченности, свойственных ему сейчас; живущая в гармонии всемирная община людей посвятит свои силы и ресурсы общему благу, накоплению мудрости и праведности. Иными словами, эра Мошиаха олицетворяет собой овладение человеком всей полноты его природного потенциала.

Однако законы природы тесны и ограничены. Поэтому мир совершенной природы нельзя назвать истинным отражением совершенства, присущего Творцу. Так, смерть – природный феномен, связанный с конечной и преходящей природой физических объектов, но тем самым она противоположна бесконечной и вечной реальности Б-га. Ведь мир, сотворенный изначально, не ведал смерти и распада, они явились следствием первого греха человека. И многое в природе – это мягкая форма «зла», часть покрова, скрывающего Бжественную реальность.

Эра Мошиаха тоже будет периодом людских усилий и обретений, однако этот период будет отличаться от нашего периода борьбы со злом.

Сегодня почти вся наша жизнь – противостояние натиску зла: мы должны утолить свой или чужой голод, просветить невежество, умиротворить воюющих. В эру Мошиаха очевидное зло будет побеждено, и люди будут прилагать усилия, чтобы покорить новые вершины, свойственные иной, более высокой степени проявления блага. Мы будем стремиться раздвинуть пределы, ограничивающие наше естественное существование.

За эрой Мошиаха придет иной мир, и в нем до конца будет реализован замысел Б-га в творении. Это будет мир, во всей полноте отражающий совершенство Творца, мир, который выше ограничений природного порядка. Мир грядущий, мир вечной жизни.

Ī i dāāāāī ēy m āāōāī nō āī

Есть ли в Мире грядущем место физическому бытию?

Это было предметом споров между Рамбамом и Рамбаном. Рамбам придерживался точки зрения, что финальное состояние мира подразумевает чисто духовное бытие. «В Мире грядущем, – пишет Рамбам, – нет физических форм или тел, – только души... Потому там не едят и не пьют, не совершают ничего, что связано с удовлетворением нужд тела, известных нам по миру этому... Точно так же там не может происходить ничего, что напоминало бы события в этом мире... [Души] будут наслаждаться сиянием Б-жественного присутствия – они будут знать и понимать Б-жественную истину, недоступную им в низшем теле... Это жизнь, где нет смерти, ибо смерть постигает только тело. Это воздаяние, выше которого нет, и благо, выше которого не существует...» (Законы покаяния, 8:2,3).

Но как он понимает воскресение в теле? Как поясняет Рамбам в «Письме о воскресении мертвых», воссоединение тела и души всех людей, когда-либо живших на земле, – важная составляющая эры Мошиаха, когда вся природа, все физические элементы мира достигнут максимума своего совершенства. Но это будет лишь их максимум, а не максимум абсолютный. Мертвые восстанут к совершенной жизни – совершенной настолько, насколько может быть совершенной физическая реальность. Эта жизнь также будет подвержена действию процессов распада, свойственных всему материальному, и со временем подойдет к концу, чтобы на смену ей пришло духовное совершенство Мира грядущего.

Рамбан был не согласен с этим. По Рамбану, окончательная реализация Бжественного творения – не духовный мир душ, но мир, в котором дух и материя вместе выражают совершенство Творца, трансцендентное по отношению ко всякой твари, но при том – объемлющее всю тварь. И воскресение мертвых должно стать вступлением в вечную физическую жизнь – в Мир грядущий, населенный душами, которые облачены в тело.

Кабала и хасидизм исходят из тех же представлений о совершенном бытии, что и Рамбан. Отталкиваясь от известного высказывания «чем выше сущность, тем ниже она может сойти», хасиды указывают, что предельная выраженность Б-жественной истины подразумевает, что нет ни одного аспекта реальности, в котором эта истина не обнаруживалась бы. Но если мы считаем физическое чем-то слишком конечным и низким, чтобы в нем могло реализоваться совершенство Создателя, мы утверждаем, что Б-г может простереть Свое влияние и Свое проявление лишь до «вот этого предела и не далее», – а это противоречит сущности Всемогущего. Б-г превосходит любые пределы и определения. И настаивать на том, что Он – «духовен», так же ошибочно, как приписывать Ему физические качества, упаси нас от этого Б-г. Он не есть ни то, ни другое (ибо и духовное, и физическое – всего лишь Его творение), но то и другое служит Ему.

В нашей реальности материальная природа этого мира, возможно, заслоняет от нас Б-жественность, присутствующую в физических объектах, и только в духовном мы эту Б-жественность прозреваем. Однако в Мире грядущем сама природа будет яркой свидетельницей и громким глашатаем всепобеждающей Б-жественной истины. Так, сила света, исходящего от того или иного источника, определяется тем, насколько далеко проникает этот свет; мерой гениальности человека может служить его способность объяснить самую глубокую идею самому косному человеку. Точно так же физический мир, сообщающий Б-жественную истину, – самое могучее свидетельство бесконечного совершенства Б-га.

И это цель, к которой должно прийти Бжье творение: человек, ведя за собой весь физический мир, должен преодолеть несовершенство материи и явить ее истинную природу, ибо материя призвана выражать Б-жественность и совершенство Создателя.

Ī × ÓÂÑÒÁÁ ÑĪÂÑÒÁÁĪ Ī ĪĪ ĀĪÑÒĪ ĒĪÑÒÁÁ

В том, наверное, и заключается мудрость – в умении отличать истинные опасности от мнимых, трезво взвешивая факты, не упуская оттенки, нюансы. Не полагаясь на чужой ум.

Можно сделать вид, будто последние выборы в Государственную Думу ничего не изменили. Всё как было, так и осталось. На кого-то сослаться или намекнуть на взаимопонимание с этим кем-то, очень высоким. Можно. Но нужно ли?

У нашего журнала свой круг интересов, своя читательская аудитория, обостренно воспринимающая национальные проблемы. Обостренность такая не от мнительности, а от истории, обгащенной еврейской кровью. И еще от того, что сегодня нет В. Жаботинского, нет человека, чутко и безошибочно реагирующего на нужды своего народа, на опасности, грозящие ему, умеющего на чистом, общедоступном русском языке доказательно формулировать свои мысли.

Еще даже во времена государственного антисемитизма к наиболее влиятельным публицистам относились Михаил Кольцов, Илья Эренбург, Анатолий Аграновский... Сегодня же мы вынуждены довольствоваться банальными суждениями, сформулированными на заурядно газетном уровне. Суждениями, где не всегда улавливаются особенности ситуации. Меняется же она, пусть не катастрофически, но не к лучшему.

Националистические нотки зазвучали еще до избирательной кампании, набирая силу в ее ходе, не получая сколько-нибудь ощутимого отпора. Зато поддержка в массах нарастала. Как и молчаливая солидарность президента, осторожно отмежевывавшегося от них, но уже тогда, когда выборы остались позади.

Нет оснований для паники. Но нет и для благодушия. Есть необходимость в обстоятельном анализе ситуации, в более взыскательном взгляде на тех, чье положение дает право и возможность обращаться к своему народу, никогда не страдавшему верноподданническим недугом. В отчетливом, наконец, понимании «новыми евреями» той несомненной истины, что их самодовольное барство, не имеющее ничего общего с чувством собственного достоинства, воспринимается окружающими несколько иначе, нежели подобное же поведение «новых русских».

ВЫ БОИТЕСЬ СВОЕЙ ДУШИ?

Nei i' Aa'ei'ani

Скептики нередко критикуют организованную религию, утверждая, что она будто бы нацелена на подавление логики и самовыражения. Сводя к тривиальному содержащемуся в Библии повеление «Бойся Б-га!», подобные скептики утверждают, что якобы на это повеление делается чересчур большой упор, дабы поддерживать среди верующих установленный порядок.

Существует хорошо известная история о знаменитом хасидском раввине XVIII века – рабби Леви-Ицхоке из Бердичева, славившемся своим состраданием к людям, а так же тем, что никогда и никого он ни за что не осуждал.

Однажды в праздник Рош а-Шона рабби Леви-Ицхок позвал своего соседа пойти вместе с ним в синагогу. Сосед отказался, признавшись:

– Ребе, я – атеист, я не верю в Б-га, и с моей стороны было бы лицемерием прийти в синагогу.

Выслушав эти слова, рабби Леви-Ицхок лишь улыбнулся, и ответил:

– В того Б-га, в которого ты не веришь, и я не верю.

На иврите слова, которые обычно переводятся как «Б-гобоязненность», «страх Б-жий», это – «ирас Шомаим», что фактически означает «благоговение»...

Боязнь, а иначе – страх, как постоянный спутник повседневного существования, может быть очень нездоровым явлением и постоянно отравлять жизнь.

В качестве примера приведем страх, охватывающий ребенка, прячущегося при виде отца-алкоголика.

Однако иной – благоговейный страх – подразумевает тайну и сознание присутствия в мире чего-то великого.

Когда мы неожиданно останавливаемся при виде открывшейся нам красоты природы, или стоим, охваченные внезапно нахлынувшим чувством восторга перед шедевром искусства, – мы испытываем благоговение. И именно вот в такие минуты чаще всего нас возвышает осознание того, что, поистине, жизнь – это дар Б-жий.

Благоговение – это признание дистанции между человеком и его Творцом. Оно лишь возвышает человека, но при этом – никоим образом не умаляет свойственного человеку желания познать истину.

Более того, – скорее следовало бы утверждать даже прямо противоположное. А именно: благоговение способно рождать в человеке чувство собственного достоинства. И это – куда более искреннее движение чуткой души, но в то же время – это и плод великих познаний, и итог зрелых размышлений. Ибо порождаемое благоговением чувство собственного достоинства в нас, – оправданно хотя бы потому, что в себе человек видит часть поистине великого Б-жьего замысла.

...В одном известном рассказе, который особенно популярен среди циников, скептически настроенная племянница спрашивает своего Б-гобоязненного дядюшку:

– Скажи, если бы тебе пришлось выбирать между истиной и Б-гом, что бы ты выбрал?

Дядя – понятное дело! – немедленно отвечает:

– Конечно, Б-га!

Этот ответ как бы подтверждает расхожее в подобной среде стереотипное представление, будто бы Б-г (религия) и истина – не обязательно синонимы.

Задача человека в мире – выявить величие своего собственного сердца и души. Для этого ему порой просто нужно «выполоть сорняки», – ростки сопротивления и извращения голоса собственного сердца и разума. И тем самым, – избавиться от всего, мешающего возвыситься над своей природной ограниченностью.

Надо приложить усилия и научиться не допускать того, чтобы повседневная, суетная и бездуховная жизнь отвлекала от этой цели.

И ясно, что уж вовсе не следует человеку становиться жертвой своих субъективных незрелых взглядов и предубеждений.

Цветы прорастут лишь тогда, когда сорняки не будут мешать им...

Один из великих раввинов однажды сказал:

– Иудейская духовная традиция открывает человеку глаза на то, как незначителен он сам – и каким великим может стать. Не бойтесь Б-га, но благоговейте перед Ним! Страх – деморализует, однако благоговейный страх – возвышает!

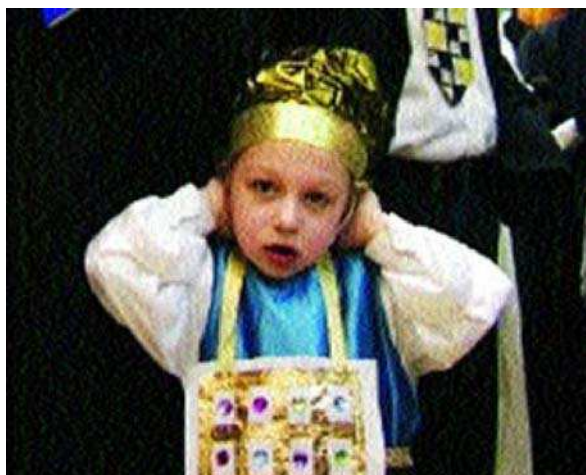
Любовь к Б-гу и благоговение перед Г-сподом – это основа иудаизма. На этой основе человек может начать молиться Б-гу, общаться с Ним. И именно таким образом каждый из нас способен дать духовному началу в себе конкретное воплощение.

...Неужели вы боитесь своей души?

А затем под музыку ансамбля «Клезмастерс» и зажигательные песни Евгения Валевича и дети, и взрослые плясали еврейские танцы. Желающих танцевать оказалось так много, что распорядителям праздника пришлось убрать несколько рядов стульев. Веселье постепенно выплескивалось в коридоры и вестибюль, охватив весь МЕОЦ. Одновременно с вечером в зале «Амфитеатр» шла программа для молодежи, во время которой демонстрировали «высокую пурим-моду», развлекали публику веселыми конкурсами и аттракционами. Молодежная программа завершилась праздничным концертом с участием группы «Моральный кодекс» и фейерверком.

В Большой хоральной синагоге Петербурга на празднование Пурима собрались представители еврейской общественности и многочисленные гости. Главный раввин города Менахем-Мендл Певзнер поздравил собравшихся с самым веселым еврейским праздником и прочитал свиток Эстер. Как и положено, упоминание имени Омана сопровождалось шумом трещоток и топаньем ног. С приветствиями к участникам вечера обратились председатель еврейской религиозной общины города Марк Грубарг, первый секретарь

посольства Израиля в России Марат Богуславский, главы администраций Адмиралтейского и Выборгского районов Юнис Лукманов и Владимир Колесников.

Выступая перед собравшимися, раввин Менахем-Мендл Певзнер сказал: «Это праздник, благодаря которому каждый еврей осознает, что он – еврей. Это не означает, что он лучше или хуже, выше или ниже других. Это непреложный факт, понимание которого необходимо, прежде всего, для него самого».

Большой праздничный вечер прошел и в Нижегородской синагоге. Он собрал полтысячи евреев города – от грудных младенцев до убеленных сединами ветеранов. В фойе был организован праздничный базар, где можно было купить попкорн, сок, лимонад – и яркие карнавальные маски. В концерте принимали участие артисты цирка: жонглеры, клоуны, дрессировщики животных. Большой молельный зал сотрясало от танцев и песен. На вечере веселились учащиеся школы «Ор Авнер» и воспитанники детского сада «Ган Менахем». В полном составе приехали ученики ешивы в клоунских колпаках; апофеозом вечера стал пуримшпиль, созданный стараниями молодежи.

На праздничный вечер в небольшой еврейской общине Рыбинска собралось более 200 человек. Роль Омана на пуримшпилье исполнял заслуженный артист России, директор рыбинского драматического театра Георгий Эльнатов, который также помог с постановкой спектакля и с костюмами. Общину поздравили и вручили памятные подарки депутат областной Думы Евгений Ершов, руководитель студии эстетического воспитания ДК «Авиатор», инициатор городской программы толерантности и межнационального согласия Ольга Смыслова.

Еврейская община Тулы отметила Пурим в Тульской областной филармонии. Со словами приветствия к собравшимся обратился председатель общины Лев Райхлин, который зачитал поздравление главного раввина России Берла Лазара. «Впервые на вечере был представлен пуримшпиль с участием ребят из воскресной школы, которая была организована в общине всего полгода назад благодаря непосредственному участию ФЕОР», – рассказал руководитель общины. Ребята изучали историю и традиции праздника Пурим, на уроках музыки разучивали еврейские песни и танцы, репетировали. Постановку спектакля осуществил заслуженный деятель искусств России Игорь Москалев.

Праздник продолжался в фойе за накрытыми столами. Пуримские подарки, присланные ФЕОР, получили 270 человек, пришедшие на праздничный вечер. Атмосферу веселья и радости создавал полюбившийся тулякам и жителям многих городов России и СНГ ансамбль клезмерской музыки «Алэвай» под руководством Николая Светличного.

А еврейская община Брянска направила приветствия главе города Владимиру Полякову, главному федеральному инспектору Владимиру Гайдукову и губернатору Брянской области Юрию Лодкину в связи с празднованием Пурима, где, в частности, говорится: «Пурим – это пир и праздник веселья – как написано в Мегилас Эстер. Чудесное избавление еврейского народа привело к тому, что Пурим стал самым веселым днем в еврейском календаре. В этот день, обмениваясь подарками между собой, мы не должны забывать и о помощи, которую надо оказывать нуждающимся. Такие поступки, совершенные в каждом уголке мира, объединяют нас, делают мир светлее и добрее».

Празднование в Рязани проходило в кафе «Чарли» – сначала для детей и молодежи, затем для людей среднего возраста, а потом для пожилых. На празднике побывали 200 человек. С праздником всех поздравили мэр города и депутаты горсовета. Воспитанники воскресной школы показали спектакль на тему Пурима. Особым успехом пользовался и конкурс «Красавица Эстер», в котором приняли участие около двадцати женщин различного возраста.

Искрометный пуримшпиль открыл праздничное заседание еврейской общины Тамбова. Спектакль отличался оригинальным сценарием, в котором каждому «историческому» персонажу соответствовал характерный лесной зверь. А открыл праздник председатель Тамбовской еврейской религиозной общины Аркадий Фарба, который зачитал поздравление главного раввина России Берла Лазара.

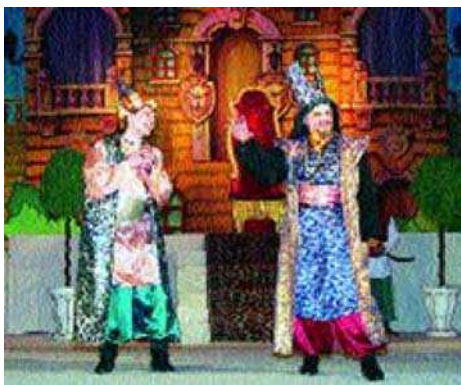
Празднование Пурима в еврейской общине Ростова-на-Дону готовили все вместе: ученики школы «Ор Авнер» клеили и украшали маски и клоунские колпачки для участников пуримского карнавала, а их преподаватели и работники общинных программ «Хеседа» сочиняли конкурсную программу, репетировали вместе со своими питомцами песни и танцы; молодежный клуб готовил веселый пуримшпиль: шили костюмы, художники Илья Чагаев и Александра Баженова ночами просиживали за эскизами оформления зала, рисовали пятиметровые растяжки и плакаты. В ходе праздника использовались все новейшие достижения техники: на огромном экране перед зрителями оживали образы виртуальной презентации Мегилас Эстер, на экране после упоминания имени Омана всплывала «подсказка» собравшимся – яркая трещотка и надпись «Шуметь!» После чтения свитка Эстер и пуримшпиля все отправились на второй этаж – зарабатывать «пуримгелд», участвуя в конкурсах. Особенно довольны были дети – их в этот вечер в синагоге было более восьмидесяти.

В этом году празднование Пурима в Таганроге заняло несколько дней: 5 марта таганрогская еврейская община совместно с «Хеседом Таган Шофар» поздравила с праздником ветеранов, 6 марта праздник проходил в Еврейском общинном доме, а 7 марта в гости к детям из воскресной школы общины приехали студенты ростовской ешивы. Переодетые в карнавальные костюмы, с пуримскими подарками, они устроили детям настоящий праздник.

До позднего вечера веселились в кафе члены еврейской общины Армавира. Как сообщил председатель общины Владимир Армер, отпраздновать Пурим собралось более 70 человек. Специально подготовленная еврейскими лидерами этого небольшого городка в Краснодарском крае веселая пуримская программа позволила и взрослым, и детям ощутить атмосферу самого веселого праздника еврейского календаря.

В Еврейский общинный дом Владикавказа в гости к ученикам воскресной школы пришли ребята разных национальностей – учащиеся 9 класса средней школы №26. На прошедшем в этой школе Фестивале национальных культур народов Северной Осетии они представляли еврейскую культуру и традиции, став абсолютными победителями программы. Гости выступили с приветствием, а ученики воскресной школы рассказали им о празднике Пурим, представили небольшой пуримшпиль и предложили игровую программу.

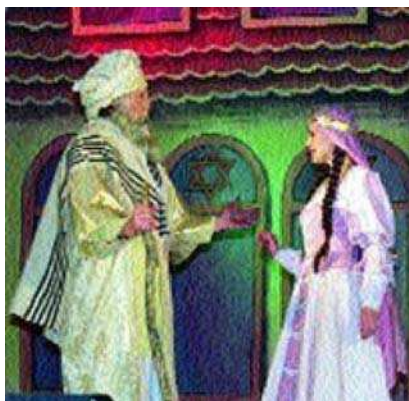

Учащиеся еврейской общеобразователь-

ной гимназии «Ор Авнер» Екатеринбургa вместе с педагогами побывали в областном госпитале ветеранов всех войн. Перед собравшимися выступил председатель еврейской общины Яков Соскин. Учащиеся с 1 по 11 класс показали концерт, посвященный празднику Пурим. Особенно понравились большим выступления детских коллективов гимназии – хора мальчиков «Пирхей Русия», хора девочек и танцевального ансамбля девочек.

После концерта гимназисты поздравили женщин-ветеранов Великой Отечественной войны, находящихся на лечении, с женским праздником 8 марта, и подарили каждой из них цветы.

Сотрудники госпиталя также со своей стороны поздравили еврейскую общину с наступившим праздником Пурим и вручили председателю общины Я.М.Соскину благодарственное письмо.

Небольшая еврейская община Юрги отметила Пурим в кафе, где состоялся полуторачасовой концерт с участием ансамбля выпускников и студентов Новосибирской государственной консерватории под управлением Сергея Комкина. Наряду с классическими произведениями прозвучали еврейские мелодии и песни «Атиква», «Золотой Иерусалим», «Лехаим», а также попури на темы еврейских песен. Собравшиеся с интересом слушали историю Эстер и Мордехая.

Во Дворце культуры «Комбайностроитель» собрался весь «еврейский Красно-ярск». После поздравлений раввина города Бенъемина Вагнера, председателя КЕРО Ю.С. Лившица, представителя фонда «Джойнт» по Сибири и Дальнему Востоку Б. Дамари, председателя ККЕНКА «Гаскала» Н. Рашковского, а также представителей администрации Красноярского края состоялось чтение свитка Эстер. Пуримшпиль в этом году был поставлен силами артистов цирка. Всем хватило «шалах монойс», а после праздничной трапезы гости дружно аплодировали ансамблю, исполнявшему еврейскую музыку.

Праздник Пурим еврейская община Новокузнецка отметила в уютном кафе «Юность». Всего праздник посетили 150 человек. Творческий коллектив еврейской воскресной школы и молодежного клуба показали пуримшпиль, где драматические события истории Эстер были представлены в форме юмористического спектакля в сопровождении музыкально-вокальной группы и танцевального ансамбля. Все получили «шалах монойс», присланные ФЕОР.

В новосибирской еврейской общине праздник Пурим прошел в еврейском лицее «Ор Авнер». Этот день начался с линейки, на которой был зачитан пуримский приказ директора лицея Ефима Мееровича Зингеля. Своей властью директор запретил учителям проводить занятия, ставить низкие оценки, портить настроение лицеистам строгим видом и замечаниями. Лицеистам же запрещалось входить в кабинеты в положенное время и в форме, ходить по лицее в плохом настроении. Поступило также распоряжение надеть всем карнавальные костюмы, веселиться и радоваться празднику. Были выпущены специальные юмористические газеты и поставлен спектакль по истории Пурима. А завершился праздник фейерверком.

В синагоге Омска состоялось традиционное чтение свитка Эстер. Наравне со старшими членами общины при нем присутствовали и самые юные – учащиеся воскресной школы, которые громко топали, свистели, хлопали, трещали при упоминании имени Омана. Праздничная церемония продолжилась мини-концертом, в котором прозвучали песни, исполненные еврейским народным хором «Золотая осень», а также еврейские мелодии в исполнении детского клезмерского ансамбля. Члены трех молодежных еврейских организаций Омска: Омского молодежного еврейского центра (ОМЕЦ), клуба «Гилель» и молодежного клуба при Израильском культурном центре (ИКЦ) собрались на празднование Пурима в здании синагоги. Ведущие праздника предложили всем присутствующим попутешествовать по разным странам и отметить Пурим вместе с их еврейским населением. Все это время с ребятами был главный

раввин города Омска Ошер Кричевский, который в конце путешествия прочитал свиток Эстер. Большинство из присутствующих присутствовали при чтении свитка впервые.

Еврейская община Уфы собралась, чтобы отметить Пурим, в Русском драматическом театре. С приветственным словом выступил главный раввин Башкирии Дан Кричевский. С праздником, «воплощающим идеалы гуманизма и милосердия», еврейскую общину поздравил в своем послании президент Республики Башкортостан Муртаза Рахимов. Состоялся конкурс карнавальных костюмов. Мюзикл на тему Пурима показали учащиеся школы «Ор Авнер». Вечером в филармонии был устроен праздничный концерт с участием творческих коллективов национально-культурного центра «Кохав» и «Хеседа – Лея».

Пурима в Биробиджане с нетерпением ждали не только в еврейском общинном центре «Фрейд», но и во многих образовательных учреждениях города, где изучают еврейские языки и культуру. Первыми отмечать праздник начали ученики воскресной еврейской школы, которые к Пуриму подготовили выставку рисунков и веселый пуримшпиль. А слушатели народного университета и члены клубов общины читали Мегилас Эстер. Кульминацией праздника стало пуримское представление, подготовленное артистами Дворца культуры для жителей Биробиджана. Еврейскую общину города и всех биробиджанцев поздравил главный раввин Мордехай Шайнер и председатель еврейской общины «Фрейд» Лев Тойтман. Зрители тепло встретили выступление танцевальных коллективов «Сюрприз» и «Мазл Тов», вокальной детской группы «Иланот», музыкально-драматического театра «Когелет», ансамбля скрипачей и студентов колледжа культуры.

В новом общинном центре Владивостока отметить Пурим собрались евреи со всего города. Руководил церемонией раввин Приморского края Менахем-Мендл Раскин. Поддержать праздничную атмосферу помог ансамбль «Ноар». Все смогли попробовать традиционные пирожки с маком. Каждый из гостей праздника получил подарок и миниатюрный свиток Эстер.

Еще в начале марта последние коробки с подарочными наборами для детей на праздник Пурим были отправлены в отдаленные города Украины. Вместе с угощениями к празднику дети получают специальный буклеты «Мегилас Эстер».

Проект был подготовлен Объединением еврейских общин Украины и осуществлен главным раввином Одессы и Юга Украины Авроомом Вольфом при финансовой поддержке члена Верховной Рады Александра Грановского.

Главный раввин Днепропетровщины Леви Стамблер, который также помогал организовывать отправку подарков, сказал: «В этом году 40000 украинских детей почувствуют радость праздника. Легко представить, как будет рад каждый ребенок, когда откроет коробку, отправленную на его адрес и с его именем».

Празднование Пурима в днепропетровской еврейской общине было весьма насыщенным: одновременно во всех еврейских организациях города проходили праздничные представления и вечера. Празднование началось в

Хоральной синагоге «Золотая Роза», где прошло чтение Мегилас Эстер. В этот вечер в синагоге было несколько сотен евреев. А утром следующего дня в Хоральную синагогу пришли ученики еврейской школы «Ор Авнер». Пуримшпили были представлены в детских садах «Бейт Циндлхит» и «Илана», еврейские школьники были приглашены в клубы Еврейского Агентства и «Цивос Ашем», а самые маленькие – участники программы «Мазл Тов» – выступили в Театре оперы и балета. Традиционно яркий пуримский спектакль был представлен в Женском педагогическом колледже «Бет Хана». А ведущий еврейский творческий коллектив Днепропетровска – хор мальчиков «Пирхей Украина» поехал в гости к друзьям из еврейской общины Запорожья. Пожилые люди также не остались без внимания. Они получили традиционные подарки вместе с поздравлениями от студенток колледжа «Бет Хана». Ну а вечером был пуримский концерт творческих коллективов в Театре оперы и балета. В нем, кроме коллективов Еврейского общинного центра Днепропетровска, приняли участие гости – ансамбль народного танца «Орленок», джаз-банд под управлением Владимира Марховского и популярный негритянский певец Михель Анджело.

В харьковском цирке прошли ставшие доброй традицией праздничные представления, посвященные Пуриму. Организаторы праздника – раввин Харькова Мойше Москович и харьковская община ортодоксального иудаизма.

На двух представлениях побывало около 4000 тысяч человек. Собравшихся поздравили высокие гости: заместитель губернатора Харьковской области А. Сидоренко, мэр Харькова В. Шумилкин, президент харьковской областной объединенной еврейской общины А. Фельдман, депутат Верховной Рады А. Гиршфельд. Мэр Харькова призвал помнить о еврейских героях Мордехеае и Эстер, а всем тем, кто задумает причинить вред еврейскому народу, не забывать о судьбе Омана. Своим выступлением зрителей порадовал хор харьковской еврейской школы, в котором солировал ее директор, председатель правления харьковской областной объединенной еврейской общины Г. Шойхет. Как всегда незабываемым было чтение свитка Эстер раввином харьковской синагоги Леви Райцесом, которому помогали клоуны харьковского цирка. Завершился праздник выступлением артистов московского цирка.

В Белой Церкви Пурим начали праздновать 5 марта в школе «Ор Авнер». Вместо уроков там проходили конкурсы, викторины, а также уроки «наоборот», где учителями были дети. Все были в карнавальных костюмах. Помещение детского сада украсили фигурками веселых клоунов, разноцветными гирляндами, мишурой, воздушными шариками. Затем были игры, конкурсы, танцы.

Праздничный концерт проходил на центральной сцене города в Доме Культуры «Сельмашевец», куда пришли более 600 человек всех возрастов. «Пуримское» настроение создавал необычно украшенный зал: гирлянды из дождика, воздушные шары, плакаты. Раввин Белой Церкви Меир Гольцберг прочитал Мегилас Эстер.

С праздником собравшихся поздравили председатель белоцерковской еврейской общины Харитон Абрамович Берман. Потом состоялся традиционный пуримшпиль в постановке учеников школы «Ор Авнер».

Вечером прошла праздничная трапеза для членов общины.

 В Черновцах собрались 200 человек, в основном дети и подростки. В праздничной программе, организованной главным раввином города Менахемом-Мендлом Глицинштейном, выступили дети из школы «Ор Авнер», открывшейся в Черновцах всего два месяца назад. Зрители увидели спектакль, подготовленный молодежным еврейским клубом. Организаторы устроили лотерею с призами и подарками, большинство из которых составили еврейские книги.

 В Кировограде праздничные мероприятия начались за неделю до праздника. В еврейской школе «Ор Авнер» была организована выставка детских рисунков и поделок. В начальной школе прошла викторина на знание традиций и законов Пурима. Среди учащихся старшей школы проводился пуримский брейн-ринг, был организован конкурс – выставка карнавальных костюмов.

Сразу же после традиционного чтения Мегилас Эстер состоялся праздничный концерт. С поздравительной речью к евреям обратился раввин Кировограда Дан Закута. Учащиеся еврейской школы поведали со сцены о чуде Пурима. А в конце представления в зал полетели яркие надувные шары и конфетти.

 В Беларуси, в еврейском общинном доме Минска состоялось празднование Пурима, завершившееся пуримшпилем. А днем молодые люди в карнавальных костюмах развозили подарки прикованным к постели больным, одиноким пенсионерам и детям из неблагополучных семей. Объединение иудейских религиозных общин Беларуси отпраздновало Пурим в минской еврейской гимназии «Би-Л». Торжества с участием детей, членов общины и гостей продлились до поздней ночи. На следующий день праздник продолжился в республиканском ДК профсоюзов, куда раввин Йосеф Грузман и президент Объединения иудейских религиозных общин Беларуси Эдуард Париж пригласили более полутысячи человек.

 В детском саду «Хабад-Любавич» Кишинева более ста воспитанников и несколько разновозрастных групп. Поэтому пуримшпиль пришлось устраивать несколько дней подряд. Заведующая Светлана Илиади, музыкальный руководитель Влада Стовбун, художник-оформитель Наталья Стеченко и весь коллектив постарались сделать мини-спектакли запоминающимися. Песни написала к празднику юная пианистка и композитор Елена Илиади. Дети пели и читали стихи на нескольких языках – русском, иврите, румынском, английском. Утренники посетил главный раввин Молдавии Залман Лейб, который рассказал о значении праздника Пурим для всех евреев. В завершение праздников всех ожидало угощение – «Уши Омана», которые в молдавской общине называют «уманташн».

 Еврейская община Армении отметила Пурим в ресторане «Аква», где собралось более ста человек. Вечер открыла председатель еврейской общины республики Римма Варжапетян-Феллер. Гостей приветствовал детский вокальный ансамбль «Кешет» («Радуга»), исполнивший песни на иврите и идише. Ученики детской воскресной школы разыграли пуримшпиль, напоминавший веселый капустник на злобу дня. Была разыграна лотерея. Все дети получили подарки. На вечере присутствовали руководители национальных общин, входящих в Союз национальностей Армении, а также начальник управления по делам религии и национальных меньшинств в правительстве Армении Грануш Харатян.

 В еврейском детском саду в Тбилиси состоялся фестиваль, посвященный празднику Пурим. 60 малышей в праздничных костюмах пели песни на иврите, идише, грузинском, русском и английском языках. Вручая им подарки, посол Израиля в Грузии Ривка Коэн заявила, что просто потрясена талантами ребят. В детском саду, открытом в прошлом году движением «Хабад-Любавич», созданы все условия для воспитания в еврейских традициях. Представитель движения Хабад в Грузии раввин Авроом Михелашвили сообщил, что в рамках программы возрождения еврейских традиций в городе начала работать и еврейская школа.

 Еврейская община Ташкента праздновала Пурим в театре «Алладин». Праздник открыл главный раввин Средней Азии Абе-Довид Гуревич. Представление показали учащиеся еврейской школы-гимназии № 321.

 А в Алма-Ате прошел феерический пуримский карнавал, организованный Ассоциацией еврейских общин Казахстана. В начале праздника сотни гостей слушали чтение Мегилас Эстер, держа наготове всевозможные трещотки, гуделки и свистелки, и как только раввин Меир Шейнер произносил имя ненавистного Омана, зал взрывался – громыхал и свистел. После чтения свитка с праздником Пурим

общину поздравили посол Израиля в Республике Казахстан и Республике Кыргызстан Моше Камхи, первый секретарь посольства Израиля Дан Меири, посланник Еврейского агентства «Сохнут» Шломо Азаров, президент Ассоциации еврейских общин Казахстана Галина Ройтберг.

А затем начался карнавал. Каких костюмов тут только не было! На импровизированном подиуме дефилировали царицы Эстер, Мордехай, красные шапочки и даже инопланетяне. Как и в прошлом году, вне конкуренции были костюмы ребят из Еврейского учебно-воспитательного комплекса «Гершуни», включающего детский садик и школу. По ходу карнавала участники праздника разыгрывали пуримшпили. Под общие аплодисменты молодежь из Еврейского агентства «Сохнут» и Ассоциации еврейских общин Казахстана наказали злого Омана. А затем на сцену вышли ветераны общины. В своем представлении они вспомнили всех Оманов в истории человечества и воздали им по заслугам.

Утром праздник продолжился в учебно-воспитательном комплексе «Гершуни». После чтения свитка Эстер до самого вечера ребята и преподаватели участвовали в увлекательных конкурсах, эстафетах, демонстрируя смекалку и интеллект, пели еврейские песни, разыгрывали пуримшпили.

Пурим в Алма-Ате завершился грандиозным пиром и праздником для молодежи в офисе Ассоциации еврейских общин Казахстана.

«ΘΑΞΑΘ Ι ΙΙ Ι ΕΝ» ÄEB I DAÇEÄÁÍ ÒÀ ÐÍÑÑÈÈ

29 θάαθαέϋ, á ιιηθαίαá çèι ίάά áηηθαίαί ιά, ηηθθϋεαηιί ί-αθαίαϋ áηòδα-á Θάααθίαηέια áεáηέια έεόαá «Θάϋ Ι θρεά». Áηòδα-á áúεá ιιηθϋιαί á áαθι ίθαçáέεαί - Ι όδει ό è Ι áε-άθι áθíáηι ό áεáηέιι ό áηρ. Áηηθϋι έ έεόαá ηòáεé θ-εόαέϋ, áεθαεόιθú όεθι è ι áααçéíá ηθéηθú, áδα-ε, ηθòθáιέθú θαçé-ιúθ éηι ίáιέé, ίθαίíθéιέι áòáéé, — áηáá áίέáá 110 :áéíáé. Ι θíθíáεéá áηòδα-á á θηθíηι çáéá ϋíηέια θáηθθαία «Νáηíθθí», έρααçί ίθαίηθάέεáηι áá θíçéηι Ιέáηι Óθϋέηι.

Заседание клуба посетили почетные гости — председатель краевой женской организации Галина Туркова и глава дальневосточного филиала Еврейского Агентства в России Алона Гольденберг. Вели встречу Адель Снеткова и Елена Дубовицкая. Поскольку Пурим происходит от слова «пур», что означает «жребий», встреча клуба началась с лотереи – впрочем, весьма оригинальной. Участницы сами выбирали понравившийся лот и делали ставки. Разыгрывались самые «женские» подарки: вазы, салатницы, бокалы, различная кухонная утварь и многое другое. Те, кому не посчастливилось выиграть в лотерею, получили приятные утешительные призы.

После лотереи состоялся показ мод. Одна из ведущих модельеров Хабаровска Татьяна Бурова представила часть своей новой коллекции 2004 года «Пробуждение». Как оказалось, популярный в Хабаровске Дом Моды придерживается при создании своих моделей сочетания строгости и женственности – именно так может одеваться еврейская женщина, которой еврейская традиция предоставила прекрасную возможность окружить себя тайной. В коллекции преобладали удобные трикотажные платья, деловые костюмы для современных женщин, модные пальто, плащи и многое другое.

Был на заседании клуба и забавный момент: исполняя заповедь «шалах монойс» хабаровские женщины изготовили и упаковали «пуримский» подарок для президента России Владимира Путина и приложили к нему «говорящее» поздравление.

II МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ МИРОТВОРЧЕСКИЙ ФОРУМ

2 i adoa a I npeaa iodeueny II I aeadaeeai ci ue i edo ai d- afee oidi. A ai daai oa i dei yee o- and ea i daai o aae o aee o daae oe i i i uo daee ai ci uo e i i o a i i ee Di i i ee e NI A: aeai ue daae i Di i i ee Aade Eaaad; I adoe ad I npea i i ee e ai y Di i e Aea i i ee II; i daai o aae u Ni a i o a i o o e a a Di i i ee Daae u Aae i o a e i; aeaa a o a e e i e o daae oe i i i e i ai a e Di i i ee I ai ae o i Oai ai Eai a Ai a a A o a a; aeai ue daae i EADI I D A i e u o O a a e-; i daai o aae u o i daae ai e y i o i e u ai Eaae a o a e o e u e i e ai Aee a o o e b o I a o a a a; E a o i e e i i ai y A d x e e E e e y II; i e o d i i e e o Ni i e a i i e e e e E a e i e i a a i i e e e E e d e e e; E a o i e e e i i a i o a d i y i A a d a e i II; i daai o aae u A O I (a o o i a i a i o i daae ai e y i o i e u ai) Di i i i e e e O a a e e i o a i i o o e e A a a o a e e a A a o d i i a e a d i e a daee ai ci u a a y o a e e.

В своем выступлении на открытии форума митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл отметил, что проблемы мира и взаимодействия религий приобрели сегодня огромное значение. «Именно религия, – сказал он, – определяет ценностную систему той или иной цивилизационной модели и является мощным источником культурной традиции. Не зря говорят о “православной”, “мусульманской”, “иудейской”, “буддийской” традициях. И говорить о диалоге между цивилизациями, между культурами невозможно, не упоминая религии».

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в своей речи подчеркнул особую важность межрелигиозных связей. По его словам, во многих странах СНГ уровень общения между представителями различных религий «близок к идеальному». Он отметил также, что развитие межконфессионального диалога не привело к синкретизму и стиранию границ между духовными традициями. Наоборот, время показало, что при сотрудничестве сохраняется уникальность каждой религии, а диалог и согласованность позиций «препятствуют экспансии псевдорелигий». «Я думаю, что наше общение поможет сближению наших народов и утверждению на земле мира и согласия», – сказал в заключение Алексей II.

Полномочный представитель президента в Центральном федеральном округе Георгий Полтавченко огласил приветствие президента Российской Федерации Владимира Путина, в котором, в частности, говорилось: «Сегодня, когда международное сообщество сталкивается с проявлениями экстремизма, с попытками использовать религию для достижения несправедливых целей, голос авторитетных религиозных деятелей в защиту мира и человеческих жизней особенно важен. Большого уважения заслуживает стремление религиозных лидеров Содружества Независимых Государств сохранять и приумножать традиции добрососедских отношений людей разных национальностей и вероисповеданий».

Председатель управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде от имени всех делегатов форума поздравил Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи с 75-летием со дня рождения и с вручением ордена «За заслуги перед Отечеством».

Католикос всея Грузии Илия II в своем выступлении подчеркнул миротворческую роль религии. «Нашим единственным орудием должна стать любовь к ближнему и человеколюбие!» – завершил он свою речь.

Католикос всех армян Гарегин II призвал религиозных деятелей внести свой вклад в решение межрелигиозных и межнациональных проблем. «Пусть это объединение станет началом нашего плодотворного сотрудничества и пристанищем на пути к диалогу культур и религий», – сказал он.

На форуме были зачитаны поздравления от президента Армении Роберта Кочаряна, президента Грузии Михаила Саакашвили, президента Узбекистана Ислама Каримова, президента Азербайджана Ильхама Алиева.

Выступая перед участниками форума, исполняющий обязанности министра иностранных дел России Игорь Иванов подчеркнул, что в современном мире состояние межконфессиональных отношений оказывает все большее влияние на мировую политику. «Каждая из традиционных мировых религий, – сказал министр, – несет на своих знаменах идеалы братства и солидарности людей, проповедует любовь и добро. Но к сожалению, есть и опасные тенденции – разжигание межрелигиозной розни и нетерпимости, провоцирование так называемых «конфликтов цивилизации» (например, попытки отождествления ислама с международным терроризмом, которые Россия решительно отвергает). В этих условиях диалог и сотрудничество между духовными лидерами и представителями конфессий на пространстве СНГ приобретают исключительное значение».

Важное место на межрелигиозном форуме заняло выступление главного раввина России Берла Лазара, который заявил, в частности, что придаст особый смысл объединению и сотрудничеству людей разных национальностей, исповедующих разные религии, когда цель этого объединения позитивна.

«На многие вещи мы смотрим по-разному, – сказал он, – и многое нас разделяет. Было бы чистым лицемерием замалчивать этот очевидный факт. Но вопрос не в этом, а в том, существуют ли некая общая база, на которой мы могли бы стоять и исходя из нее действовать. В нашем обществе остро недостает толерантности, но по большому счету одной толерантности недостаточно, ибо она возможна и при холодной отчужденности. Мы нуждаемся в большем – друг в друге.

Первый человек, Адам, был создан совершенным. Но Б-г сказал: “Нехорошо человеку быть одному”. Самый большой дар человечеству – это мир. Самая большая радость отца – видеть, что его дети живут в мире. Все мы – дети одного Отца, и мир для нас жизненно необходим».

«Мы, евреи, с древности живем среди разных народов, исповедующих различные религии, – продолжил раввин Берл Лазар. – Наши мудрецы, сталкиваясь с разными взглядами, издавна задавали вопрос: "Существует ли некая общечеловеческая этика?" Результат этих размышлений – законы сынов Ноя. Все мы – потомки Ноя и, следовательно, родственники, братья в широком смысле этого слова. Кодекс сынов Ноя говорит лишь о социальной практике, в нем ничего нет о религиозных взглядах. Если бы человечество научилось следовать универсальным законам, мы жили бы сейчас в гораздо более счастливом мире».

«Объединившись, мы сможем изменить отношения между отдельными людьми, религиями и народами, воспитать подрастающее поколение в духе общих для нас ценностей. И тогда люди не будут оправдывать насилие именем религии. Я верю, что нам это удастся», – сказал в заключение главный раввин России.

На пленарном заседании выступили также председатель ДУМ Республики Узбекистан муфтий Абдурашид Бахромов и глава буддийской традиционной сангхи России Пандито Хамбо Лама Дамба Аюшеев. Председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин назвал форум знаменательным событием и отметил недопустимость использования религиозных символов для пропаганды экстремизма и терроризма.

А. Аманжолди

говорить и о том, что та или иная вера нехороша. Б-г создал нас всех разными, и любая вера может дать ответ на все поставленные здесь вопросы. Мы не можем решить проблем бедности или террора. Но важен сам факт, что здесь собрались религиозные деятели с целью найти ответ на эти вопросы».

Муфтий Пермского края Мугаммадгали Хузин отметил, что в последние годы все решали фактически одни и те же задачи – каждый в рамках своей конфессии. «Куда эффективнее, – сказал он, – дать единый ответ на вызовы общим фронтом. Мы сообща пытаемся договориться о том, как нам выйти из тупиковых ситуаций и найти общий язык. Это свидетельство того, что мы встали на правильный путь».

Исполнительный директор ФЕОР Валерий Энгель предложил представителям всех конфессий подумать о совместных акциях: например, создать институт грантов для изучения уникального опыта успешного межрелигиозного сотрудничества в России и странах СНГ.

Епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан в своем выступлении поднял вопрос о росте влияния атеизма, о его агрессивности и бездуховности.

Президент лиги «Маген» Александр Лакшин с возмущением отметил, что многие секты используют сегодня символы и праздники традиционных религий, и выразил мнение о необходимости поставить законодательную преграду на пути возникновения новых сект. Он предложил также представителям всех конфессий созвать конференцию религиозных авторитетов и научных деятелей, чтобы общими усилиями попытаться ответить на вызовы времени: клонирование, космические путешествия, определение момента смерти человека, теорию эволюции.

После заключительного пленарного заседания участники форума приняли итоговый документ, в котором подтверждается, что «истинно верующие православные христиане, мусульмане, иудеи, буддисты никогда не ступят на путь террора». «Мы убеждены, – говорится в нем далее, – что люди, сознательно ставшие террористами, отреклись от своей веры. Их замутненное безумными идеями сознание закрыто для доводов разума, а единственный язык, который они понимают, – это язык силы. Традиционные религиозные организации прилагают все усилия к тому, чтобы сдерживать разрастание террора. Одновременно мы предлагаем правительствам наших стран помощь и поддержку в борьбе с этим злом».

Участники форума заявили о создании Межрелигиозного совета Содружества Независимых Государств для «координации совместной деятельности традиционных религиозных организаций стран СНГ в деле укрепления межнационального и межрелигиозного мира, достижения согласия и стабильности в обществе, развития диалога между духовными лидерами, объединения усилий в борьбе с негативными явлениями современности, утверждения в обществе традиционных духовных ценностей».

А. Айтбаевтай

Ї ДААІ І А ÇÀ Û È Ò Ó

23 февраля Международный суд в Гааге начал слушания по вопросу о легитимности «защитной стены», призванной обезопасить израильтян от проникновения в страну палестинских террористов.

Правительство Израиля отказалось сотрудничать с Международным судом, поскольку очевидно, что эта политизированная организация слепо выполняет волю проарабского большинства в ООН. США, Россия, страны Западной Европы также отказались участвовать в этом фарсе, посчитав, что суд не правомочен определять легитимность тех или иных политических решений, принимаемых суверенным государством в рамках борьбы с терроризмом.

Израильские, еврейские и христианские организации, выступающие против террора и признающие право еврейского государства на мирное и безопасное существование, провели в этот день серию мероприятий, цель которых – объяснить западной общественности, что строительство «защитной стены» необходимо для обеспечения безопасности гражданского населения. Утром того дня, когда суд должен был начать свою работу, на площади Карнеги, где расположено здание Международного суда, начались три акции – хэппенинг «Стена из цветов», проводимый Всемирным конгрессом русскоязычного еврейства, совместная акция ВКРЕ и израильской общественной организации ЗАКА «Билет в один конец» и демонстрация еврейской молодежи, организованная Еврейским агентством. Молодые люди, представляющие Израиль и еврейские общины стран Западной Европы, прошли по улицам Гааги, держа в руках фотографии 927 израильтян, убитых арабскими экстремистами за три года террористической интифады. Многие из демонстрантов сами потеряли родных и близких в результате арабских терактов.

Хэппенинг «Стена из цветов» наглядно демонстрировал общественности, что сооружение «разделительной стены» преследует единственную цель – препятствовать проникновению террористов на территорию еврейского государства. На площади перед зданием суда была смонтирована изготовленная по специальному проекту «стена» из полупрозрачной ткани на металлическом каркасе, с множеством отверстий. Активисты ВКРЕ, прибывшие из разных стран Европы, раздавали направляющимся в здание Международного суда судьям и журналистам, а также просто прохожим цветы, предлагая вставить стебель цветка в отверстие в «стене». Очень быстро все отверстия были заполнены, и из цветов сложилось слово DEFENCE – «защита».

Совместная акция ВКРЕ и израильской общественной организации ЗАКА, оказывающей помощь жертвам террора, должна была показать европейцам подлинное лицо палестинского «национально-освободительного движения», регулярно посылающего шахидов убивать евреев. ЗАКА получила разрешение установить напротив здания суда обгоревший остов автобуса 17-го маршрута, который меньше месяца назад был взорван арабским террористом-самоубийцей на улице Яффо в Иерусалиме. ВКРЕ напечатал «автобусные билеты», похожие на настоящие. Так же, как на настоящих билетах, на них было написано красным: «terminal station», «one way ticket» («конечная станция», «билет в один конец») – слова, приобретающие особенно жуткий смысл в данных обстоятельствах. Активисты Европейского бюро Конгресса предлагали судьям, журналистам и всем прохожим взять «билет» и войти в обгоревший автобус. Корешок «билета» представлял собой текст на русском и английском языках:

«Этот автобус был взорван террористом-смертником. В результате взрыва погибло 11 человек. Сегодня решается вопрос, прав или не прав Израиль, строя стену, чтобы защитить себя от взрывов. Если стены не будет, через некоторое время такими взорванными автобусами можно будет заставить все площади Голландии, а в обозримом будущем – и Европы».

Особую значимость акция «Билет в один конец» приобрела в связи с очередным терактом, произошедшим накануне в Израиле, когда арабы вновь взорвали «живую бомбу» в пассажирском автобусе. Глава организации ЗАКА Иеуда Меши-Захав дал следующий комментарий: «Этот мир, который считает себя таким “просвещенным”, требует от нас доказательств – вот вам доказательства! То, что вы видите здесь перед собой, повторилось в Иерусалиме менее тридцати часов назад. Вот уже почти четыре года они обрушивают на нас один удар за другим, кровь льется рекой. И если в этих условиях нас же сажают на скамью подсудимых – о чем можно вести переговоры и о чем вообще можно разговаривать?!

Если бы я стоял сегодня перед членами Международного суда, – продолжал Меши-Захав, – я бы попросил их только об одном: оставить политические игры и подумать о том, что было бы, если бы нападение бандитов угрожало их домам. Ведь любой человек пытается защитить свое жилище. Поймите, все, чего мы хотим, – это просто спокойно жить».

Акции «Стена цветов» и «Билет в один конец» продолжались всего час – ровно столько времени городские власти разрешили противникам терроризма находиться на площади Карнеги. Затем на площади появились активисты «Альмагора» – общественной организации, объединяющей родственников израильтян, погибших от бомб арабских террористов. Они выставили 26-метровое панно с фотографиями и краткими биографии 1250 человек, погибших в Израиле после того, как главарям ООП было разрешено прибыть из Туниса в Иудею и Самарию. Эти цифры, как заявили представители «Альмагора», доказывают, что власти Палестинской автономии несут прямую ответственность за распространение террористической заразы: со времени создания автономии число терактов возросло в 21 раз. Рядом с активистами «Альмагоро» провели демонстрацию христиане – сторонники государства Израиль.

А днем началась демонстрация совершенно других сил – палестинцев, исламистов, европейских «леваков», антиглобалистов и просто антисемитов. В ней приняли участие и парламентарии-коммунисты из Израиля – Ахмед Тибби и Мухаммед Барака, а также несколько членов «Наторей Карта».

Í. Êaðíð áí

Ἀεἰαὶ ὑέ δαἰαεὶ Δῖνῆε Ἀἰδὲ Ἐἴσαδ

Δοεῖται ἔο ἁεῦ Ἀἰῖ ἀδὸ ἀὶ ἀὶ ὀ ἀ τᾶν ἄνθ-ἁἰ ἰ ὑὸ πᾶν γῆε Ὁ Ἀἴ Δ Ἀἴδὸσ Горин напомним, как великий историк еврейского народа Шимон Дубнов, отправляясь на казнь, говорил: «Пишите, евреи пишите!» «Для евреев письмо, записанное слово – это нечто, что позволяло суммировать опыт поколений», – сказал он. Борух Горин отметил, что все деятели, чьи биографии помещены в книгу, – люди чрезвычайно разные, и все же их истории сходятся в некоей общей точке: во всех них горела и двигала ими «еврейская искорка».

Ἴ δῖ τᾶν ἰ ὀ ἁεῖε δοεῖται ἔο ἁεῦ Ἀἰῖ ἀδὸ ἀὶ ἀὶ ὀ ἀ τᾶν ἄνθ-ἁἰ ἰ ὑὸ πᾶν γῆε Ὁ Ἀἴ Δ

Ἀἴδὸσ Ἀἴδὲ ἰ εῖσαδ ἁεῦ Ἰεῦᾶδὸ Ἐεἴεεἰ.

Èçàààèù Ìèùàòò Èèìèèì назвал новое издание «поистине уникальным» и искренне поблагодарил за помощь ФЕОР, лично Боруха Горина, а также мецената Ю. Глоцера, без которых, по его словам, издание книги было бы невозможно. Ольгерт Липкин подчеркнул, что книга «Евреи и XX век» – не обычная энциклопедия, а именно попытка анализа того, что происходило с евреями в XX веке.

Ì ðàì Ìààààààèù òàì òòà àéàéàèòòèè è èùàèèè ÐÀÀÓ Èàììèä Èàòòèñ назвал выход книги «настоящим событием» и отметил оперативность, с которой книга, изданная в 2000 году, была переведена с французского: «В мире европейского антисемитизма и ревизионизма эта книга просто необходима. Из нее мы узнаем о евреях много нового. Взять хотя бы главы об известных людях и событиях, написанных с еврейской точки зрения. Если вспомнить, например, что “Процесс” Кафки писался в тот же исторический период, когда слушалось “дело Бейлиса”, книга эта читается совершенно по-иному».

В зале.

В течение всего вечера играл ансамбль старинной музыки «Da Camera e da Chiesa», исполнивший пьесы «Бурлеска» и «Далекая песня» Михаила Шурика, созданные под впечатлением картин Шагала, «Импровизацию» из сюиты «Баал-Шем» Эрнста Блоха и трио «Витебск» Аарона Копленда.

À. Ààìèàèìàà

ОДИН ДЕНЬ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Ḥāḥēāīīūē āyōāēū ēlēīīōā Ḥīīēē ēḡāīōīūē ḡāēēīīāḡ Ḍāēāḡēē Ḕāīōīḡ - īā īḡīīōī ḡāēī ēḡ āēōēāīāēēōē ḡ-āīōīēēīā āāāēīēē ēēēūōōīēē āēḡīē ḡīīēēīēēē ḡōīēēōū, īī ē āāīāōīī ēī ūē īḡāīēḡāōīḡ Ḍīḡī-āī, Ḕāīōīḡ āīā ē ḡāī ā-āōāēūū ūē īīyō. Ḍī ḡāāēēīēēē ē īāīḡīēēō āā ḡōēōīā «Ḍāīī āōḡēy ḡāēā» Pīīā Ḍīḡēō īēīēā: «Ḍāīī āōḡḡāy, ī ḡḡēā, ḡōāī ē-āīēāy āēāīīēēū, ī ēḡ ē yḡūē ḡāāōḡā... ḡōāēē āyū īīyōā āēāīē, āēāīāāōīīē īī-āīē, ḡēāīḡī ēīḡīḡḡ ī ḡīāēēīīī āā ḡāī īāūōīīā, ḡāēāī ḡāī ēā ē ḡēīāī».

Ḍī ḡāīāīy ḡā-ūī ḡḡāī ...

- Ḍāēāḡēē, ā ḡāī ēāyōōūā āāī āū īīḡōāēēē ḡāēōāēēū īā ēāēōā ēī āāēēē āīēīōīē ḡīāō ḡḡēōāēē ē āīīēī ḡōāīāīūē ḡīīēēīēēē ē ḡāḡāāēīēē īḡāīīē...

– Вот как раз о нем-то и вспоминали недавно на вечере в МЕОЦ, посвященном прекрасной актрисе ГОСЕТа Марии Котляровой, презентовавшей свою книгу воспоминаний «Плечо Михоэлса». Она – человек высоконравственный, немало сделавший для развития театра на языке идиш, ее любят и ценят многие. Об этом говорили на встрече Марк Розовский, Жанна Дозорцева, Римма Быкова...

Свой вечер Мария Ефимовна начала с теплых воспоминаний о моем спектакле «Три изюминки» по Шолом-Алейхему в Московском еврейском драматическом ансамбле. Там я встретился и работал с актерами, выпестованными Михоэлсом, в том числе с легендарным Зиновием Каминским. Оформляли этот еврейский спектакль мои друзья – дочь и зять большого русского поэта, главного редактора легендарного тогда журнала «Новый мир» Александра Твардовского, Володя Макушенко и Оля Твардовская, успешно работавшие потом с Марком Захаровым в «Ленкоме». Наш спектакль получил за свое оформление первое место в РСФСР – это в семидесятые-то годы!

ḡāīḡ-āīēāy āīōḡā-ā ḡī ḡīāḡīāḡī, īḡāḡāī ḡīī āḡīīū ēīī īāīēē «Ḕēīīōāā» Ḍī āēēī ḡūēīḡōāēīī.

– Вечера цикла «Знаменитые евреи России», организатором и ведущим которых вы являетесь, всегда проходят в Московском еврейском общинном центре при переполненных залах. Чем вызван такой интерес к ним?

– Обычно я приглашаю на встречи своих добрых знакомых – популярных деятелей искусства, литературы, спорта, внесших большой вклад в развитие российской культуры. Их знают и любят россияне. Об их жизни и творчестве известно почти все – но именно почти... Поворот темы, отраженный в названии цикла – «Знаменитые евреи России», – делает драматургию каждого из вечеров по-своему уникальной, а рассказы героев встреч бывают подчас просто сенсационными.

– Какая из встреч запомнилась вам больше всего?

– За прошедшее время в клубе выступили Иосиф Кобзон, Элина Быстрицкая, Владимир Этуш, Александр Ширвиндт, Аркадий Вайнер, Оскар Фельцман, Яков Костюковский, Александр Журбин, Алла Гербер, Лев Новоженев, Матвей Ганапольский, Аркадий Арканов, Лариса Рубальская, Аркадий Инин, Марк Рудинштейн, Григорий Натансон, Павел Чухрай, Виталий Вульф, Юлий Гусман, Борис Грачевский, Эммануил Виторган, Иосиф Райхельгауз, Александр Митта, Леонид Жуховицкий, Александр Гомельский и еще многие знаменитости. И каждая из встреч была по-своему интересна и неповторима...

Ἀπὸ δὲ τῶν Ἰσραηλῶν τῶν Ἰσραηλῶν.

– Признайтесь, много ли времени вам приходится тратить на подготовку к вечерам, на которых вы так ярко и содержательно выступаете в роли ведущего?

– Мне часто задают этот вопрос. Я отвечаю: ведущему нужно готовиться за день до начала встречи... и всю жизнь. Если у тебя есть опыт и, главное, достаточный уровень образования и культуры, ты всегда будешь «в материале». Если нет – будет видно твое «донышко».

Аа-аа, і і п'яуіаі і і е І п'еаао Оаеііі а і а

– На встречах в МЕОЦе случалось что-нибудь неожиданное?

– Творческие встречи – это не концерты. Это скорее импровизационные ток-шоу, на которых герои доверительно разговаривают со зрителями, отвечают на их весьма компетентные, а подчас и очень трудные вопросы. Однажды у нас была встреча с Иосифом Кобзоном, имевшая оглушительный успех. Он сразу же согласился прийти, а я предупредил его: «Иосиф, ты можешь не петь, а только рассказывать и отвечать на вопросы – это главное для людей». В МЕОЦ собралось около полутора тысяч человек, встречу открыл главный раввин России Берл Лазар. Иосиф Давидович замечательно рассказывал и искренне отвечал на все вопросы, но потом сказал: «Если я певец, я не могу встречаться с вами и не петь». Этот незапланированный сольный концерт еврейской песни запомнился всем надолго.

– В конце прошлого года вы в качестве главного режиссера руководили постановкой грандиозных гала-конcertов Международного конкурса и Фестиваля искусств «Золотая Ханукия», проводившихся Всемирным конгрессом русскоязычного еврейства в Берлине и Дюссельдорфе. Каковы ваши впечатления?

– В конкурсе и в заключительных мероприятиях фестиваля в Германии участвовали исполнители из разных стран и разных континентов. Все они – выходцы из России или из стран бывшего СССР. Международное жюри под председательством народного артиста СССР профессора Иосифа Кобзона выбрало лучших из лучших в разных жанрах. Но только лауреаты, удостоенные I премии за высокое мастерство, приняли участие в триумфальных гала-концертах еврейского искусства с участием всенародных любимцев – Иосифа Кобзона, Клары Новиковой, Тамары Гвердцители, Льва Новоженова.

Ἰ ἀ πῶνά ἰ ἈΓ Ὀ - Ἀεἰεἰἰἰ ἄδ Ἐἰαί ἄἄἰ .

– **Что для вас означает еврейская культура?**

– В ней есть что-то щемящее, трагическое и возвышенное. Часто ее герой – маленький человек, неутомимый оптимист, с душой и неукротимой энергией делающий свое дело. И это творческое начало – важнейший элемент еврейской ментальности, во все времена позволяющий добиваться наиболее положительных результатов при самых отрицательных сопутствующих обстоятельствах.

Ἀἰἰἰἰἰἰἰ Ἀ. Ἀἰἰἰἰἰἰἰ

«АДАИ В Е ИДИ НОДАИ НОАИ ЕАЕАИТИ ИИДАААЕАИ УАНААУОИЕИ»

*Іа аридін еіданіііаіа ААІ А. Етешіа іоаа:ао іоаніааоаеу аоаеіе
оаеаісііе іауеіу а хадііау оааеі Ііао Еіоі аііеа.*

– Расскажите, пожалуйста, о еврейской общине вашего города, о ее истоках, истории, надеждах на будущее. Чем дышит, чем живет еврейская община сегодня?

– После окончания Великой Отечественной войны в городе насчитывалось около восьмидесяти синагог и молельных домов. Тогда 60-70 % жителей города составляли евреи. Сейчас нас осталось намного меньше. В силу разных причин евреи покидают эту землю. Кто уходит в мир иной, кто уезжает туда, где, как он считает, ему будет лучше. В городе единственная действующая синагога. По данным последней переписи на территории Черновицкой области проживает порядка тысячи двухсот евреев. Это только те, которые сами себя считают евреями. Но фактически евреев в городе гораздо больше. В Черновцах работает одна из первых еврейских школ, возникших в Советском Союзе в годы перестройки. В ней изучают иврит, обычаи и традиции еврейского народа. При синагоге также действует религиозная школа. В ней есть группы девочек и мальчиков. Есть еврейский детский сад, благотворительная организация помощи пожилым людям «Хесед Шошана». Полгода назад была создана светская община, сейчас идет ее становление. В синагоге ежедневно, утром и вечером, собирается миньян. И вместе с тем средний возраст членов общины приближается к шестидесяти. Вы спрашиваете о перспективе на будущее, но, как говорят, «Всевышний знает, что Он хочет». Если Он посчитает нужным, то евреи опять соберутся здесь. Каждый из нас находится в том времени и той точке пространства, которые определены Всевышним. Что будет в будущем, может сказать лишь Он.

– В Черновцах в 1908 году произошло историческое событие, имевшее значение для всех евреев Восточной Европы. Это знаменитая конференция по языку идиш. Отмечено ли здание, где проходила конференция? Вообще, какова сохранность еврейских памятных мест, кладбищ в городе?

– Здание сохранилось. Это построенный ко времени открытия конференции внушительных размеров Еврейский национальный дом. На нем установлен памятный знак. Наш город славен многими именами и событиями. С ним была связана деятельность знаменитого ружинского цадика Исроэла

Фридмана, а также боянских и вижницких хасидов. В местечке Садогора, находящемся сейчас в черте города, находилась резиденция цадиков. Кровоточащая рана, боль наших сердец – это состояние нашего кладбища. На нем находится порядка двадцати пяти тысяч захоронений. Здесь похоронен знаменитый баснописец Элиэзер Штейнбарг, представители знаменитых раввинских родов. За многими из могил некому присматривать. Община малочисленна и состоит из пожилых людей. Поэтому содержать кладбище и тем более восстановить его за счет общины у нас нет возможности. Хотелось бы обратиться с просьбой ко всем организациям и к отдельным гражданам, которые могли бы оказать помощь в сохранении нашего кладбища, которое является одним из крупнейших в Восточной Европе. Здание нашей синагоги построено еще в 1920-х годах на частные пожертвования и украшено замечательными росписями. Сегодня мы готовим альбом, посвященный синагоге. Для завершения работы нам нужна некоторая сумма – достаточно скромная. Если найдутся спонсоры, мы готовы часть тиража передать им в виде компенсации.

– Есть ли заметные проявления антисемитизма в городе?

– Черновцы – особое место. Город всегда был многоконфессиональным и в прошлом в значительной степени сохранял еврейский характер. И по сей день старожилы города, неевреи, неплохо владеют идишем, знакомы с нашими традициями. Поэтому с какими-либо проявлениями антисемитизма мы не сталкиваемся. Но, конечно, это не означает, что подобных настроений вообще нет. Когда человеку чего-то не хватает, когда ему плохо, никто не признает, что виноват он сам. Виноват всегда тот, «другой», не такой, как он.

– Существуют ли у вас связи с российским еврейством?

– Я представляю Федерацию еврейских общин Украины. Руководителем этого объединения на Украине является Леви Стамблер. Оно имеет самые тесные связи с ФЕОР. Практически все значительные мероприятия мы проводим совместно.

Аהאידן א. יעקובי

Ἰ Ἰ Ἐ Ἀ Ἰ Ἰ Ἰ Ἰ Ρ - Ἀ Ἐ Ἀ Ὁ

Ἰ ὀδῶδᾶῦ ἰεῖεῖ ὀδῶπῶ -εἰῖτᾶ ἰῶδᾶεῖεῖ ἰᾶῦεῖῦ Ἐᾶεῖεῖῖᾶᾶᾶ ἰῖᾶὀεῖε ἰᾶῖ ῖὀῖεῖ ἰᾶὀῖῖ - εᾶὀὀᾶᾶ ὀῖεῖεῖῖὀᾶ ἰεῖεῖ ᾶὀῖᾶεᾶ Ἰ ᾶεῖῖ ἰεῖεᾶῖ, ἰῖῖᾶ ἰῖῖᾶεῖε Ἰ ἰ ὀᾶὀῖ ῖε. Ἀ ῖὀῖὀ ὀδᾶὀὀῖ ῖε ἰᾶῖ ῖ ῖᾶὀᾶεῖῖῖ ὀδῖ ἰῖεῖεᾶῖεῖ ῖῖ ἰᾶ ἰε ἰεᾶεῖεῖῖᾶᾶᾶ, ἰ ὀᾶεᾶ ὀ-ᾶῖεᾶῖῖ ὀεῖεῖῖ «Ἰ ὀ Ἀᾶῖ ᾶὀ» ῖῖ ῖᾶῖεῖ ἰ ὀ-εὀᾶῖῖ ἰ ἰ ὀᾶῖῖὀ ᾶᾶεὀᾶῖε ᾶῖ ἰεῖῖὀ ὀᾶὀεῖ ἰ ὀᾶῖῖῖ.

Небольшой памятный камень со скромной табличкой. Звучит траурная музыка. Зажигаются поминальные свечи.

Еще несколько лет назад только немногие знали о трагедии, разыгравшейся 31 января 1945 года. Сейчас это стало известно всем.

У памятника состоялся траурный митинг, который открыл начальник Управления образования Калининградской области Лазарь Фуксон.

Главный раввин Калининграда и Калининградской области Довид Шведик в своем выступлении сказал: «Памятник невинным жертвам – святое место для всех нас. Сейчас мы испытываем особенное чувство, потому что каждый из нас, если бы он был современником этих людей, мог оказаться на этом месте».

Среди выступавших был свидетель Катастрофы, Мартин Бергау, немец по национальности. На глазах шестнадцатилетнего подростка произошла ужасная трагедия, перевернувшая всю его жизнь.

Мартин был вполне благополучным юношей, членом молодежной фашистской организации Гитлерюгенд, напичканным идеями нацизма. Однажды ранним морозным утром он услышал странные звуки: стоны, плач, крики, выстрелы. Отец запретил ему выходить на улицу, но любопытство взяло верх...

По дороге гнали колонну измученных, истощенных, оборванных людей, с нашитой на скудную одежду Звездой Давида. Это были в основном женщины и дети. Под дулами автоматов, с трудом переставляя обмороженные ноги, они шли на смерть. Многие, обессилив, падали. Звучали автоматные очереди. Утром вся дорога была усеяна замерзшими трупами. Женщины-немки плакали, шепотом рассказывая о страшной трагедии. Сколько было расстреляно евреев, сколько утонуло в Балтийском море,

скольким удалось бежать, спастись или погибнуть от холода? Цифры называются разные – от 3 до 7 тысяч безвинных жертв...

Слезы на глазах очевидца, слезы на глазах участников митинга. Сейчас г-н Бергау пишет вторую книгу о жертвах Холокоста, в которую будут включены воспоминания бывших нацистских офицеров – свидетелей и участников гибели еврейского народа со словами покаяния и просьбой о прощении.

Трагедия не должна повториться! Память о Катастрофе будет жить, пока о ней помнят люди. Об этом говорили выступавшие на митинге представители консульств Германии, Швеции, Дании, Польши.

К участникам митинга обратился вице-губернатор Калининградской области Олег Шлык. Он говорил о том, что в области проживают представители около 100 наций и народностей, у каждой из которых свои традиции, своя культура, но боль утраты общая.

О необходимости покаяния перед невинными жертвами, о долге памяти перед погибшими в застенках гетто, умершими от болезней, холода, голода и страданий, говорили писатель Олег Глушкин и узница гетто Анна Итман.

Участники митинга, в том числе представители администрации области, иностранные гости и калининградские бизнесмены, заявили, что считают необходимым увековечить память погибших, построив на берегу Балтийского моря Мемориальный комплекс в память о жертвах Холокоста.

Митинг завершился поминальной молитвой. После молитвы люди долго не расходились: вспоминали своих близких, погибших в оккупированных Белоруссии, Украине, на фронтах Великой Отечественной войны, от болезней и страданий. У многих нет даже могил, куда можно прийти и помолиться. «Будем приезжать сюда, в Янтарный, – говорили они. Здесь лежат наши несчастные братья и сестры».

Ė. Діцеля

MA3Л TOB!

*Óááεááι úõ è εþáει úõ **Άάηεþ** **Ευατάο** **Άηι οοάει** è áá ηηία **Ϊ** άδεά **Άάεαίάε-ά**
Άηι οοάειά ηίçάδάεéγαι ηάηαι άεάάηεé. **Ϊ**ò άηε άοεε εάεάαι άηάόηά çáόηάη, άηεάεό έαò εεéçé,
ι έδά è ηάεάηεé ά άηι á*

Δηάηόάάι íέέ è άδύçηé

Любимый Димуля! От души, с глубокой любовью поздравляю тебя с днем рождения. Желаю большого здоровья. Настоящего человеческого счастья, всяческих житейских благ, радуй родителей, старшую сестру своими успехами.

*Άάάοεά **Νηίγ***

Уважаемую, любимую **Елену Матвеевну Уваровскую**, главу еврейской общины Улан-Удэ, поздравляем с 55-летием со дня рождения и десятилетием общины. От всей души желаем крепкого здоровья, семейного счастья, благополучия и еще больших успехов в работе.

Ϊ άόάοά, ι όε, άηά çáέηι úά è δηάι úά á θεάι-Όé

Поздравляем **Шпринц Галю Абелевну и Лундина Льва Борисовича** с юбилейной датой – 60-летием совместной жизни. Желаем крепкого здоровья и радостей от детей, внуков и правнуков.

Δηάι úά è άδύçηé

Еврейская община Новоуральска поздравляет **Семена Абрамовича и Веронику Александровну Минбург** с золотой свадьбой. Желаем счастья, здоровья, любви и благополучия.

Άηι δηάεά άδύçηé!

*Άηεé άηι όηόεόά ηίçάδάεéού δηάι úõ, áεεçέεó è άδύçηé á δάάδεéά «Ϊ άçé
Όηά!», ηηίαúεόά ίά γόηι á δάάάέεþ:103055, Ϊ ηηέάι, 2-é **Άύοάηεάάάά** ίάά, 5ά
Όάεάόηι 231 27 77, όάέη 231 30 20.*

אֵלֵאֵלֵי הַעֲדָאָהֵי הַבְּנֵי־הַיִּשְׂרָאֵלִים

Главный раввин Украины Азриэль Хайкин прибыл в Донецк по приглашению главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого с целью познакомиться с жизнью городской еврейской общины и провести переговоры о строительстве синагоги. Раввина Хайкина принял донецкий городской голова Александр Лукьянченко.

СОВЕТ СТАРЕЙШИН НАЧАЛ РАБОТУ

В синагоге Костромы прошло первое заседание Совета старейшин Костромской еврейской религиозной общины. Председателем был избран 91-летний Иосиф Соломонович Муз. Были также рассмотрены некоторые вопросы общинной жизни, в том числе работа Национально-культурной автономии, отношения с общиной-побратимом Бейт Э-ль из Мерленда (США), распространение еврейской прессы, оповещение членов общины о мероприятиях. Главный раввин Костромы Нисон Руппо выступил с сообщением о предстоящих событиях в жизни еврейской общины: открытии общинного центра в Иваново, участии в Межрелигиозном Совете СНГ, взаимоотношении с областной администрацией.

ОБЩИНА ОБРЕЛА КРЫШУ НАД ГОЛОВОЙ

Еврейская община Бреста (в котором проживают более тысячи евреев) под руководством раввина Хаима Рабиновича арендовала в центре города помещение, в котором будут размещены синагога, воскресная еврейская школа и бесплатная столовая. Раввин Рабинович прибыл в Брест в конце осени 2003 года. Он возглавил также общину небольшого соседнего города Кобрина.

י. הַעֲוֵי אֵל

ШКОЛА ПЕРЕДАНА В СОБСТВЕННОСТЬ ОБЩИНЕ

Комиссия при городской администрации Нижнего Новгорода передала здание еврейской школы «Ор Авнер» в безвозмездное владение еврейской общине. Теперь община сможет расширить школу – в частности, планируется сделать пристройку. Для переговоров с нижегородскими архитекторами в город приехал руководитель инженерно-проектировочного отдела международного фонда «Ор Авнер» Яков Каспи.

א. הַבְּנֵי הַעֲוֵי אֵל

ОБЩИНА НАЧНЕТ СТРОИТЕЛЬСТВО ЕВРЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА

18 февраля раввин Владивостока Менахем Раскин в ходе встречи с мэром города Юрием Копыловым обсудил вопросы, связанные со строительством еврейского культурного центра. Предварительно решено, что центр будет построен в районе Второй Речки. В комплекс войдут синагога, еврейская библиотека, спортивный зал и небольшой театр, где будут проходить концерты с участием еврейских артистов.

יְהוָה יִשְׂרָאֵל יְדַבֵּר «בִּי א»

2 марта в Минске у мемориала «Яма» прошел митинг памяти жертв Катастрофы, посвященный 62-й годовщине расстрела Минского гетто. В митинге приняли участие около пятисот человек. Перед собравшимися выступили президент Объединения иудейских общин Беларуси Эдуард Париж, лидеры еврейской общественности, главы и представители дипломатических миссий. По поручению главного раввина Республики Беларусь Йосефа Грузмана молитву о душах погибших прочитал раввин Элияху Киржнер.

Митинг широко освещался средствами массовой информации Беларуси, в том числе телевидением.

א. יאָאָיִע

נִי אֲנֹכֶה יְאִי יְאִי * אֵי אֵה * נִי אֲנֵאנִי יְב

23 февраля Праведнице Народов Мира, жительнице Таганрога Анне Михайловне Покровской исполнилось бы 100 лет. Эта светлая женщина прожила 98 лет и ушла из этого мира _____ день своего рождения. На могиле А.М. Покровской будет установлен памятник, созданный по инициативе и на средства ростовского «Хесед Шолом-Бер» и ростовской еврейской общины.

Члены Попечительского совета Хеседа, сотрудники, волонтеры и подопечные этой организации, многие члены общины, все неравнодушные люди – жертвовали средства на строительство памятника. Не только ветераны, пережившие Катастрофу, но и их дети и внуки – весь еврейский народ считает своим моральным долгом увековечить имена и деяния простых людей, рисковавших своей жизнью, жизнями своих близких во имя спасения другой – еврейской – души. С самого начала войны в Таганроге ходили слухи о том, что фашисты будут уничтожать евреев. В то время Анна Михайловна работала учителем рисования и черчения в таганрогском Доме учителя. И она предложила одной из своих сотрудниц, Тамаре Наумовне Арнсон, укрыться в своей квартире, где проживала вместе с десятилетним сыном. Окна выходили прямо на немецкую часть, поэтому женщинам оставалось надеяться только на чудо.

В октябре 1941 года евреев Таганрога погнали на расстрел в Петрушанскую балку. Это был один из первых «опытов» нацистов по массовому уничтожению евреев на территории СССР. Одной из женщин удалось вытолкнуть еврейского мальчика из толпы обреченных на смерть людей. Этот мальчик, Володя, тоже попал в дом Анны Михайловны Покровской. В мае 1942 года Тамаре Арнсон фашисты приказали явиться в комендатуру. Женщины приняли единственно верное решение: бежать из Таганрога. Началась новая, не менее трудная жизнь: нужно было пройти через все посты, патрули, проверки, искать ночлег, кормить детей. Больше года длился этот кошмар, пока наконец они не нашли убежище в Тамбове. Здесь женщины устроились на работу в детский дом, где выхаживали истощенных, полумертвых детей блокадного Ленинграда. В Тамбове они встретили долгожданную весть об окончании войны. Когда тамбовский детский дом расформировали, дети и воспитатели были направлены в Ленинград. Уехала туда и Тамара Наумовна Арнсон.

Внучки Анны Михайловны рассказывают, что в детстве считали Тамару Наумовну своей близкой родственницей, и только спустя годы бабушка рассказала им о страшных событиях, соединивших ее и Тамару Арнсон прочными узами.

С юных лет Анна Михайловна Покровская мечтала о сцене. Однако не сложилось: время было слишком суровое. Ей удалось поступить в художественную школу и закончить ее, но от своей мечты она не отказалась.

Уже после войны, в начале 50-х годов, она организовала драматический кружок, которому отдала 35 лет жизни. Она передавала своим ученикам любовь не только к искусству, но и к людям.

В 1996 году посол Государства Израиль в России Ализа Шенар вручила Анне Михайловне памятную медаль иерусалимского музея жертв Катастрофы «Яд ва-Шем» с надписью «Кто спас одного человека, тот спас весь мир».

ע. אָאָויִי אִי

Àèöâ áúááí àò î ð áúñéî îöáí èë ðááí ò ó î áúèí ú

Выступивший на страницах еженедельника «Волга и Дон» в связи с празднованием 61-й годовщины Победы в Сталинградской битве, первый вице-губернатор Волгоградской области Ю.И. Сизов высоко оценил активность и вклад еврейской религиозной общины Волгограда в дело социальной поддержки ветеранов войны.

По словам вице-губернатора, еврейская община – «одна из наиболее активных среди общественных и религиозных объединений, последовательно претворяющих в жизнь социальный аспект адаптации ветеранов – наших защитников, отвоевавших для нас право на жизнь, свободу, счастливое будущее».

В. Ётôá

Â Áí áí á áóúáò î ò èðúò î áúáñò ááí í úé öáí ò ð

26 февраля еврейскую общину Анапы посетили представители городских властей. Хорошим поводом для визита стал проходящий в этом черноморском городе-курорте «Месяц памяти», посвященный Великой Отечественной войне и включающий помимо торжественных мероприятий, и чествование ветеранов. Так член общины Клавдия Левина, воевавшая на Северном Кавказе, получила в подарок телевизор. Но главным сюрпризом стало обещание мэра открыть центр общественных организаций и объединений, где нашлось бы место и для еврейского общинного центра. Ведь своего помещения у общины нет.

Мэр Анапы Виталий Астапенко отметил, что еврейская диаспора принимает активное участие в жизни многонационального города-курорта, проводит мероприятия, на которые приглашаются другие национальные общины, помогает нуждающимся евреям-анапчанам. На встрече возникла идея проведения в анапских школах уроков краеведения, на которых рассказывалось бы об истории евреев на Черноморском побережье. Ведь в древней Горгиппии, на территории которой расположена Анапа, еврейские поселения были уже в 42 году до н.э.

По словам председателя общины Иосифа Рогельберга, столь продуктивная встреча с городскими властями состоялась впервые.

Ñ. Êááí æíéáÿ

י' Ū ÄÄÈÈÄİ ÑB Ä İ ĐÄÄÈÈŪİ İİ İ Äİ ĐÄÄÈÄİ ÈÈ

В конце февраля в Омске при поддержке международного благотворительного фонда «Ор Авнер» открылся первый еврейский детский сад. Главный раввин Омска Ошер Кричевский прикрепил мезузу ко входу в здание и поздравил всех со знаменательным днем. «Еврейская община добивалась у городских властей открытия еврейского детского сада в течение двух лет, – сказал он. – Значение этого события для евреев Омска трудно переоценить. Я надеюсь, что сегодняшняя церемония покажет, что можно жить в России и воспитывать своих детей в соответствии с еврейской традицией. Около месяца назад мы открыли в городе воскресную школу. Мы движемся в правильном направлении, и я уверен, что детский сад и воскресная школа станут платформой для открытия общеобразовательной еврейской школы и создания крепкой, полноценной еврейской общины».

Раввин Кричевский в сопровождении родителей и детей осмотрел помещения детского сада: кухню, уютные спальни, игровые комнаты. Родители встретились с воспитателями детского сада, которые рассказали о методиках и планах работы с детьми.

י. ŪÄÈÈÄİ

Áíçáðáíáí èá è ñááá

Ñ ñáí íáí óðà á ñéíááíá Áíáíðíáòðíáíá íáíðáðíáíúí ííóíéíí èéè èíáè: áááí áíí íáááèí, íðááóáíðáíáááóðí ýóííó áíí, íá áééè «Ááááéíéá áíçóíáéáíéá» ðáííéáçíááéè áíáíðíáòðíáíéèá òáéáéáíáéú. Óðáíí áúéí íá çáí áðéóú è ýðééó áðéè íá éééóáá Á íáíáí, íðéçíá ááááéíéé íáíéíú éí áíáí áááíí áíðíáá áúé óíéúóáí, á ÷áí èáéáúé áééáííéé í íáóááíéòúíí, íðéáí á Óíðáéíí óð ñéíááíá «Çíéí òáí ðíçá». Çá ááí ú çááíí í íáíááéè í áíéíéúéí òúííí: áí áí ðíáòðíááá

Перед гостями развернулась грандиозная панорама еврейской жизни. Организаторы акции сделали все возможное, чтобы от самого момента входа в синагогу люди чувствовали себя как дома. Чувство единой семьи всегда ставится во главу угла в еврейской общине Днепропетровска. Об этом говорил ее председатель Григорий Натанович Король: «Наша главная цель – сделать так, чтобы каждый, пришедший к нам, ощутил на себе всю глубину и красоту еврейской религии и еврейского образа жизни. И если он почувствует, что именно о нем, обычном еврее Украины, говорит в своих посланиях глава нашего поколения, седьмой Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнейерсон, тогда мы сможем сказать, что наша задача выполнена».

Зал синагоги был разделен на десять «станций», на которых представители еврейской общины Днепропетровска – а среди них были раввины, преподаватели и учащиеся религиозных учебных заведений города – рассказывали о том, что такое Тора, как важно дать своим детям еврейское образование, каковы еврейские законы питания, почему в еврейском доме обязательно должны быть еврейские книги... И, переходя от одной «станции» к другой, люди, особенно те, кто впервые в жизни оказался в Хоральной синагоге, менялись на глазах.

А на втором этаже синагоги проходили экскурсии, из которых гости смогли узнать и об истории еврейской жизни на Украине, и о том, что значит синагога в еврейской жизни, и о символике современного здания «Золотой Розы». Ну а вечером состоялся розыгрыш главных призов: еврейской библиотеки, двух поездок в Израиль и самого главного приза – экскурсии в Нью-Йорк, в центр Любавичского движения. На церемонию награждения прибыл почетный гость – глава делегации Еврейского агентства «Сохнут» на Украине и в Молдове Алекс Кац. Победитель, Владимир Исаевич Коток, получивший главный приз, был в восторге. А главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий, завершая акцию, сказал: «Самое главное, что нам удалось привлечь в синагогу тех евреев, кто по разным причинам не находил для себя возможности быть вместе со своим народом. Я думаю, что многие из тех, кто пришел сюда сегодня в первый раз, получили прекрасное представление об иудаизме и сделали первый шаг к возвращению к своим корням».

А. Ёéíñéð

В БЛИЖАЙШИХ ПЛАНАХ – КОШЕРНАЯ СЫРОВАРНЯ

Íí-òè àñ àððáññéá íáñéíù èððáíùð àððáñá ÑÍÁ çááñçò áíéñòòò ÷áñòù éíòáðíùð ìðñáðéðíá èç ÑÇÁ, Ëçðáñéç è Ááðñíù. Íí èí ìíððóíùá ìðñáðéðù ñòíçò àððáñ è ìíðíí ó íá àñáñá àñòðóíù áçç ìíððáñéðáçç ñí ñðááí èí àñòðáðéíí.

Íá ì íéí-ííí çááñáá

Еврейская религиозная община Армении приложила немало усилий для решения проблем, связанных с кошерным питанием. В частности, благодаря главному раввину Армении Гершу-Меиру Бурштейну, представителю американского объединения по кашруту «OU», в стране начали производиться консервированные фрукты, соки, овощи, варенья с сертификатом кошерности. Эти продукты экспортируются в Израиль, США, Европу.

«Мы смогли избежать многих проблем, которые возникали в других странах, – рассказал раввин Бурштейн. – Например, производим сыр и кисломолочные продукты, хотя пока и в малом количестве. В наших планах – запуск крупного сыроваренного завода. Армения в годы советской власти была одним из лидеров по производству желтых сыров, так как на ее территории располагаются районы так называемых альпийских лугов, где коровы получают высококачественное питание. Мы надеемся, что скоро наступит тот день, когда кошерные магазины в странах СНГ станут таким же привычным и неотъемлемым общинным учреждением, как синагога».

À. Ðááíòíééíáá

ΕΙ ΕΑΙ ΟΕ ΑΝΑΙ Ο

20 οάααεϋ Αάηιαεήεα άπόη Αήηι εδήα εήαάηηά άηηήηϋά-ήηά αάαεήάα (ΑΕΔΑ) ήαηηάεή ή αάαααήεε άεεε ή ή άηηήηηάήεή άηηήάαήηά άεάεήάε αάαεήεήε εεάααάάά, ήάηηηάάεήήηά εαάάάεηηάηη «Οάι εδ» ε Εήηάάηήεάε ή ή ήάάάεήηη ή ήάάάήηη αάηηά ε Αάηι άήεε (JCC). 148 άηηήηϋά-ήηά ήηι άε ε ήάηεή ά ή άεήήεε άάάεάά Αάηηη ε ήάεάά άηηά Αάηι άήεε, ήήε-εεε εήε ή ά άηηήηη ήηηεά Αάηι άεάεήάεε άηεε ήήάάάηη αάαεήεήε ήάηεήά Αάεεήά Α άηηάήηηηη- ήάηηηάάά άηηήηϋά-ήηά εήάεεήά Αάηι άήεε.

В Берлин из стран бывшего СССР за последние десять лет прибыло 65 200 человек. Эту цифру обнаружил шеф комиссии по внутренним делам берлинского сената Ульрих Фрайзе. Приблизительно треть прибывших – «контингентные беженцы»: так официально именуются в ФРГ русскоязычные еврейские переселенцы. При этом членами городской еврейской общины стали всего 10 тысяч: община принимает в свои ряды только лиц с подтвержденным еврейством. Остальные оказались за бортом еврейской жизни.

«И такая картина наблюдается в Германии повсеместно, – говорит исполнительный директор европейского представительства ВКРЕ Лариса Сысоева. – Двери в общины для этих людей, разумеется, не закрыты – нужно только пройти гиюр. Что многих, кстати, обижает. Ведь там, откуда они прибыли, антисемиты преследовали их, не рассуждая о “правильности” их еврейства. Изучение еврейской традиции могло бы успокоить этих людей и вселить в них надежду. Но учебе мешают незнание иврита и слабое владение немецким языком. Помочь этим людям приобщиться к еврейской традиции, пользуясь русским языком, – одна из задач акции, которую нам помогли организовать и провести издательство “Шамир” и JCC».

В увесистой коробке – двухтомная Тора, комментарии к Пятикнижию, «Мишне Тора» Рамбама, Российская еврейская энциклопедия, книги по иудаике для детей – всего 27 наименований.

«Для людей, о которых мы говорили, книги эти имеют огромное значение, – продолжает Лариса Сысоева. – Серьезным подспорьем стали библиотеки и для общин маленьких городов Германии. Магазинов еврейской книги там нет – их в стране вообще немного. А найти еврейскую литературу на русском языке здесь и вовсе невозможно, что тормозит учебу членов общин. Слух о том, что в берлинском бюро ВКРЕ можно получить библиотеку, распространился по провинциальным общинам быстро. В один из январских дней к нам неожиданно пришла делегация представителей сразу пяти общин из соседней с Берлином земли Бранденбург, – продолжает Сысоева. – И надо было видеть радость этих людей, когда они получили бесценные в их условиях книги, к тому же бесплатно, – ведь маленькие общины очень ограничены в средствах. Слова благодарности мы услышали и от тех, кто получил библиотеки в личное пользование, – это в основном еврейские семьи, живущие в деревнях и поселках и полностью изолированные от жизни еврейского сообщества».

Еврейское образование – важнейший, но не единственный пункт осуществляемой сейчас европейским представительством ВКРЕ программы поддержки «русских» евреев в Германии. Одна из наиболее актуальных проблем – предоставление «контингентным беженцам» права на получение гражданства ФРГ не через 8, а через 5 лет проживания в стране, что является серьезным фактором при устройстве на работу. Вторая, и не менее серьезная, проблема – подтверждение «советских» дипломов о высшем и среднем специальном образовании. Актуальной станет в скором времени и проблема пенсионного обеспечения «русских» евреев, поскольку по существующему на сегодня положению стаж работы в странах бывшего СССР «контингентным беженцам», в отличие от немцев-переселенцев, не засчитывается.

Ε. Οάηηε

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Современная еврейская школа не только стремится дать базовое образование, но и старается удовлетворить индивидуальные образовательные интересы, потребности и склонности каждого школьника. В школе «Ор-Авнер» Перми, как, впрочем, и в ряде других еврейских школ, существует Научное общество учащихся. Результатом деятельности учеников и их руководителей является защита научных проектов на конкурсе учебно-исследовательских работ, ежегодно проходящем в городе и области.

אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

В этом году школьники достойно представили «Ор Авнер». Работы учащейся 9 класса Элины Бейзер «Золотое правило морали и его интерпретация в иудаизме» по секции «Философия» и учащейся 10 класса Екатерины Каримовой «Роль еврейства в правозащитном движении» по секции «Правоведение» были отмечены дипломами 3-й степени. А исследовательская работа ученицы 7 класса Оры Зурабян «История еврейского образования и просвещения в Перми» была признана лучшей на секции «Краеведение».

Впереди борьба на областном конкурсе и – будем надеяться – новые достижения.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ

ПРЕМИИ ОДАРЕННЫМ ДЕТЯМ

*26 באדר תשס"ו יום הדין ליל א"ת הועברו מאת המועצה אזורית גבעתיים -
האגודה לילדים ונוער וקרית הילדים וקרית הנוער א"ת*

Награду главы администрации Ростова получил юный член ростовской еврейской общины Илья Кулишов, обладатель наград многих престижных конкурсов и фестивалей, в том числе дипломов I Международного фестиваля еврейских общинных театров в номинации «Юный участник», федерального форума «Одаренные дети», VII международного фестиваля еврейского детского и юношеского художественного творчества «Зажги звезду».

Выступления юного музыканта стали украшением городских праздников, в которых принимает участие еврейская община. Илья Кулишов – солирующий скрипач, но он с увлечением играет в ансамблях, в оркестре и даже в качестве вокалиста хоровой капеллы мальчиков Музыкального театра.

Премией мэра также награждена Александра Давыдова – участница музыкальной программы ростовской еврейской общины «Дух еврея».

י. דודי אר

ЛЕХАИМ АПРЕЛЬ 2004 НИСАН 5764 – 4 (144)
בְּאֵיבָאוֹנֵב עֵעַ נְאִי אִי ב דִּי נִנְעֵב אֲאֵי אִי ?

עִי אִי עֵעַ עֵעַ

В каждом поколении мы выходим из Египта – говорим мы во время сейдера на Пейсах. Каждый год переживание этого давнего события возвращает нас и к тем бедам, которые претерпевали евреи в Египте, и к тому важнейшему событию в жизни народа, которое мы именуем Синайским Откровением.

Поэтому говоря о ежегодном Исходе из Египта, мы одновременно помним и о том, что за этим последовало.

Ежегодно вспоминаем не только об Исходе из Египта – каждый год в Йом Кипур мы вспоминаем о том, что нас ждет по решению Всевышнего. Точно так же год за годом мы читаем Тору не для механического заучивания одного и того же текста, а для того, чтобы каждый день своей жизни сверять с Торой. Тогда чтение свитка становится и постоянным накоплением духовного опыта, постоянным отчетом перед Торой и самим собой.

У соблюдающего требования Торы вряд ли может возникнуть вопрос о том, как можно, каждый год читая Агоду, ощущать себя выходящим из Египта. Ибо без выхода из Египта нет Торы, нет иудаизма вообще.

Куда сложнее тем, кто, садясь за стол сейдера, делает это по традиции, но по традиции лишь культурной, не включающей то, о чем шла речь.

Для такого человека символическим выходом из духовного Египта станет, дай Б-г, хотя бы первое ощущение, что сейдер на Пейсах – это первый шаг к Торе. Ведь любой Исход начинается с первого шага. И тут уж не важно, где произойдет это событие: в Москве, Иерусалиме или где-то в другом месте. Как ни странно, в этом случае Исход из нееврейского мира окажется Входом в мир иудаизма. Этот мир и позволит когда-нибудь «выйти из Египта» вместе с теми, кто ощущает подобное состояние как свою ежегодную обязанность и долг.

Однако не стоит предаваться гордыне и тем, кто каждый год садится за стол сейдера и делает всё полагающееся в Пейсах. Стоит помнить и о тех, кто ничего не слышал о сейдере, и о тех, кто сам не придет за наш стол и кому мы не сможем сказать: «Каждый нуждающийся в сейдере пусть войдет». В этом случае мы можем помочь новичку сделать первый шаг по дороге из Египта.

Наконец, всегда есть те, кому (по словам Агоды) надо сказать: «Это сделал мне Б-г при выходе моем из Египта». И у человека простодушного, с открытым сердцем, появится чувство, испытываемое всеми нами за столом сейдера.

И все было бы относительно просто и понятно, если бы люди были предоставлены сами себе, если бы все проблемы евреев сводились лишь к духовному самосовершенствованию. Но жизнь устроена иначе. И далеко не всегда в наши советские и постсоветские времена так уж просто было сесть за стол сейдера. И далеко не все из тех, для кого это было обязательно, и обязательно внутренне, стремились, чтобы и их дети продолжали традицию, начало которой – в Исходе из Египта.

Но это в трудные времена. А бывают времена и попроще и кажется, что и мацу кто-нибудь привезет в Россию, и праздник организует, и приглашения разошлет. А мы сядем в зале, послушаем раввинов и артистов, закусим мацой и – по домам!

Однако тот, кто не вымел хомец не только из дома, но и из своего сознания, кто не превратил запретное в прах, не сможет пережить Пейсах как свой личный Исход из Египта. Тогда для еврея уже не будет разницы, на каком празднике поесть и попить, какие истины выслушать и от кого. И не надо удивляться, если дети совершат поступки, после которых они перестанут быть евреями.

История Исхода учит нас и еще одному. Напомним, Иосифу не так уж плохо было при дворе фараона. Но пришел новый фараон, не знавший об Иосифе. Он предположил, что, если начнется большая

война, евреи перейдут на сторону противника, и, следовательно, надо «ухитриться против евреев», уменьшать их рождаемость и т.д.

Как видим, подобная ситуация существовала всегда, где евреи хотели быть самими собой. И тут возникает вопрос: а не есть ли Исход – универсальный ответ на все вопросы такого рода? Многие наши бывшие соотечественники так и решили. И Б-г им судья. Однако для тех, кто живет в России или в странах СНГ, этот вопрос остается. Ответ на него безусловно зависит от личного решения каждого. Проблема, правда, в том, что от себя никуда не убежишь. И на любой земле останется все тот же вопрос: как выйти из Египта? Это – в праздник Пейсах. Или: «Кто сегодня Оман для нас?» Это в Пурим. И так далее.

Праздник Пейсах с его идеей духовного освобождения от египетского рабства – это мы считали в наших условиях еще и праздник освобождения от собственных заблуждений, от того, что мы считали ценностями в условиях антиеврейской жизни в советские времена.

Сегодня мы имеем возможность читать еврейские книги и в подлинниках, и в переводах. Сегодня мы имеем возможность учить своих детей в еврейских учебных заведениях. И грех не воспользоваться этим. Зачем создавать своим детям проблемы, которые далеко не все из нас смогли решить хотя бы относительно безболезненно?

Опыт показывает, что Египет окружает еврея везде. Для антисемитов не только не действует заповедь «Нет ни эллина, ни иудея», но им даже не приходит в голову мысль, что «нет ни иудея, ни христианина». Ведь язычник-эллин – это не монотеист-иудей, к тому же противник идолопоклонства.

И все же – пусть Березовский хоть тысячу раз крещен, именно его еврейской сущности, его чисто телесному происхождению будут приписывать в России заговор против чего угодно. Это – хорошее напоминание о том, что евреям от себя никуда не уйти. И о том, что «фараон» всегда найдется. Поэтому-то сам физический исход из одной страны в другую может ничего не изменить в самоощущении еврея. Другое дело – страх преследования, антисемитские выходки, даже физические нападения способствуют принятию такого решения.

Однако в праздник Пейсах мы имеем возможность вспомнить не только о преследованиях евреев в Египте, но и об Исходе, предпринятом евреями во главе с Моисеем под водительством Всевышнего. Десять казней египетских вошли в мировую историю и стали нарицательным выражением. Таким же, как теперь Холокост или Шоа.

Размышляя сегодня о нашей современности, мы, к сожалению и к счастью, имеем возможность сопоставлять сегодняшнюю жизнь с событиями и их последствиями на протяжении тысячелетий. Такой масштаб позволяет и не преувеличивать и не преуменьшать происходящее с нами и сохраняет надежду, что Всевышний знает свой замысел относительно и евреев, и всего человечества.

Сегодня, выйдя из Египта советского безверия, бессмысленных попыток отказа от своей еврейской идентичности, мы не должны забывать, что Египет национальной индифферентности, Египет безверия, Египет генетического страха еще живет в душах многих из нас. И, слыша привычный российский антисемитский шумок, а то и грохот, мы имеем возможность за столом Пейсаха напомнить себе о том, что мы дожили до наших времен только и исключительно потому что тысячи предшествующих поколений садились за точно такие же столы, думали о том же, о чем и мы сегодня, и точно так же черпали жизненные силы в такой знакомой Агоде.

И, быть может, самым правильным деянием в Пейсах была бы благодарность Всевышнему за все сделанное для нас до настоящего времени. В Агоде есть описание 14 степеней блага, которое дал нам Всевышний. Они кончаются словами: «Если бы Он ввел нас в Землю Израиля, но не построил бы для нас свой Избранный Храм, – для нас этого было бы достаточно».

Мы живем в эпоху, когда часть народа Израиля опять живет в обновленном Иерусалиме. Мы живем в эпоху ожидания Храма. И все же без Храма Иерусалим еще не восстановлен. У евреев вполне достаточно врагов. Поэтому, не боясь впасть в преувеличение, скажем: «Были бы евреи, а Египет найдется!» Ну, а раз так – нам всегда будет что праздновать в Пейсах. И это делает каждый наш сейдер живым и актуальным.

Каждый нуждающийся в сейдере – пусть войдет!

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ «САМОГО СЛАБОГО ЗВЕНА»:

ПОПЫТКА ВОЗРОЖДЕНИЯ (*אֶעֱרִי אֶת־עַמִּי*)

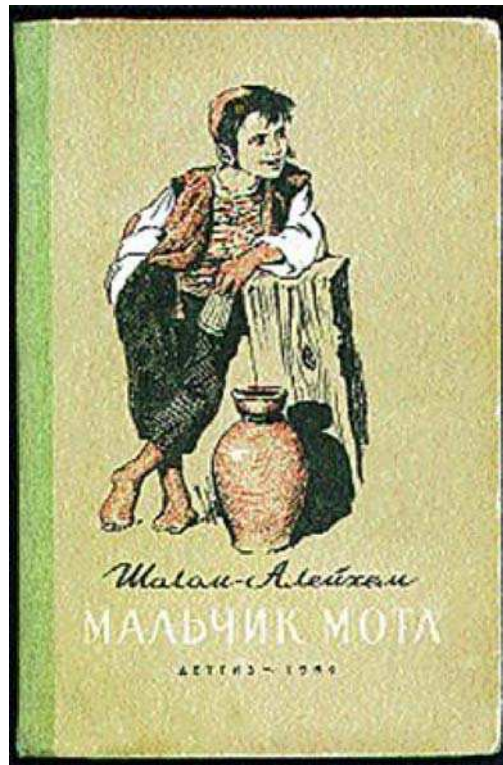
Примерно пятьдесят пять лет назад, в 1948 – 1949 гг., еврейская культура в Советском Союзе подверглась полному разгрому. Упразднили Еврейский антифашистский комитет, закрыли московское еврейское издательство «Дер Эмес», еврейские театры в Москве, Минске, Биробиджане, Черновицах, еврейское театральное училище им. С. Михоэлса в Москве. Были распущены объединения еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске. Перестали выходить литературные альманахи «Геймланд» (Москва) и «Дер Штерн» (Киев). Точно так же были закрыты научно-исследовательский кабинет еврейской культуры в Киеве, еврейский музей в Вильнюсе, историко-этнографический музей грузинского еврейства, краеведческий музей в Биробиджане. В биробиджанской библиотеке им. Шолом-Алейхема уничтожили тысячи томов еврейских книг. Прекратились передачи на идише, ведшиеся московским международным радио. Но самое главное – арестовали практически всех крупных деятелей еврейской культуры. Многие из них погибли.

Начавшийся после освобождения врачей в апреле 1953 г. крайне противоречивый процесс десталинизации коснулся и общего положения еврейства в стране. В 1955 – 1956 гг. из ссылок и лагерей вернулись оставшиеся в живых жертвы масштабной антисемитской кампании сталинского режима. «Оттепель» пробудила надежды наших соплеменников на смягчение политики властей в отношении еврейской культурной и религиозной жизни.

В условиях большей открытости режима и его стремления сохранить влияние и контроль над международным коммунистическим движением, где в те годы было немало евреев, высшее руководство страны оказалось вынужденным обсуждать вопрос и о состоянии еврейской культуры. В 1954 г. на русском языке была опубликована повесть Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл». Начали работу комиссии по изданию литературного наследия казненных (к тому времени уже реабилитированных) писателей: Переца Маркиша, Льва Квитко, Давида Бергельсона.

В переводе на русский язык в свет вышло небольшое количество книг еврейских авторов. На это власти были согласны. Зато они всячески противились изданию литературных произведений на еврейском. Даже в малых размерах. Даже тех, что уже были осуществлены раньше. Я уже не говорю о возрождении еврейского издательства, об открытии театра, о выпуске еврейской газеты и журнала, о радиовещании на идише. Ситуация середины и второй половины 1950-х гг. напоминала ситуацию начала 1920-х гг. Только теперь врагом советского режима стал уже не «реакционно-клерикальный» иврит, а идиш, который в 1920 – 1930-е гг. у властей был в фаворе, ибо считался языком еврейских трудящихся масс.

Недовольство, с которым власти вынуждены были считаться, конечно, исходило не от рядовых советских евреев, не от поэта Арона Вергелиса (кстати, чуть ли не единственного, кого не коснулась волна антиеврейских репрессий) и, естественно, не от секретариата Союза писателей, а от «зарубежных прогрессивных сил». Об этом достаточно выразительно, опираясь на внушительный документальный материал, рассказал в своей книге «Миссия в Москву» активный деятель еврейской секции компартии Франции писатель Хаим Словес. Используя настроения евреев-коммунистов, Словес сумел убедить руководителя ФКП Мориса Тореза, часто ездившего в Москву, встречавшегося с советским руководством, поставить однажды перед ним вопрос: «Почему в Советском Союзе не издаются книги на еврейском языке?» Торезу, как и многим другим западным левым, задававшим подобные вопросы, вначале организовывали встречи с советскими евреями, и те клятвенно уверяли гостей, что никаких школ, книг, газет и театров на родном языке им не нужно, ибо их культурные интересы раз и навсегда связаны с великим и могучим. Однако публикации в западной прокоммунистической прессе, касающиеся еврейских проблем в стране победившего социализма, не прекращались, и в один прекрасный момент Словесу «на очень высоком уровне» было откровенно и при помощи ленинского новояза объявлено, что евреи рассматриваются кремлевским руководством как «самое слабое звено в цепи советских народов», и возрождать еврейский язык, то есть идиш, значит «мешать добровольной ассимиляции евреев» (а ее сторонником, как известно каждому коммунисту, был Ленин) и толкать их назад в гетто». Удивительно, но похожие доводы не раз звучали и вскоре после большевистской революции. Только касались они иврита, а не идиша. В подобном развитии событий, бесспорно, была своя логика, логика «решения еврейского вопроса» в Советском Союзе.

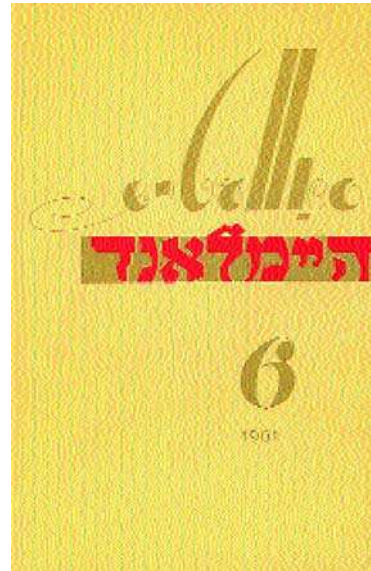
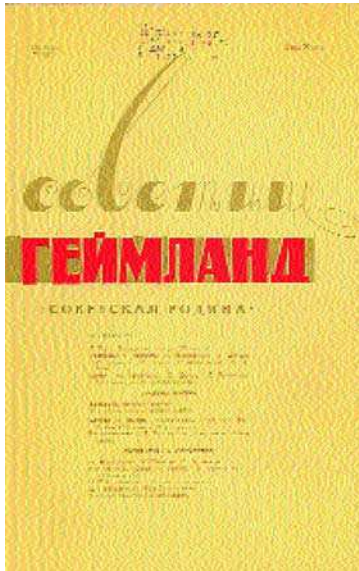
Ἐτέῃ Ὀτέῖῖ Ἀέῖεῖῖ ἃ

«Ἴ ἁῖῖ-εῖ Ἴ ἰῶῖ». 1954 ἃ

И все же в конечном счете начальство решило позволить евреям на своем языке славословить советскую власть и ее мудрых вождей, а также издавать некоторые произведения еврейских классиков. Тем самым оно могло «заткнуть глотку» зарубежным критикам и с еще большим успехом продолжать дурачить прогрессивные силы мира и социализма. В 1959 г. вышла первая книга на идише – это были рассказы И.-Л. Переца. В 1961 г. в Москве начал издаваться журнал «Советиш Геймланд». Однако обещания создать еврейское издательство, организовать выпуск еврейской газеты, созвать Всесоюзное совещание еврейских писателей и работников культуры так и остались обещаниями.

ῤῗῗῗῗῗ ἑἃ ῥῗῗῗῗῗῗ ῗῗῗῗ ἁῖῖ «Ἴῗῗῗῗῗ Ἀῗῗῗ ἑἃῗ ἃ». 1961 ἃ

Γαέταεά è δεδσέυιιέ έεπδ αέδδλ αέά «Νίτάνοεσ Άαεί έαι ά», 1961 ά

Публикуемые документы, хранящиеся в Российском архиве новейшей истории, дают некоторое представление о масштабах катастрофы, постигшей еврейскую культуру в Советском Союзе. Эти же материалы свидетельствуют о происходивших в 1954 – 1960 гг. робких попытках Союза писателей и отдельных еврейских активистов начать

ΆΙ ΕΟΙ ΑΙ ΟΥ

Секретно

16 декабря 1955 г. № 526с

г.Москва

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Ά ίππασαί αά άδαι γ, ά πσυρε η δαααεεεδσάεαε άτευοίε αδδλ ιύ αάδελπееδ ίεπδσάεαε, ά Νίτρσ ίεπδσάεαε ίο εδ δτάνδσάί ίεετá è δαείυδ έεδ ίπδδσάαδ ί ίπά ίεπυ άί ίύδ è δπδ ίύδ σαι δπταί όίι, :οί αάαδ η έεδσάδσδδύ ύι ίάπσάπδσάι δααεεεδδσάί ίύδ όι αδσεδ ίεπδσάεαε è άίτáυá ί πλάύά άίάευιι άίευοίε αδδλ ιύ πλάνηεεδ έεδσάδσδδά ίεσδύεδ ίá αάδελπείι γυτέά

Ν ίάδαιδσ έαδ πλάνδσάαίεγ πλάνηείτá πδδγ ά ίασαε πδδάίá (άσάί ύι ίάδσεί ά δΝΌΝδ, ΌΝΝδ è ΆΝΝδ) πείαεεάυιι άίευοσγ αδδλ ίá έεδσάδσδδά ίεπδσάεεδ ίá αάδελπείι γυτέά

Άσείε άεγ άγδσάευιι πδδσ έεδσάδσδδά ίάεγέευιι ίάδελγέ-άπεεά εσάίεγ, άευιι άίάσε è έίεάείύá εσάδσάευιιδά, ίá-δσάσέα εδ ίδρεσάάίεγ; αάδελπееά ίεπδσάεε (Άδελπείι, Άεεεί, Ίάδееσ, Έεείάδτá, Όάδσδ, Έάεδεί, Άίδσδσάεί è αδ.) σεδτέί ίάδαιάεεευιι ίá δππееε è αδσάεά γυτέε ίάδτáτá ΝΝΝδ è ππδσάεγέε ίάδδύαι έαι φ :άπδύι ίίάίάσείίάευιι ίε πλάνηεε έεδσάδσδδύ.

Ίάπείευετ έαδ όίι ό ίάσάά (ί δει άδί ί η 1950 ά) ί ίάαεγρπύά άίευοείπδσά ίάδελγέ-άπεεδ è ίάίάδελγέ-άπεεδ εσάίεε, ά δσάεά έίεάείύá εσάδσάευιιδά, ίá-δσάσέα έεδσάδσδδύ ίá αάδελπείι γυτέά ί δαεδσάεεε πάτá πλάνδσάαίεά Ίάδαιάεε πλάνδσάάδδύ è αάδελπееά δσάδδύ.

Όάεεί ίάδσείι, σα ίίπσάίεά 5 έαδ ίá ίίγáεγέευιι ά πλάν ά εσάίεγδ ίá δτáίι γυτέά ίδρεσάάίεγ άπδ αάδελπееδ πλάνηεεδ ίεπδσάεαε è πλάνηι è ί έίει δι ό ίάεεεσάεγ εδ ίδρεσάάίεε è ίάδαιάαδ ίá δππееε è αδ γυτέε ίάδτáτá ΝΝΝδ

Èðíá áñíðñíá ñáçáñíúð ñ ááèùáéðáé ááçðáèùñíðùð ááðáèñéð ìéñòáéáé, íáðáá Ìðááéáíéáí Ñíðçá ìéñòáéáé á ìñéááíéá áñáù áñðááéé è áðúéá áñíðñí, ñáçáñíúá ñ ñááñíé ìáéíðíðúð áðúéð ìáðéñíáèùñíúð èèðáðáðóð.

Èíáá á áñáù Ááééíé Ìðá-áñðááííé áñéíú áññááðñòáñí áúéé ìðéíçòú ðáíðáñéáñíá í áðú, óáéðé-áñéé ìáðáñòáéé ñúáñòáíáòú ìáðéñíáèùñíá ìéñòáéèñéá áðúíú ìáí óáá Ìíáñéáéç, ðá-áí óáá, éíáðáé, ááééáðóáá, èðñí ñééð òáðáð.

Á òí áðáí ç áñá ðéáíú Ñíðçá ìéñòáéáé, ìðéíááéáéáñéá é çòéí ìáðéñíáèùñíðùí, áúéé ìáííáðáí áñíí èñéð-áñú èç Ñíðçá Èíáá áññéááñòáéé ìáéíðíðúá èç ìéð áññòðíééé á èá-áñòáá ìáðááíá-ééíá èéé ñ ìðéáñíáèùñíé ìðéçáááíéçí è ìá áðúéð ççíéáç, èð ðéáñòáí á Ñíðçá ìá áññòáí ááééááéñí, òíðçííé áúéé è áñ ñéð ìíð ññáðòñç ðéáíáí è ÈÍÑÑ.

Áéç Ñáéðáðáðéáðá Ìðááéáíéç ÑÍ çñí, ðóí ìðéçáááíéç ìññ áðóíí èéé ìðé áéçíé ðááéééðéðñáñíúð ááðáèñéð ìéñòáéáé, éí áðúéá ìáñáñçííá éáéñí-ðñáñéáñòááííá çíá-áñéá ìáñáðíáéí ìéçáááòú á ìáðááíáð ìá ðññéé è áðúéá ççíéé ìá ìáñéð ìññíááíéç, ðáñí éáé è áñ áéíáé-íúá ìðéçáááíéç áðúéð áéáñíéð è ðáñòáððúéð ááðáèñéð ìéñòáéáé.

Ìí áñíðñí ì ìéñáéíéé è ñááñíá ááðáèñéé èèðáðáðóð, éáé ìáííé èç ìáðéñíáèùñíúð èèðáðáðóð ÑÑÑ, è ìá éçááðáéñíéé ááçá áá ñúáñòáíááíéç, ðáñí éáé è áñíðñí, ñáçáñíúá ñ ñááñíé èèðáðáðóð ðáíðáñéáñíúð á áñáííá áðáí ç ìáðéñíáèùñíðáé, áñíáçò çá ðáí èé èñí ìáðáíðéé Ñíðçá ìéñòáéáé è èí áðò ìáñáññááðñòáñííá çíá-áñéá.

Ìíçòíí ó Ñáéðáðáðéáð Ñíðçá ìéñòáéáé ñááéð çòé áñíðñí ìáðáá Óáíðáéñíúí Èñí èðáðíí ÈÍÑÑ è ìðñéð óéáçáíéé è ñááñíá ì óñí, éáé èð ðáááðúí á áéçíé ìáðáé ìéñòáéñíéé ìðáíéçáðéé.

Ñáéðáðáð Ìðááéáíéç Ñíðçá ìéñòáéáé ÑÑÑ

À. ÑÓÐÉÍÁ

ÑÍ ÐÁÁÉÁ

Á ìáñòíçúáá áðáí ç á Ì ññéáí ìðáéááðò ñéááððúéá ðéáíú Ñíðçá ñááñíééð ìéñòáéáé, áñáðéá ðáí áá á ááðáèñéé ñáééé ÑÍ.

- 1. Ð. Ááóí áñéù - ìíçò. Ðáñíðááð á ìáéáñé è ááðñíéé èèðáðáðóð.
- 2. È. Áíðóñáé- - ìíçò è ì-áðééñò, ðé ÈÍÑÑ, ó-áñòíéé Ìðá-áñðááííé áñéíú. Ðáñíðááð ìáá éí éáñé ñéðéñíá ìá ááðáèñéé ìá ççíéá Ì-áðéé ìéçáð ìá ðññééíí.
- 3. Ç. Ááí áðíó - ìðçáéé.
- 4. Á. Ááðáééñ - ìíçò, éáíáéááð á ðé ÈÍÑÑ, ó-áñòíéé Ìðá-áñðááííé áñéíú. Á éçááðáéñíðáá «Ñíááñíééé ìéñòáéé» áñíáéð éí éáñ ñéðéñíá (ìáðááíá ñ ááðáèñééá).
- 5. Ñ. Ááéééí - ìíçò.
- 6. Ò. Ááí - ìðçáéé-ðí ìðéñò, ó-áñòíéé Ìðá-áñðááííé áñéíú.
- 7. È. Áíðáíí - ìðçáéé, ðé ÈÍÑÑ, ó-áñòíéé Ìðá-áñðááííé áñéíú.
- 8. Ø. Áíðáíí - èèðáðáðóðñááí é

éðèòèé. Í ìñòíγííí ìòòáíé:áàò áÁíéúóíé Ñíáàòíéíé Ýíòèéííáàé.

9. Á. Áíáéí - íðíçàèé, ÷é. ÊÍÑÑ, ó:áñòíéé íáðòèçáííéíá ááèæáíéý áÁáéíòáííèé.

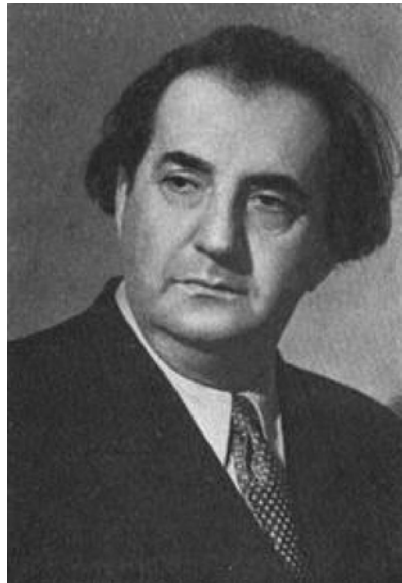
10. Í. Áðç - ííγò, ó:áñòíéé Í òá:áñòáíííé áíéíú.

11. Ì. Êèðøèö - ííγò.

12. Ê. Êòðüá - íðíçàèé.

13. Í. Êþáíí éðíèéé - òáàòðáèüíúé éðèòèé é èèòáðàòóðíááí, ó:áñòíéé Í òá:áñòáíííé áíéíú.

14. Í. Íéíéáíááð - éðèòèé é áðáí àòóðá áíéòíð óèéíéíáè:áíèèó íáóé. Í èøáò è íá ðáííéíí γçíéá

Øí óγèü (Ñáí áí) Ááèèéí.

15. Ê. Ðááéí - íðíçàèé.

16. Ê. Ðèáíí - íðíçàèé, ÷é. ÊÍÑÑ.

17. Ð. Ðúéíá - íðíçàèé é éðèòèé, éáíáèáàò óèéíéíáè:áíèèó íáóé. Í èøáò è íá ðáííéíí γçíéá

18. Ê. Ñáðááðγíúé - éðèòèé é èèòáðàòóðíááí. Êáíáèáàò óèéíéíáè:áíèèó íáóé. Í èøáò è íá ðáííéíí γçíéá

19. Ç. Øáèíéí - ííγò, ÷é. ÊÍÑÑ, ó:áñòíéé Í òá:áñòáíííé áíéíú.

Èñṣé Ò Bààéí.

20. Ì. Ọ́áí èéí à - ìíyò è ì òí çàèé. Ì è ọ̀áò è í à òṣṣíèíí ýçúéà

21. Ọ. Ọ́í èí àáí èí - ìíyò.

22. Á. Ọ́í ðí è - ààòṣṣéé ì èñṣé àéù

23. B. Ọ̀ò ádí ááá - ìíyò, áááì àò ọ̀á è ì ọ́áé è ọ̀èñò.

24. Ì. Ọ́áí ááááé - ì ááááí á: è è ñ ááááéí èí áí ýçúéà í à òṣṣíèé.

Áááé à Ááááéùṣṣí.

Éðíí á òíā, á Ì ìñéāí æéāò ðýā áāðáéñééò ìéñāòáéáé, íā ýáéýþùéòñý ÷éáí àì è Ñíþçà ìéñāòáéáé, íí ó-āñòāþùéé á ðāáí òā áāðáéñéé ñāééè ÑÌ.

1. Áéüòòóéāð - ìóáééòéñò.

2. Ø. Áíðéì áí (Áíí áí) - ìðíçáéé

3. Á. Áóáíéòééé - ìðíçáéé.

4. Ì. Éāā - ìðíçáéé, ó-āñòíéé ìāðòéçáíñéíā āāéáíéý. Ì. Éāā - áúāóéé íā-áéüíéé ðāçāáéé ìāðòéçáíñéé áðéāāü.

5. Óðñí èéí - ìðíçáéé, ó-āñòíéé Ì òā-āñòāáí íé áíéíü.

6. Áāéáíúééé - ìóáééòéñò è áðāì àò óðā

7. Øì áéí - èéí ìññāí áðéñò è áðāì àò óðā

8. Áðñí áāðā - ì íéíāíé ìíýò.

9. Á. Ðéñééí - ìðíçáéé è áðāì àò óðā ÿñò ðāáí íā òāñò ðā, ÷é. ÉÌ ÑÑ.

10. Ì. Áéüòòóéāð - ìóáééòéñò, ÷é. ÉÌ ÑÑ.

11. Á. Ì òò ò áéí (Ýéééíā) - ìāðāíā-éé íā áāðáéñééé ÿçíé.

12. Ì. Ñéííéì - ìāðāíā-éé ñ ðññéíā ÿçíéā íā áāðáéñéé è ñāāðáéñéíā íā ðññééé.

13. Ó. Óāéüéíāé- - āíóáí ò, ó-āñòíéé Ì òā-āñòāáí íé áíéíü, āāðíð ðýāā èññéāāíāáíéé ì ñòééā è ÿçíéā Ì èòāò è íā ðññéíì ÿçíéā

14. Ó. Óéíéāéü - èè òāðāò óðñāü

Ì āðāò Ì āðéèó.

Кроме названных писателей, проживающих в Москве, в г. Кировограде живет поэт, чл. КПСС т. Голбштейн, в г. Казани – критик, кандидат филологических наук М. Нотович (пишет и на русском языке), в г. Йошкар-Ола – поэт, кандидат филологических наук т. Ш. Ройтман (пишет и на русском языке), в г. Киеве – М. Пинчевский, драматург, в Черновцах – очеркист Х. Меламуд.

ÑÍ ÐÀÁËÀ

í í áñí ááééíááí í úó í ðíéçáááí éýó í èñòáéáé,

í èóóúèó í ðáèí óúáñðááí í í í á ááðáéñéíí ýçéá

I – Проза

И. Рабин – повесть «В одной семье»; тема нового быта и новой морали рабочей семьи.

П. Гордон – рассказ «Драгоценный подарок»; тема современной колхозной жизни дана в свете постановления сентябрьского пленума ЦК КПСС.

Р. Баумволь – новеллы о любви и дружбе для детей.

Г. Добин – рассказ о тружениках леса.

А. Губницкий – рассказ о преобразовании Дальнего Востока.

Л. Лурье – главы из автобиографического романа.

Т. Ген – юмористические новеллы на темы быта и борьбы с пережитками прошлого.

Д. Хорол – повесть о воспитании подростка, о роли матери в жизни ребенка.

Б. Рискин – «Записка сержанта», рассказ о любви советского народа к своей армии.

З. Вендров – повесть-памфлет об американском образе жизни.

И. Риверс – главы из воспоминаний подпольщика-большевика.

Г. Майзель – сатирические рассказы.

А. Фрумкин – рассказ о работниках бумажной промышленности.

М. Лев – рассказ о партизанах Отечественной войны.

II – Í ýçéý

È. Áíðóóíáé÷ - ñòèèè í áíðúú çà í èð

À. Ááðáéñéñ - ñòèèè í á Áçèè è ááéúú ááññòí÷í úá

ñòèèè.

СЪРАВЊА	
о прозаическом /индустриски/ писателю, члену ЦК КПСС на территории /градоначалство/ области.	
I - П Р О З А	
И. Рабин	- Повесть "В одной семье" - тема нового быта и новой морали рабочей семьи.
П. Гордон	- Рассказ "Драгоценный подарок" - тема современной колхозной жизни дана в свете постановления сентябрьского пленума ЦК КПСС.
Р. Баумволь	- Новеллы о любви и дружбе для детей.
Г. Добин	- Рассказ о тружениках леса.
А. Губницкий	- Рассказ о преобразовании Дальнего Востока.
Л. Лурье	- Главы из автобиографического романа.
Т. Ген	- Юмористические новеллы на темы быта и борьбы с пережитками прошлого.
Д. Хорол	- Повесть о воспитании подростка, о роли матери в жизни ребенка.
Б. Рискин	- "Записка сержанта", рассказ о любви советского народа к своей армии.
З. Вендров	- Повесть-памфлет об американском образе жизни.
И. Риверс	- Главы из воспоминаний подпольщика-большевика.
Г. Майзель	- Сатирические рассказы.
А. Фрумкин	- Рассказ о работниках бумажной промышленности.
М. Лев	- Рассказ о партизанах Отечественной войны.
II - Í ýçéý	
È. Áíðóóíáé÷	- ñòèèè í áíðúú çà í èð
À. Ááðáéñéñ	- ñòèèè í á Áçèè è ááéúú ááññòí÷í úá
III - Í ýçéý	
И. Баумволь	- стихи в борьбе за мир.
А. Бергман	- стихи на тему и дальнейшего развития.

Ñ. Áääééí - èèðè:áñéá è òèéíñ òñéá ðàçì ùòéáí èý.

Î. Áðèç - ñòèðè äéý äáòáé è ááñí è.

Ï. Èèðòèð - í ááíèùòäý ïíýí à «Ñéàçéá».

Ï. Ðñéòì áí - ñòèðè í òðúáà è ïðèðñáá

Ç. Õáéáñéí - ñòèðè äéý äáòáé.

Ï. Õéíááíéí - í íáíá ñòèðè.

Β. Õðáðí í ááðñ - ñòèðè í Ïóééíá

Õéá (Ï áñé) Áðèç

III - Áðàì àò óðäéý (í ùáñí)

Ý. Áèðáíçíí - «Çíðý Ááéáíéíáé»: ïùñá í áíááíò äáéñòáéýò ïíááíáíééíá á áñáí Ïòá:áñòááííé áñéíú.

Î. Îéñáí ááð - ïùñá í ááðáéñéíí èéáñééá Õíéíí - Áéáéóáí á è áñ áðáéááñ.Ï. Áíðñéí.

Ï. Ïéí:ááñéé (Èéáá) - éíí áéý.

IV – Очерки

Ï. Áíðòì áí - «Çáðèññáéè Ï íéáááéè».

Ï. Õáíééíá - í:áðé í éðáýò í éíáíñáñííñ éíí áéíáòá

Ó. Í áεáι áá (×áδι íáου) - í:αδé íá είí óáδι áεéíí áεúí íí
είεéοιçá

V - Êðèèèèá è èèòáδáòóδι ááááí èá

È. Νάδαδύíúé - ðòáòúé; óáι ú - áδúεάá íáδρáiá á
άάδαéñéíé ðááòñéíé èèòάδáòóδá è Êáíéí á άάδαéñéíι óíεúééíδá

Í. Í εéáι ááδ - ðòáòúí íá íñí íáíííεííáéí èéá άάδαéñéíé
ñááòñéíé ííççéé Í óáδá Óááδóι áí á

Á. Êάéí - ðòáòúí í íάάάíááδ íðéçáááí èé Í.
Óááδóι áí á íá δúñéé è óéδαéíñéé ççúéé (Í ááéí Óú:είá è áδ).

Ý. Óάεúéíáε: - «Áάδαéñéáγ èèòάδáòóδá á ðòδáiáδ
íáδρáiíé ááι íéδáòèè» (íáçíð).

Ó. Óéíéáεú - «Á.Í. Áíδúεé è Óíεíι-Áέάéóáι»
(ñòáòúí).

Δ. Δúáéíá - «È ðúéáéáòεð ðú áíγ ðú áδè èéáñééá ááδ èèò. È. Í áδúá» (ñòáòúí).

VI - Í áεéèèèòèèá

Í. Áεúòóσέáδ - ðòáòúí «Áάδαéñéáγ ðááòñéáγ èèòάδáòóδá á áíδúá ðí íάάάεèèáι è
íðéçéíá á ðúçáí èé εðáé (íðíðéá δάεéá è áδúεάçí íáí íáεéíí áεéçí á).

Í. Êðáíι èδñéé - Í áδρáiúé áδδèñò ÑÑÑΔÑ.Í. Í εóγεñ Ñòáòúí.

VII - Óðíééá

1. Í áííóáéééíááííúá íεñú á Óíεíι-Áέάéóáι á

2. Ñííáúáí èá íá εçáí èé íðéçáááí èé áάδαéñééò íεíñòáéε á íάάάíá í á δúñééé ççúé.

Á. Áάάάεéñ È. Áíδáíι, È. Áíδúóáε:

Í ΔΕΙ Α×ΑΙ ΕΑ.

Íí εíáðúεííñ ðáááíéγí, íðéçáε:áñεá íðéçáááíéγ ííáò áúου íδáñòάáéáíú
íεíñòáéγí è, íðáεéáðúεí è áíá Í ðεáí: Ó. Óάεééí áííι (Êéáá) - ííáñòú í áεάçáíáíðéáíí
δáι áñεáííí ó:εéεúá èéé áεááι εç óñι áíá í áíδúá á ðòδáiáδ íáδρáiíé ááι íéδáòèè çá óñóáííáéáíéá
ííáíε áεáñðé; Á. Ííéγíéáδñι (Êéáá) - ííáñòú í íáòóγíéεáð; È. Óδáéáι áííι (×áδι íáου) - δáññéáçí
áéγ ááòáé è áδ

Ó íòάáεúí úδ íðéçáééíá í ðεáε:áé εí áðóíñ íðéçáááíéγ, ðéíóíδúι è í ú íá ðú'áéé íçáéíι εóúíñ.
Ó Á. Δεñééíá - «çáíεñéé ðáδεáíόá», δáññéáç í εðáéé ðááòñéíá íáδρáiá è ðáíáé áδι èé; ó Ç.
Ááíáδρáiá - ííáñòú í áí óεáð íá áι áδεéáíñéíι íáδáçá áεçíé; ó È. Δεááíá - áεááι εç áíñíι εíáíéé
ííáííεúíεéá-áíεúóááééá; ó Á. Í áεçáéγ - ðáòèδε:áñεá δáññéáçí; ó Á. Óδóι èéíá - δáññéáç í
δááíóíééáð áúι áεáίíé íðñι úééáííñòé; ó Í. Êάáá - δáññéáç í íáδδéçáí áð Í óá:áñóááí íé áíéíú.

ÄÏÛÏËÏ ÈÒÀËÛÏ ÀВ ÑÏ ÐÀÀËÀ

О еврейских писателях, проживающих в Москве и др. городах

À Ì ÏÑËÀÁ

1. М. Бродерзон – поэт, драматург, член Союза писателей.
2. М. Грубиан – поэт, член Союза писателей, участник Отечественной войны.
3. С. Гордон – прозаик, член Союза писателей.
4. В. Керлер – поэт (еще не реабилитирован).

À ÈÈÁÁÁ

1. М. Талалаевский – поэт.
2. Т. Фаликман – прозаик.
3. И. Кипнис – прозаик.
4. Д. Хайкина – поэт, детский писатель.
5. А. Коган – прозаик.
6. Г. Полянкер – прозаик.
7. Р. Балясная – поэтесса.
8. М. Лойцкер – литературовед, критик, кандидат наук.
9. Х. Табачников – прозаик.
10. Э. Шехтман – прозаик.

À ÏÄÁÑÑÁ

1. Ноте Лурье – прозаик.
2. А. Губерман – драматург.
3. Х. Вайнерман – поэт.
4. И. Друкер – критик.

В ХАРЬКОВЕ

1. Х. Левина – поэтесса.

Â × ÂÐÍ ÎÄÖÀÕ

1. М. Харац – поэт.
2. Х. Блоштейн – поэт, прозаик.
3. М. Альтман – прозаик.
4. Х. Меламуд – прозаик, очеркист.

Â ÊËÏÐËÍÄÁ

1. М. Сацкер – поэт.
2. М. Шрайбман – прозаик.
3. Я. Якир – критик, публицист.

В МИНСКЕ

1. А. Платнер – поэт, прозаик.
2. Г. Березкин – критик.

В ВИЛЬНЮСЕ

1. И. Котляр – детский поэт.
2. М. Елик – прозаик.
3. С. Белин-Легис – критик.
4. Я. Иосада – прозаик, критик.

Â ÐËÄÁ

1. М. Шац-Аинн – публицист, профессор.

Â ÁËÐÍÄËÄËÍÁ

1. И. Рабинков – прозаик, драматург.
2. Л. Вассерман – поэтесса, прозаик.
3. И. Бронфман – молодой поэт.
4. И. Эппот – поэт.
5. Б. Миллер – прозаик, драматург.

Î ÂÎÇÌ ÎÆÍ ÛÕ Î ÅÐÀÊÇÄÀÎ ÈΒΩ ÊÍ ÈÃ Í À ÁÂÐÄËÑÊÎ Ì ΒÇÛÊÁ

(êèâññè÷:âñèäü è ññâòñèäü áâðâèñèäü èèòáðâòóðâ, îðèáí òèðîáí÷:íî):

1. Классика

Òñ ì èçáðâí í ùò ññ÷:èíáí èé Î áí áâèá Î ïéóáð Ñòíðè ì

Òñ ì èçáðâí í ùò ññ÷:èíáí èé È.È. Ì áðâòâ

2-3 òñ ì à èçáðâí í ùò ññ÷:èíáí èé Õíèí Ì-Àèèéòâ ì

2 Ññâòñèäü ì ðñçà

Á. Áâðâèññèí Ì - à) «Ó Áí áí ðâ»;

á) Õñ ì ðâññèàçíá

Ì èñò ìð - «Ñâí ùÿ Ì àðááð».

Ì í ò á Èéòüâ - «Ñòâí ù çíáâò».

Á. Ì ïéÿ í èáð - «Õí äÿ-ðàçáí èí èé».

È. Óâèèè áí - «Ñâò ñ Áññò ïéâ».

Á. Ì èâññèèé - «Ì òáðè è áñ áðçüÿ».

ÿ. Óáðò ì áí - «Áñ áðâí í ùá ì áèè».

ÿ. Ì áðèèè - òñ ì ìðçü.

Ñ. Ì áðññâ - ðâññèàçü è Ì÷:áðèè (íáíðíèè ðâññèàçíá Ñ. Áíðâí; Õ. Áñ ì áí è áð).

ÿ. Áíðâí Ì - ðâññèàçü è ìíáñòè.

Á. Áíáèí - «Á áâèí ðâññèèè èáñð».

È. Ðâáèí - «Ðâññèàçü».

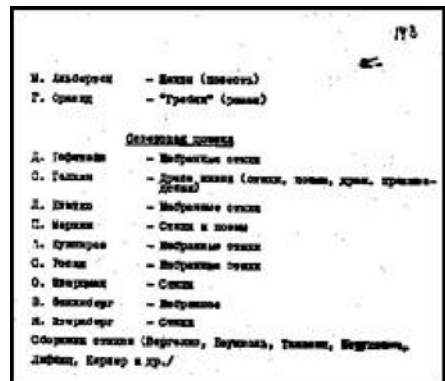
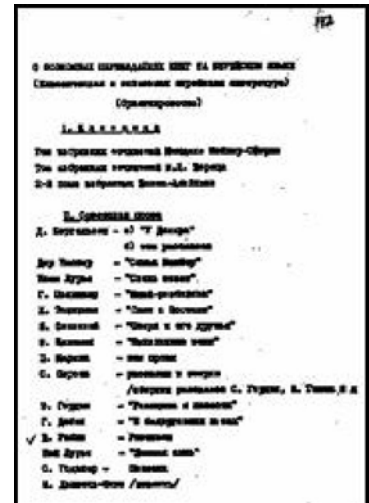
Ì ïé Èéòüâ - «Èáñ äÿ ò èèü».

Ñ. Áíáèí áð - ìíáñòè.

Ì. Ááí èáèü - «Ðèèñ» (ìíáñòèü).

Ì. Áèññâðò ìí - «Óáðò ù» (ìíáñòèü).

Á. Ì ðèáí á - «Áðâáèè» (ðñ ì áí).

Øri danneçaiâ aêep-aaò a niaý eò: oaa eç mçai i iã Áadaeüüi i i -i õiçae e i i. Ýoi i õieçaaai ey aiðaaieþoe i i iã i aðe iãa, danneçai i Áðaeaa i neie aieia, i Áeðraeaae aia, i aeçi e aadeieie aa i i õu ça aiaie eaae e ò.ä

Í enõ i õ - «Nai uy I a o a a d». Aðai ý aaenõ aeý - nãaae iã - e i iã XIX nò. Eñõ i õey i a o de a d a e u i i e nã i e, danã aã aã a õie i aeýõ ðaça e õeý e eðeçenã eai e ðaeçi a

Í i oã Eöðü - «Nõai ü çiaò». Í ai a eç eò: o e o e i e a i a ðai ó e i e e a e o e a e ç a o e e. Eeanãay ai ðia a a aãaa iã, õiõ mç i a i eý ò ðayü e õiý - çai e a d iã a, i iã a e p a e e i e õ i ç i iã n e a. Í a i a nã i ý o i i danneçai i neü i, aiã: a o eý p uã

Á. Í i eý i e a d - «Øi ay-ðaç i e i e e». Í iã nõ u i i ða n i o a a e o a e a i a d iã a, a nã a Á ð a e a a i n e i e a i e i u, a i e o a a d i e e Ø ð i ç a (a e i e a a a i i a d a ç e a a i a a d iã e i i a i a o p u a a i).

È. Oa e e i ai - «Nãò n Á i n i e a». O e ð e i a i i e i o i i, ðe n õ p u a a nã u o e ý i a a a i a e a i e i u, a a d i e ç i nã a o n e e o n e a a o, a a e a i e a N i i õ i ð e a a i e ý i a i e e o i e d iã i i e a a a i ð a d e o i d e e, a d a e a o i a d iã a a a o u e o i a u o p a i ð iã a

Á. Í e a i e e e - «Í o a d e e a i a a d a i y». A a o i a e iã a o e: a i e a y i iã n õ u i i i a ç a u a a i u o a i ý o n o a i i a e a i e ý nã a o n e i e a e a n o e i a O e d a e iã Í o e a i e a i a e a i u e iã Í o a d e a, a a o u a a n n o d i e ð a e ý i iã e a e ç i e.

Ý. O a o i a i - «A i n a o a i i u a i a e e». E i e a i e i e e a e o e a e ç a o e e, i o i i, e a e e i i a a o n y n o a d i e e d a n o u y i n e e a u o, i n e o i e i a e ý nã a o a a i e e a

N. Í a d nã - Danneçai e i: a d e e. Í a d nã i i iã i e nã e i i õ i i u o e a i i n o e, a nã danneçai e i: a d e e - n o d a i e o u e n o i d e e e iã i n o d e a e ç a o e e n o d a i u.

Ý. Á i d a i i - Danneçai e i iã n o e. A a o i d, a u a o e e e d a n o u y i e i - e i e i i e n o, i i e n iã a a o a e ç i u n o a d i o a a d e i n e e o e i e i e e, danneçai a a o i e e a n iã e a i ð iã a a a d a iã i a i ð iã a ç a e i e o i ç i u e n o d i e.

Á. Á i a e i - «Á a e i d a n n e e o e a nã o». Danneçai ó: a n o i e e a i a d o e ç a i n e iã a a e a i e ý a Á a e i d a n n e e.

N. Á i a e i a d - «Í iã n o e». Á i a e i a d a i a d a u a a a e a a a d a e i e e e e e o a d a o o d i u e i a e o iã i a d a ç «: a e iã e a n õ e u i i ». Aã e ç a n o i u e õ i i a i «x a e iã e n õ e u i i » a i o a e a iã. 30-õ aã iã I i iã i e nã Á i a e i a d i a a d e i n e e o ò ð a y ü e õ i y - d a a i: e o e e d a n o u y i a o

Í. Á a i e a e u - «P e e n». Ð i i a i ð e: a i e a y i iã n õ u i e i i e nã dã P e e n O e i a e iã e:ã i d a n iã a o a e a Á e e a i n e iã ð a e i i a

È. Ð a e i - «Danneçai». Í oã: a n o a a i i a y a i e iã, a i ç a d a u a i e a a i e iã a e ç i u ý a e e o e d iã i i u o a ò u e a a d e i n e e o ò ð a e a i e e iã

Í. Á e u iã o i i - «O a o u». Á i i a a nã a aã u i a d a i e i ý o e e a o e e.

Á. Í ð e a iã - «Á d a e e». N o d i e o a e u n o a i i e i o e i u a aã u ð a e i i n o d e e e e i a d iã iã õ i ç y e n o aã

Í. Eöðü - «Eanã ay ð e o u». A a o i a e iã a o e: a i e e e õ i i a i e ç a e ç i e e a n i e e iã a d a e a d iã nã i i i u o d a a i: e o

Названные в списке поэтические произведения – известные читателю книги крупнейших еврейских советских поэтов и представителей молодого поколения еврейской поэзии, работающих в настоящее время. Для переиздания целесообразны однотомники О. Шварцмана, Д. Гофштейна, С. Галкина, Л. Квитко, А. Кушнирова, П. Маркиша и др. Они восстановят в памяти читателей идейно-творческий путь, пройденный еврейской поэзией за 30 с лишним лет советской власти.

Из сборников молодых поэтов предлагаются к переизданию те книги, которые выдержали испытание временем.

разоблачали как «безродных космополитов», или, согласно излюбленному выражению времен царского антисемитизма, «беспаспортников». Читателю были сообщены «скандальные» вещи: критик Холодов, оказывается, на самом деле носил фамилию Меерович, Мельников по паспорту был Мельманом, Ясный – Финкельштейном и т.д.

Но ни одно из этих периодических изданий не сообщало, что настоящее имя Эренбурга совсем не Илья, а Элиаш, что этот самый Элиаш всегда был истинным образцом «безродного космополита». Правда, автор «Оттепели» никогда не ошибался в том, куда дует ветер: он вернулся в Советскую Россию только в 1921 г., после Гражданской войны, и его просталинские убеждения крепили именно по мере того, как утверждалась власть Сталина. Сталин сделал из Эренбурга своего царедворца, увенчав его лаврами и приказав в то же время «физически ликвидировать» выдающегося писателя Исаака Бабеля.

«Культурный посол» Джугашвили Илья Эренбург первым выступил с объяснением неожиданного и полного исчезновения еврейской литературы в СССР: на его родине евреи, мол, чувствуют себя русскими и хотят учиться и читать только на русском языке. Но так как Эренбург как раз в то время боролся за мир на земле в отеле «Вальдорф-Астория» в Нью-Йорке, то у него не было времени убедить своих интервьюеров в том, что писатели, в течение одной ночи потерявшие всех своих читателей, вполне заслужили арест и бесследное исчезновение. Нет сомнения, что когда-нибудь станет известна точная роль Эренбурга в этом деле; по слухам, циркулировавшим в России, он несет за него большую ответственность.

12 àáàúñò à 1952 ã

В конце прошлого года московский генеральный прокурор вызвал родственников 26 еврейских писателей, арестованных в 1948 году, и сообщил им, что они не должны больше надеяться на возвращение своих отцов, мужей, сыновей и братьев: эти 26 человек, по его словам, «были расстреляны 12 августа 1952 года». Прокурор добавил, что то была достойная сожаления несправедливость и что убитые будут, вероятно, реабилитированы, если их семьи обратятся с соответствующим заявлением в органы советской юстиции.

Сорок других еврейских писателей, жертвы все той же акции, тоже не вернулись, ибо умерли «естественной» смертью в концентрационных лагерях на Колыме, в Воркуте и в Караганде... Но люди, привезенные в Москву для немедленной отправки на смерть, были лучшими поэтами, романистами, драматургами и очеркистами; они составляли так называемую элиту, которая определяет характер литературы и, возглавляя ее настоящее, обеспечивает ее будущее. Их коллеги, некоммунисты или оппозиционно настроенные люди, были ликвидированы гораздо раньше, во время великих чисток. Между тем большая часть этих 26-и расстрелянных – так же, как и их русские собратья по перу, подчинялась всем указаниям режима, восхваляла «величайшего человека всех времен и народов» и кричала «Смерть!», когда этого от нее ждали. Как и остальные, они предали своих друзей и братьев, предавали всякий раз, когда того требовала верность любимой партии; но им все равно пришлось умереть, потому что они не в состоянии были изменить своему языку и своей литературе.

Àáàúñò à í ó: áí è: áñò ãí

Уничтожив почти шесть миллионов евреев из Восточной Европы, Гитлер и его сообщники лишили жизни едва не всех читателей еврейской литературы; ликвидировав ее писателей, Сталин довершил акцию уничтожения. Это убийство не имеет прецедентов в истории мировой культуры, оно кажется беспримерным и тогда, когда речь идет о тысячелетиях еврейского мученичества.

Я ненавижу пышные некрологи, я подавляю трепет и гнев в своем голосе, повествующем о преступлениях палачей-лжецов, об их агентуре из среды интеллигенции, даже о страданиях их жертв.

Вы можете относиться безучастно к судьбе этой уничтоженной литературы. Вам не знакомы ее произведения, ее красота, ее величие, не знакомо то, что она сулила. Кроме того, в нашем веке часто умирают преждевременно. Зимняя спячка пресловутой мировой совести так глубока, что вопли горя не пробуждают ее, даже если власть имущие не подавляют их вовремя.

Среди 26-и расстрелянных находился Перец Маркиш, лучший еврейский поэт нашего поколения. Я познакомился с ним после революции в Вене и встретился снова в 1931 году в Москве. Он удивительно походил на тот вдохновенный образ, который рисует себе юноша, думая о большом поэте; я научился читать по-еврейски ради того, чтобы узнать его творчество.

είδησέε αούτ'αε «Εάεσα έεούοο» (1 4 çà 1958 á) è ιάδεαίηεε άεμ άι άό «Ιάδεçàð óαέòòðεòò» (1 20 çà 1958 á). Νίξαιί γόει άαίίύι, á 1953 άάó á ι έδά άιόίάεεί ίά δαçέε-ίύó γçύεάó 1036 ίάδείάε-άηεé ççáίέε άηάίçí ίάέίύó ίηέεòε-άηεé ίòóáίέίá δάηη-έòáίίύó ίά άάάάά Á 1956 άάó έίέε-άηóáι óáεé ççáίέé άίçúηέί άί 1144 Άαçáóύ, αούάέύ, αεάίάάέύήέé, άεμ άι άόé, ίάηεαάβύεά óáé ίάçíάάáι ύά «άάάέηέé ίòíáέáι ύ», άιόίάγò ίά ηέάάβύεé ίηί ίάίύó γçύεάó: ίά άίάέéηέί (348), άάάί άάάάέηέί (ίòέé ίóύάηóάáίί á Εçðáέéá), 384, ίά ηάάáι άίίί άάάέηέί γçύéá éáéó (168). Á Εçðáέéá άá άηίίάηóáβύéι γçύέί, ίòóααβύéι ηέίηέηóηéç çááίέίáβ, γάγύóηίγ άάάίάάάέηέéé, άιόίάγò 20 ίάδείάε-άηεé ççáίέé ίά γçύéá éáéó, á óίι ÷έηá ίάίά áεάίάáι άγ άçáóá ίά éáéóá Áηóύ ηòóáί ύ, άá éçááóηίγ ίί ίάέίέúéó áάάέηέéó αεάίάáι ύó άçáó. Óáé, ίάί όéι άç á Íύβ-Είóéá άιόίάγò αεάίάáι ύά άçáóύ - ηέίηέηóηéγ «Όίá», «ηέóαέéηóé-άηéγ» «Όίόάóóη» è ίòíááηέáίγ «Í ίóáι-óðáéóáéó». Δάάέóéγ éαεάίέ éç γóéó άçáó άιίόηéáó άίά è ééóάάóóδύά αούάέύ. Άάεá óáéγ ηòáηίάίγ á ηάáηóάó άçáóá, éáé έίι ί όέηηóé-άηéγ «Í ίóáι-óðáéóáéó», éçááó αούάé «Εάéσα έεούóó», άεμ άι άó «çáι έóίάι» è ηάóéάέύύé άεμ άι άó áéγ ίίγçé «Όάéί óééá ééάáó». Á Ιάδεάá óáéάá ηύάηóáβò óðé άίέúóéá αεάίάáι ύά άçáóύ ίά éáéóá ηέίηέηóηéγ «Όίçáð áηóó», άóίάáηéγ «Όίçáð óóéίá» è έίι ί όέηηóé-άηéγ «Í áéá ίóáηη». Όάάéóάóί, ÷óί ίά άóίόé ááίύ ίηéá ίóó-á 13 ί άγ 1959 á άάίέéάάó Νόηóάéύ ίóέóύé á Ιάδεάá á ÷έηá άóáéó άçáó è άçáóó ίά άάάέηέί γçύéá «Í ίι άίό» - ίί άηé áéáéι ηηóé, áéγ óίá, ÷óίáύ άάάίάáóύ ηάά ηòíóίίέéίά ίά óáé ίάçíάááι ίé «άάάέηέé óééóá». Άáçáóá γóá áύéá á ίòíááηέáίί Ιάδεάá ί-áίύ ίάίίέçγóíá, è γ ίά çíáβ, éçááóηίγ éé ίίá óáίάúí Íάη ίóóγ ίά ίάάέúóίá έίέé-áηóáη άάάάά άí Όóáίóéé, άá ίηέéòé-άηééá ίáí δάάéáίέγ άιίόηéçò ηάé ééóάάóóδύά αούάέύ ίά άάάέηέί γçύéá Íòíááηέáί ίá ááéάáί éá éçááó ίά éáéóá «Í áδεçáð óáéòòðεòò» è ίá óóáί óççéί γçύéá «Áίί άί éáéó». Άáη αεάίάáι ύά άάάέηέéá άçáóύ άιόίάγò á Εáίάáά άá - á Άóáί óéίá ίάίά - á Άóáçééé, ίάίá - á Όóáááá Á Άóáί óéίá á éηéç-éóáέύί όγáéáúó óηéάéγò δάáí óáó ίòíááηέáί ίá άάάέηέéá éçááóάέύηóáí «Όάéί éáίá». Υóί éçááóάέýηóáí çáηéóáééί óáéάί éá ÷éóáóáéé óáí, ÷óί ίί ίάάάίáéó ίá άάάέηέéé γçύéé óúηéç ηάáóηéç ίηέéòé-άηéç è óúáéáηóáίίç ééóάάóóó Νίξαιί ίάάάί éç Άóáί óéίύ ίηηóίέé è ίάί ááι έίέé: ίάάάάάί ύά ίá άάάέηέéé γçύéé áίέéá è çáéç-éóáέýύά ηέίáí Í.Ν. Όóóááá ίá XXI ηύçáá ΕΙΝΝ è ηάíóίéé «41 άá Νίááóηέé áéáηóé», áéç-áβύéé ίάάáά áίέéááá óίá Όóóááá ίá XX ηύçáá è ίòéççááίέγ óúηééó, á óáéάá áάάέηέéó ηάáóηééó ίéηóáéé. Á éçááóάέýηóáí «Όάéί éáίá» άίóéé ίá άάάέηέί γçύéá ηάáóηééé ó-ááίéé «Í ηέéòé-άηéγ ηέίίίέγ», έίέéé «Άóίόé óóίό» Á. Εδáί éίίá, «100 ίéééίίá ίá óáððíð è ηάíóáé» Á. Άύóéίηέá, óíι áίύ è ίíáηóé Á. Άεάάáá, Á. Í éááíá, Ó. Νáí óééίá, Á. Εáóééίηέé, Á. Í éééááé è áð Άóíηáóηίγ á áéçá, ÷óί éá-áηóáí ίάάáίá η óúηέáí γçύéá ίá άάάέηέéé áí áηóó γóéó έίέéáó ηηóáéγáó αεάáóύ éó-óáá. Á ηάéó ίéηύ áó á áάάáí Νίççá ίéηóáééé ΝΝΝΔ è ίóáééύύó ίéηóáééé, áάáί óéίηééá óίááéúé áçúáβò í ίίι ύé. É ηάéάίéç, ίá óίέúéí ίá ίéáçíááóηίγ ίééáéίé ίίι ύé, ίί áεάá ίóááóá ίá γóé ίéηύ á ίá ίíηéáίááéí.

Είόáíηéáίγ δάáíóá ίá άάάέηέί γçύéá áááóηίγ á ηòóáίáó ίáδράίέé ááí ίéðáóéé. Á Ιέúóá η ίáçíá-éóáέýύί άάάέηέé ίáηéáίéáι ίóéι áóίί á 50 óúηίγ-áéíáéé άιόίάγò αεάίάáίγ ίáύáηóáίί-ίηέéòé-άηéγ άçáóá η ééóάάóóδύύί ίóééίáéáί, ééóάάóóδύύί-óúáéáηóáίίúé αούάé è ίάδείάé-άηéίá éçáίéá Άάάέηέá éηóíóé-áηéίá éίηééóóá. Á Ιέúóá è á Δú ύίéé óóίέééίéðò άάάέηέéá éçááóάέýηóáá.

Άηéé áááéóóύ ί ίááηóáééáó á άάάέηέéó ίάδείάé-άηééó éçáίéγò ηòóáí ίáδράίέé ááí ίéðáóéé, óί ίηé ίá-áηίíγò δάéçéίηéηóηééé óááéóáóé è ίí ááááááί óίóéçáίéç (á óίι ÷έηá ίí ίóéçáίéç ηáí éó óéíááéóáééé γóéó éçáίéé) ίòéηóáéçò ίó óίá, ÷óί éçáίéγ γóé ééóáί ύ éáééίáá áéýίéý è ίίι ύé η ηòíóίύ ηάáóηέéé άάάέηέéé ééóάάóóó.

Á éáíéóáééηóé-άηééó ηòóáίáó ίηέéòé-άηééá óá-áίéý á άάάέηέéé ηάáá è éó ίάδείάé-άηééá éçáίéý áááó ί áεáó ηάéé ηηóç çááίέáé-áηéç áíóúá. Éáé ίóáééí, á éáεάίé ηòóáίá ίóáίéçááίύá á áéίύéé óóίό óáéééίίύá «άάάέηέéá ίáóéé» - ίó áóί áíááá άί ηέίηέηóίá - ίòíéáηóíγò ίòíááηέáίύί, έίι ί όέηηóé-άηééí, ίòíηάáóηééí ηéáí, éίóίóύá á ίáááίáι ίòíééί (áí 1948 ááá) ίáóíáééé á ηάéé ίáááίé áíóúá η óáééééé ηύάηóáίίç ίíáááééé è ίίι ύú á ίηέéòé-άηééé è ééóάáóóδύίé ίòíáááίá ίá άάάέηέéί γçύéá éηíáéáóáé éç Νίááóηέáí Νίççá. Άάάέηέéá ηάáóηééá άçáóύ, έίέéé è αούάέύ, ίóé áηó éι áβύéóηίγ á ίéó ίááíηóáééáó, áááééé óáí ίá ίáίá áíáóóúé è ááηύ á ίíéáçíúé ίáóáéáé áéý ίòíááηέáίé áγýóáéýύηóé ηάáéé óéðíééó ί áηí áάάέηέáí ίáηéáίéý çá óúáééí. çáí áóίçð óéúééááéé ίáááá-é ί ηέíáηέáí δάééí ίá άάάέηέéί γçύéá ίóéáí óéðíááίύá ίá ηòóáίύ áí áééáίηéáí éίíóéáίóá è Εçðáééú Ééáíá ηέíáí ηάáóηέééé άάάέηέéé ééóάáóóóú, ίá-áóé, δάééí ίòíáááίáéðράééí ηάáéé çáðúáééíύó ááááá ηάáóηéééé ίáδáç áéçéé, δáçíáéá-áéí áíóéηάáóηéç ééááóú Υóί ηέíáí ηίηάηóáíáééí áηéáίéç ηέίáóééé óóáýύééηίγ ááááá á çáðúáééíύó ηòóáί áó è Νίááóηέί ó Νίççá

Áíðíñé ĩ éééòà Ñàðññé:!

*Áííðíñí, çàððñíóóñá á çòíí ĩéññ á ĩ íá éáæóòññ áæéíñí è è áéóóáéññ ùí è. ĩðñóó
éçáéíéòú ĩ áñ çá òí, ÷òí ĩòíéí áð óÁññáðñí ç.*

Ñ äóóñéèí óáæáí éáí

A. ВЕРГЕЛИС

24 мая 1960 г. Москва, Ломоносовский проспект, дом 15, кв. 20.

Арон Вергелис.

ЦК КПСС

В письме в ЦК КПСС тов. Вергелис высказывает свои мысли по поводу развития еврейской культуры и литературы на еврейском языке. Автор письма вносит предложения об увеличении издания произведений еврейских авторов как на русском, так и на еврейском языках, издании в Москве газеты или альманаха на еврейском языке, а также возобновления радиовещания на еврейском языке.

В связи с письмом т. Вергелиса директор Гослитиздата т. Владыкин и директор издательства «Советский писатель» т. Лесючевский сообщили, что произведения еврейских писателей переводятся и издаются наряду с произведениями писателей других братских народов.

В 1958 – 1959 годах Гослитиздат выпустил 3 книги избранных произведений классиков еврейской литературы – Шолом-Алейхема, Менделе-Мойхер Сфорима и Ицхок-Лейбуш Переца тиражом в 30 тысяч экземпляров каждая. Половина тиражей этих книг была продана за границей. Издание произведений еврейских писателей имело большое политическое значение и нашло отклик за рубежом, опровергнув антисоветские клеветнические слухи по поводу якобы имеющих в СССР гонениях на еврейских писателей.

Считаем возможным поручить Гослитиздату подготовить и издать до конца 1960 года еще две книги еврейских писателей. Такими могли бы быть: сборник произведений Д. Бергельсона объемом 20-25 авторских листов и сборник стихов О. Шварцмана объемом 3 авторских листа.

Для характеристики сообщаем краткие сведения о рекомендованных к изданию еврейских писателях: Давид Бергельсон (1884 – 1952 гг.) – крупный еврейский писатель, возглавивший после смерти Шолом-Алейхема реалистическую школу в еврейской прозе. В сборник повестей и рассказов Бергельсона могут быть включены несколько произведений дореволюционного периода, правдиво рисующие жизнь еврейских масс в условиях царского самодержавия, и лучшее, что было создано писателем в годы борьбы за построение социализма в нашей стране и в период Отечественной войны. (Из сборников «В бурные дни», «Мера строгости», «Биробиджанские мотивы» и др.).

Ошер Шварцман (1889 – 1919 гг.) – один из основоположников советской еврейской поэзии, боец-щорсовец, погибший в боях Гражданской войны. В его творчестве впервые в еврейской поэзии прозвучали призывы к защите социалистического Отечества, красноармейские мотивы. Небольшой по объему сборник стихов Шварцмана представляет интерес для современного читателя.

Что касается предложений т. Вергелиса об издании газеты или альманаха на еврейском языке, а также радиовещания на еврейском языке, то принимать эти предложения считаем нецелесообразным.

Просим указаний.

Çáá ĩòááéñí ĩðñíáññí áñ è áæóóáéè ÖÊ ÊĬ ÑÑ ĩ ĩ ðñçí ùí ðáññóáééçáí Ê. ÊËÛË ×ÁÁ

Çáá ĩòááéñí éóéñóóú ÖÊ ÊĬ ÑÑ. Ĭ Ĭ ÊÊ ÊÁ ðĬ Ĭ Á

РАЗГАДКА ЧУДА

Аאי זאעןען נאך פא

Предыдущий отрывок я закончил обещанием объяснить, по какой причине «Дело Мандельштама» закончилось не по графарету.

Выполняя сейчас это свое обещание, я далек от мысли, что мое объяснение является единственно возможным. Просто хочу предложить свою версию разгадки этого чуда.

Я думаю, что ключевой репликой в том разговоре Сталина с Пастернаком был настойчивый вопрос Сталина:

– Но он мастер? Мастер?

И ответ Пастернака:

– Да не в этом дело.

Вот предположение, которое кажется мне наиболее вероятным.

Сталин хотел получить от Пастернака квалифицированное заключение о реальной ценности поэта Осипа Мандельштама. Он хотел узнать, как котируется Мандельштам на поэтической бирже, как ценится он в своей профессиональной среде.

Именно в этом, на первый взгляд, странном и необъяснимом интересе я вижу разгадку так называемого чуда.

Сталин всю жизнь испытывал суеверное уважение к поэзии и поэтам.

Мандельштам это остро чувствовал. Недаром он говорил жене:

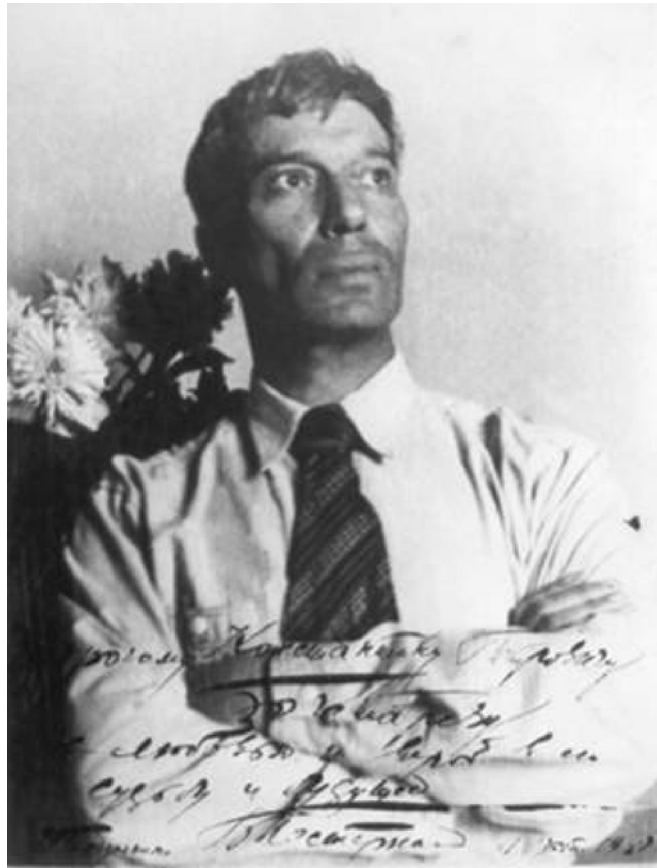
– Чего ты жалуешься, поэзию уважают только у нас. За нее убивают. Только у нас. Больше нигде...

Уважение Сталина к поэтам проявлялось не только в том, что поэтов убивали.

Сталин прекрасно понимал, что мнение о нем потомков во многом будет зависеть от того, что о нем напишут поэты. Разумеется, не всякие, а те, стихам которых суждена долгая жизнь.

Узнав, что Мандельштам считается крупным поэтом, он решил до поры до времени его не убивать. Он понимал, что убийством поэта действие стихов не остановишь. Стихи уже существовали, распространялись в списках, передавались изустно.

Убить поэта – это пустяки. Это самое простое. Сталин был умнее. Он хотел добиться большего. Он хотел заставить Мандельштама написать другие стихи. Стихи, возвеличивающие Сталина.

Α.Ε. Ίαννάδης: «Βίεβάνά ίά αύε άπνσάδί:ίί μάσνέεί :άετάνεί...»

Разумеется, это всего лишь гипотеза. Но возникла она не на пустом месте. Вот свидетельство хорошо информированного современника:

«Άτάνεεε ί ίά :οί ίίγν ύ “Όίθσί” ε “Άεάνεί εδ Έάεί” ί:άύ ύ ίίί δάεεεήν ίάάάδó ε :οί αύεί ί δάύ ίετάεάεά :οί Άεάνεί εδ Άεάνεί εδτáε: άάάδ ίεήνύ δάεεά άά ί ίδάεεύ ε άάάί ίί ó δίγείά Υότδ ί δεάί αύε ί δείγδ ίά Άπνσέα, ίπάάί ί ί δε άά δά ί άδνεάπεεδ σάδία, ετάνά ί δεάά δί ύά ίίγνύ άρεάίύ αύεε άπάάάδύ εδ άπνσείπδάά ά ί δάάάεε:άί ί ί δάάεάί ύδ πετάνδ, - ί ί ίίπá γοεδ ίίγνύ ί άετάνείά ίάπνάεί.

Άίδεν Έάίεάτáε: πεάεε ί ίά :οί ίάι άεάί ε άί ó αύεί ί δάύετáεάί ί άγνύ ύά πάγύ γοδ δίεύ ί ί ί ί δεσάε ίδ γοίπá ά άεάπ ε όί ίεγέ ίά δάππ:εδύάάδύ ίά ίάά, ε π:άπδύπ, ίεάάεεδ ί άδ ί δί δεά ίάπ ίά αύεί ί δείγδ. Έάεάγ:οί πάάάά άά δδάί εεά».

(Έάά Άίθσί ά Άίάάί εε. 3 ίεδύάγύ 1936 ά Ά εί.:)

Άίπνί είάεγύ ί Άίδενά Ίάννάδης άά ί. 1993 Ν. 80)

Если Сталин прямо намекал, что хочет быть воспет Пастернаком, почему у него не могло быть таких же намерений и в отношении Мандельштама?

Но тут возникает такой вопрос. Почему ему было важно, чтобы его воспевали именно Пастернак и Мандельштам? В конце концов, не все ли равно – кто? В поэтах не было недостатка.

Кажется, ведь это он сам сформулировал известный лозунг: «У нас незаменимых нет».

В отличие от своих учеников и последователей Сталин был не настолько наивен, чтобы надеяться на то, что великими поэтами в будущем будут считаться те, кого он сегодня назначит на эту должность. Когда Поликарпов, назначенный секретарем Союза писателей, донес Сталину о безобразиях, творящихся во вверенном ему ведомстве, Сталин ответил: «В настоящий момент, т. Поликарпов, мы не

*«Γὲ ἀεὺ εἶναι τὰ πικρὰ, ὡς Ἀ.Ι. Ὀρενιώτῃ – γοῖ τὰ εὐοὶ εἶτε, εἰς αὐτὰρ εἰς Ἀλεξάνδρῃ
Γεετῆραεε- Ὀρενιώτῃ...» Εἰ ἀεὶ εἰς ἰνδῆαεἰ, ὡς ἰτε εἰ ἀπὸ ἁ τῆται δαμῖτῶαεἰ εἰς αὐτὰρ
ἀδῶα*

(Эстетические идеалы правителей сталинского государства я сравниваю с эстетическими идеалами Паниковского не ради красного словца. Молотов с упоением говорил в какой-то своей речи: «Ни для кого не секрет, что А.Н. Толстой – это не кто иной, как бывший граф Алексей Николаевич Толстой...» Им ужасно импонировало, что они имеют в своем распоряжении бывшего графа. Это графство в сочетании со знаменитой фамилией давало им иллюзию, что Толстой у них настоящий, и сами они настоящие.)

Свидетельство Пастернака подтвердило Сталину, что Мандельштам – настоящий.

Впрочем, это, наверно, было известно ему и раньше. До ареста Мандельштам получал совнаркомовскую пенсию в двести рублей. Получению пенсии способствовал Молотов. Она была дана, как пишет Н.Я. Мандельштам, «за заслуги в русской литературе при невозможности использовать в литературе советской».

Если вдуматься, уже сама эта формулировка представляет собой еле заметную трещину в монолите революционной ортодоксальности. Выходит, будучи справедливо отторгнутым советской литературой (самой передовой литературой мира и т.д.), можно в то же время представлять собой некую ценность, так сказать, по гамбургскому счету.

Эта двойная бухгалтерия, это инстинктивное уважение к гамбургскому счету было в высшей степени характерно для Сталина.

Ленин ощущал себя скорее создателем нового гамбургского счета, более истинного, нежели все, существовавшие когда-либо прежде. Он был родоначальником великой переоценки всех ценностей, создателем новой, естественно, самой совершенной, системы отсчета. Ломая и взрывая все общепринятое, он мог позволить себе презрительную гримасу по отношению к любому авторитету.

***

Мандельштам понял намерения Сталина. (А может быть, ему намекнули, помогли их понять.) Так или иначе, он оказался заложником этих сталинских планов, этих невысказанных, но достаточно понятных сталинских намерений. Доведенный до отчаяния, загнанный в угол, он решил попробовать спасти жизнь ценой нескольких вымученных строк. Он решил написать ожидаемую от него «оду Сталину».

Вот как вспоминает об этом вдова поэта.

«Ὁ τίς ἀ ἀϊτδοιέοείτε εἰς ἰαοά ποίηε εἰσαδοιύε ἰααῖα ἰύε ποίε, πῶσε εἰσεε ἀεῦ ἀνῖα ἰὰ πῖοά Ἰ. Ἰ. ἰδσεῖα ἀνῖα γᾶεῖαῖε ποίεῖν εἰ δαρεῖαεε εἰσαῖαεε εἰ σοῖ ἀν Ἀεῦ ἰαῖ γοῖ αῦεῖ ἰαῖαῦ-ἰῦῖ ἰῖποοῖεῖν - ἀνῖα ποεεε ἰῖ π-εῖγῖ π ἄεῖνῖα εἰ ἀ σοῖ ἀν ἰσεῖαεῖγῖ οἰεῖεῖ ἀ πῖα ἰῖ εἰῖοᾶ δαῖοῦ. Εἰσεῖα ὄοδῖ ἰῖ πᾶεεῖγῖ γὰ ποίε εἰ ἀδαε ἀ δσεε εἰσαῖαεε: ἰεῖποᾶεῦ εἰε ἰεῖποᾶεῦ! ἰὰ ἰδοῖαεεῖ εἰ ἰεε-αῖα, εἰε ἰῖ ἀπεεεῖαε εἰ ἰα-εῖαε ἰδρεεῖαοῦ πῖαῖ γὰ ἰοῖποῖοᾶεῖ ἰ ἀποᾶποᾶα: «Ἄπο Ἀνῖα - ἰ ἀποᾶδ! Ἰῖ αῦ ἰὰ γᾶοῖ αεῖγῖ εἰ πᾶο ἰαῖεῖαε!..» Ἰῖ ἰῖ οεᾶ ἰαῖεεεῖ ἰαῖ πῖα εἰ πᾶε οῖῖοῖ ἰὰ οῖαεεῖαῖ».

(Ἰ ἀῖαεῖα Ἰ ἀῖαεῖαοᾶι. Ἀῖπῖ ἰεῖαῖεῖ)

Ἰ.Ἰ. Ἀνῖα «Ἄπο Ἀνῖα - ἰ ἀποᾶδ! Ἰῖ αῦ ἰὰ γᾶοῖ αεῖγῖ εἰ πᾶο ἰαῖεῖαε!..»

В конце концов «попытка насилия над собой» все-таки удалась.

В результате явилась на свет долгожданная «Ода», завершающаяся такой торжественной кодой:

Ἐ οᾶποεεδαοῖ ἰ ῖ ἄ πῖ αῖ ἰῖ ἀῖαῖαῖ -

Ἰεῖποᾶεῦ ἰ ἀεῖα ἰύε οῖαῖα, ἀῖοῖαῖ εἰ αῖοῖαῖ,

Ἀῖ ἰαῖ ἰύε ἰοῖοῖ-ἰαῖα οᾶεῖα

È éáí éí ñéé Î éòÿáðü - áí áüíí éí áí í í é ééÿò áí.

Í ðááééáé í ðááü í áò, ÷ áí éñéðáí í ñòü áí éòá

Áéÿ ÷ áñò è è þááé, áéÿ áí çáóüá è ñò áéé

Áñòü èí ÿ ñéááí í á áéÿ ñééüü úó ááá ÷ ò áüá

Áá í ú ñéü é áéé, è í ú áá çáñò áéé.

Казалось бы, расчет Сталина полностью оправдался. Стихи были написаны. Теперь Мандельштама можно было убить. (Что и было сделано.)

Но Сталин ошибся.

Мандельштам не был мастером. Он был поэтом. Он написал стихи, возвеличивающие Сталина. И тем не менее план Сталина потерпел полный крах. Потому что такие стихи мог написать Лебедев-Кумач. Или Долматовский. Или Ошанин. Кто угодно! Чтобы написать такие стихи, не надо было быть Мандельштамом. Чтобы получить такие стихи, не стоило вести всю эту сложную игру.

Справедливости ради следует отметить, что Лебедев-Кумач или Долматовский бесхитростно срифмовали бы «стали» и «Сталин». Мандельштам, инстинктивно озабоченный соображениями элементарного вкуса, обманул привычные ожидания читателей последней, чуть менее банальной, строкой: «Его мы слышали, и мы его застали...» Явно превышают возможности Долматовского, Ошанина и Лебедева-Кумача слова: «Для сильных губ тчеца». Но – «Есть имя славное» – это уже чистый, беспримесный, стопроцентный Лебедев-Кумач.

Все-таки зря Сталин отказался встретиться с Пастернаком и поговорить с ним «о жизни и смерти».

Хотя – он бы все равно ничего не понял. Не мог он понять, что означает досадливая фраза Пастернака: «Да не в этом дело», сказанная в ответ на простой и ясный вопрос: «Но он же мастер? Мастер?»

Конечно, Сталин не без основания считал себя крупнейшим специалистом по вопросам «жизни и смерти». Он знал, что сломать можно любого человека, даже самого сильного. А Мандельштам вовсе не принадлежал к числу самых сильных.

Но Сталин не знал, что сломать человека – это еще не значит сломать поэта.

Он не знал, что поэта легче убить, чем заставить его воспеть то, что ему враждебно.

***

Мандельштам не был мастером, он был поэтом. Если это не риторическая фигура, надо попытаться понять, что конкретно она означает.

Мандельштам ткал свою поэтическую ткань не из слов. Этого он не умел. Его стихи были сотканы совсем из другого материала.

Невольная свидетельница рождения едва ли не всех его стихов (невольная, потому что у Мандельштама никогда не было не то что «кабинета», но даже кухоньки, каморки, где он мог бы уединиться) Н.Я. Мандельштам свидетельствует:

«Ñòééè í á: éí áþòñÿ ðáé: á óááð çáó: èò í áçíééé ááÿ, ñ á: áéá í áí òí ðí é áí í áÿ, á í í òí ðí òí: í áÿ, í í áüá ááñíéí ááñí áÿ í óçí é áéüü áÿ ó ðáçá. Í í á í á ðáç í ðéðí áééííñí áéááóü é áé Í.Í. í úò ááóñÿ é çáááé òüñÿ í ò í í áü áéé, ñò ðÿñí óóü áá óéðé. Í í í í ðáé áñéí áí é, ñéí áí í áá í í áéí í áñí é áñí óóü é áé é áí í þ áñáü, í í í ááóþ á óñí áñ á ðáí ÿ é óí áí éÿ. Í í í é: òí í á çáéóó áéí áá - í é óáí, í é ðááéí, í é ðáçá áñóü á òí é áé éí í á áòá..»

Это не просто заметки ремесленника, решившего поделиться производственными секретами. Это именно попытка проникнуть в самые глубины психологии художественного творчества. И что же увидели мы вместе с Асеевым в этих глубинах? Мы увидели, что звуковой образ, сближение слов, случайно, по созвучию, сцепившихся друг с другом, у Асеева предшествует смыслу.

Это пока еще подчеркивает не различие, а сходство творческого процесса у Асеева и у Мандельштама. Различие – в другом. На том, как велика роль случайности в процессе художественного творчества, однажды сосредоточил свое внимание Л.Н. Толстой:

«Аои ааа н адорайиуи деириэи ласеануи ии ауеа ем-а-еайа е чаеайаа нонадеири. Ии аиа-оаеэ аге деириэе, ииеласеэ е ниаа ла ноте е, лонаеэеаеени е идеуодеаеени, нонае н лодауи ла лаа. Аадваии оуайи оени е даиниоии аци аоисе деаи е.

- Оае, оае! - идратидеэ ии е оло-ан аеа ага еадайаае, ла-ае ауноди демаауи Ийоии нонадеи ла аааеи - аеласеэ илап иица

Ии демаае юо илап иица е аадва ай о ауириееини н ауааруеи нн илаидиэеи яиде-аеиэа ееои еои оа, о еиоидиан ии аадэ нэанду, е ии юои нии ла ееои, юоид илаидиэеи ладемаае - аеласеэ Ии сам агеи н лодаинде. Оеанду аадва еч и адоате, аиаои аииэе нонае аеаае е оаеае, еиоидиэе ласиу аеа ауеи еци аиеоуи Оеанду юа аеэа е ауеа нии е лани лали н дииаеаа. И ласи ауеи ии днае оуи деириэе ниладаци н одаи ааиэеи е юоие оеанду, и ласи е ааеа аиэеи ауеи ела-а даиниоае оуи илаэ, нанаи ладэ аиеоуи ииеласеэа еаиэе деэе, лосеэи оуи аиени. Ии, ааеае юе ии днаеэе, ии ла еци аге оеанду, а оиэеи лосеэаи аае ои, - ои нэди ааеи оеанду. Ии еае ау нии ае нии аа оа ии днаи, еч-ча еи оидиоу ии ла ла ани ауеа аеаи а; еаеаае илау - адоа оиэеи аиэеа ауеа аи ааеа аи оеанду аи ани аа яиде-аеиэе нэа, оаеи, еаеи ии ла яаеэаии ай о аадва лод и диечааи ила нонадеири ийоиа».

(Л. Н. Толстой. Аи ла Еадайеи а).

Может показаться, что это описание творческого процесса в принципе совпадает с асеевским: ту роль, какую у толстовского художника Михайлова сыграло пятно стеарина, случайно попавшее на рисунок, у Асеева выполнило случайное созвучие имен. Может показаться, что вся разница лишь в том, что Асеев, в отличие от Толстого, бесконечно огрубляет сложный и тонкий процесс, омертвляет живое.

Однако тут есть и другое различие, неизмеримо более существенное. Толстой недаром говорит о возникшей случайно фигуре, что она вдруг «стала живая и такая, которой нельзя уже было изменить». Ее нельзя было изменить, потому что она как бы существовала до того, как была нарисована. Процесс творчества состоял, как говорит Н.Я., «в напряженном улавливании и проявлении уже существующего» образа. Пятно стеарина, случайно оказавшееся на рисунке, помогло художнику вытащить этот образ из себя, из глубин своего сознания. Сложность задачи в том и состояла, что надо было вытащить его не повредив.

У Асеева все было иначе. Мысль, что ткачиха Анна Куликова выше Анны Карениной и пушкинской Донны Анны, была «вытащена» поэтом отнюдь не из глубин собственного сознания. Идеи такого рода тогда носились в воздухе. Конечно, Асееву эта мысль была не чужая. В какой-то степени она отражала уровень его представлений о жизни. Но – не более.

Образ, родившийся из созвучия имен, помог «оформить», то есть проиллюстрировать эту нехитрую мысль.

Точно так же обстояло бы дело, если бы Асеев, очутившись в положении Мандельштама, решил написать стихи, прославляющие Сталина. Сталин – гений. Это было для него аксиомой. Задача состояла бы в том, чтобы «оформить» эту аксиому с максимальной «художественностью», то есть не банально, стремясь к «максимальной яркости и незановенности речи», к максимальной остроте и выразительности словесного и образного построения.

Нет, он бы не кривил душой. Он был бы даже по-своему искренен. Но эта искренность не была бы результатом полного, абсолютного самообнажения.

Асеев, пользуясь термином Мандельштама, был «переводчиком готового смысла». Разница между Мандельштамом и Асеевым была не в том, что они по-разному относились к Сталину и к советской

действительности. Разница была в том, что Асеев умел писать стихи, не самообнажаясь, не вытаскивая на поверхность, не выявляя в стихе весь запас своих подспудных, тайных впечатлений, идущих из подсознания, из самих глубин личности.

А Мандельштам этого не умел. Попытаться написать стихи, прославляющие Сталина, – это значило для него прежде всего найти где-то на самом дне своей души хоть какую-то точку опоры для этого чувства.

Не случайно, фиксируя процесс создания «Оды», Н. Я. Мандельштам всячески подчеркивает искусственность этого акта, выразившуюся в совсем не свойственном Мандельштаму стремлении сочинять за столом, с карандашом в руке («...писатель как писатель!»).

Впрочем, по ее же свидетельству, долго усидеть за столом Мандельштаму не удалось:

«Íá ïðñíáëëí è ïíëó-áñí, éáë ïí áñëáëëáë è íá-ëíáë ïðíëëéíáóó ïñáÿ çà ïòñòñòáëá ï áñòáñòáá: “Áíò Áñíá - ï áñòáð!..”

... Ííòñí, áíçáííí ðñííëéáóëñí, éíæëëñÿ ïá èðñáòóç ïðñíëë ÷áð, ïñíáá ïíáíëí æëñÿ, ÷áðç ðíððí-éó éíðí èë ïáðáðñí ïñíáííëíáí ááíðñíáí ïñá - ÷òíáóí áíáðáóóñÿ áí ðíððí-ëë, ïááí áñíëí æëçóóííá ïñíë ïáëëóðáðíí ðáçéíæáíííë áóí áñíë è èáðáí ááóáí è, - ïñíáá ðáñíáæëáë áçáá è áíáðáá ïí éñí ïáðá è, ïðñííëáóëñí, íá-ëíáë áñðí ïáðáóó Ýòí çíá-èð, ÷òí ïí íá ïñí æ çááóëðóó ïñáñòááííá ïá ïëëë è, áñðááóëñí, ïí è ïíááëëë ðñáðóð íá-ëñóó».

(Í áááëüáá Ì áíááëüóòáí. Áñíííí éíáíëÿ)

В многочисленных суждениях о мандельштамовской «Оде» Сталину (сейчас их собралось уже столько, что при желании из них можно было бы составить целый том) мнение о ней Надежды Яковлевны, как правило, оспаривается. Или – вообще не принимается во внимание. А уж над этим ее доводом умудренные эрудицией исследователи просто глумятся:

«Áóñðá íáó-ííá áñðáæáíëá: Ì áíááëüóòáí ááëñòáëóáëñíí íëñáë ðáëéó Ñóáëéíó ïí ááëáë ÿòí ïðéíæááííí, èñëñíòááííí, íáñëéóÿ ïñáÿ. (Íáíëí èç ïðçíáëéíá èñëñíòááíííðë, “çáááíííðë” “Íáó” ÷áñòí ïñ-ëðááóóñÿ ðí, ÷òí Ì áíááëüóòáí, á ïðñóëáñííëíæáíííðóó ïñíëí ïðëáñ-ëáí, ïñ-ëíÿë áá íá “íá ïñóó”, á çá ðááí-ëí ïñíëíí - “íðñíòí Õááëí éáëíë-ðí!” Ì áÿëíáñëë ðíæá íáíáæáóó á æëçíë çáñíë ïá ï áñÿó ïñ-ëíÿóó ïá “íá ðñáó”, á áçáíáððë - ïñáíáí èë ï ïò ÿòíáí ïñ-ëðáóó ááí ïñÿí ó “Íðí ÿòí” èñëñíòááíííë è íáëíëðáííáë?) Ñííðëóóñ ïñóëí ïñíëíáíëáí ÿ íá áóáó, ïñòñí ó ÷òí ïñíðëóó ïðëóëííí áó ïñ-ðë èññëð-ëðáëñííí ï Ì.Á. Ì áíááëüóòáí, á íá ÿòí ÿ íá èí áð ïðááñòááíííá ïðááá Ì.Á. ïñááðóëéá ïíááëá ïíá èí áëá áñçá íáëíííðóó ðñóó è íáíáááëéíóð, ïðñíòí ðíë-ðíæëóó “Íáó”, ïí áñíðáëë ÷áëëí è ïñáñòááíííí æáááíëÿñí ïñðáíëéá áá æÿ íáñ.. Ýòíáí áñíòáðí-íí».

(Ì.Ë. Ááñíáðñá Ì. Ì áíááëüóòáí.

Áðáæááííëáÿ èëðëéá 1937 áíáá

Ì., 1996. Ñ. 88, 89)

Ἰ. Ἐ. Ἀπὸ ἀδῆ «Νοεθε ἀαῖοιῦ ἰὰ ἰὰ οἰοθεά ἐ ἰεῖθεά, ἂ ἰὰ οἶ ἐῖοῖθῆ ἰ δαῖοιῦ ἰαὶ ἐ ἐῖοῖθῆ ἰ δαῖοιῦ ἐῖ ἰ οἶ ἀδῆ ἰ ο».

В общем, высказав когда-то свое нелицеприятное мнение о мандельштамовской «Оде» (признаюсь: представлявшееся мне неопровержимым и ясным, «как простая гамма»), я оказался в полном одиночестве. Одни исследователи (Л. Кацис, П. Нерлер) пытались доказать, что на самом деле «Ода» написана эзоповым языком, скрывающим истинное – сугубо отрицательное – отношение поэта к Сталину. Другие исходили из уверенности, что намерение воспеть вождя было у Мандельштама искренним и в полной мере ему удалось. Версия о попытке насилия над собой безоговорочно осуждалась как вульгарная, упрощенческая и очевидно несправедливая.

В комментариях к первому тому двухтомника 1990 года это утверждалось как некая аксиома, общепринятая, всеми признанная и неопровержимая:

«Νοῦαῖο ἀαῖο οἰοῖθῆ ἰαὶ δαῖοιῦ ἀδῆ ἀαῖο ἰὰ «Ἰάο» ἐαῖ ἰὰ ἀῖοαεῖα ἡαῖο ἐ ἀαῖ ἰῖοα ἐ ἰῖοαῖ ἐῖ «ἰῖοε-αῖε ἰ δαῖοῦ» (ἡ. ἰαῖδ: Ἠαῖ ἰα Ἀ. ῖαῖεῖ ἐ ἀ-ἰῖο ἐ [Ἠε-αῖ Ἰ αῖ ἀαῖο αῖ]».

(Ἰ ηῖ Ἰ αῖ ἀαῖο αῖ. Ἠῖ-εῖαῖεῖ. Οῖ ἰ αῖαῖ. Ἰ., 1990. Ἡ. 587)

Такое мнение литературоведов (стихovedов) ни в малой степени меня не удивляет. Стиховеды ведь не очень-то умеют отличать хорошие стихи от плохих, настоящие от поддельных. Собственно, они даже убеждены, что им и не надо их различать, что это умение не только не входит в состав профессии литературоведа, но даже ей, этой профессии, принципиально противопоказано.

Вот что говорит по этому поводу один из самых блестящих представителей отечественного литературоведения – Г.О. Винокур:

«Ὀ ἰαῖ ἀαῖαῖαῖ ἰοαῖο ἰῖοαῖ «εῖοεεε» ἐ «ἰαεε». Ἰὰ ἡαῖ ἰ ἀαῖ ἰαεῖο εῖοεεῖ ἰοεῖαῖαῖ εῖοῖοαῖ ἐ ο-αῖαῖ, εῖοαῖαῖ αῖ, οαῖα αῖ ἡοῖοαῖαῖ εῖαῖ ἡοῖοαῖαῖ ἰ αεῖο ἀαῖοαῖ, ἡοῖοαῖαῖ αεῖο εῖ οαῖοῖα ἐ ο-αῖαῖ αῖοαῖεῖ. Ἰ αῖαῖα - εῖοεε ἐ ἀαῖοαῖ - ἰοαῖαῖο ἰοαῖ αῖ ἰ οῖ-εε οαῖεῖ ἡαῖαῖ εῖ ἰαῖαῖοεῖοῖε ἡοῖοεεε, ἀοῖοαῖ - εῖοῖοαῖαῖ ἐ αῖοαῖεῖ - οῖοῖο εῖοῖοῖοαῖ - οῖ ῖα ἰοαῖ αῖ ἰε ἰαῖαῖο, ἰὰ εῖαῖα ἡαῖ αῖ οῖ ἰῖ

Δαεί αὐτὸ Ἰ ἀδελφὲ Δεεὺκῆ: «Ἰ δρεχάται ἐὰ ἐνεσύνῳ ἀὰ οἰδῖσι, εἰσὶν ἀντὶ τῆς ἰ ἀνὰ οἰαὲι ἰ πῶιφ. Ἀ ἰ δὲ οἰαὲ ἀὰ ἰ δὲ ἐμῶτα ἀὰ ἐγ - ἰ ἀε ἀὰ ἐὰ ἰ ἰ ἀι : ἰ ἀὸ ἀδὴ ἀ».

Я не знаю более ясного определения границы, пролегающей между подлинным произведением искусства и подделкой. (Пушкин не зря говорил, что поэтическая слава его не померкнет, «пока в подлунном мире жив будет хоть один пиит».)

Гаспаровское сопоставление вымученного ахматовского цикла «Слава миру» с «Реквиемом», уравнивающее эти стихи «по качеству», меня шокировало, помимо всего прочего, вероятно, еще и потому, что различная «природа происхождения» этих двух циклов достаточно хорошо известна.

Но если бы даже она и не была нам известна (из биографии поэта), разную их природу мы все равно не могли бы не ощутить.

Сравним только два четверостишия: одно из первого, другое из второго цикла.

Ἐ ἀεῶν ἀαδὶ ἰ ἀ ἰ ἀδῖα

Ἰ ἰ πῶιφ ἐὸ ἀεῖτῖ «Ἰ ἰ ἰ δὲ οἰεὲ

Νεαχὰ οἰε ἀὰ Νο ἀεῖτ, οἰ ἀι πῶιφ ἀὰ,

Ἰ ἐδ ἐ ἀεῖε: ἐὰ χῶι ἐε!»

Это – из цикла «Слава миру». А вот – из «Реквиема»:

Ὅ ἰ ἀι γῖ πῶιφ ἀι γῖ ἰ ἰ ἀ ἀεῖα:

Ἰ ἀὰ ἰ ἀι γῶι ἀι ἐτῖ οἰ ἀ ἀεῖ οἰ

Í ááí, ÷òíá äóòà íèàí áíáèà

Í ááí ñí íáà í áó: èòüüÿ æèòü

Второе четверостишие разительно отличается от первого отчетливо выраженным в нем внутренним жестом.

Но столь же отчетлив «внутренний жест» (другой, совсем другой!), произвольно зафиксированный поэтом в первом четверостишии.

В «Капитанской дочке» (незабываемая сцена!) Гринева, которого только что чуть не вздернули на виселицу, подтаскивают к Пугачеву, ставят перед ним на колени и подсказывают: «Целуй руку, целуй...» А верный Савельич, стоя у него за спиной, толкает его и шепчет: «Батюшка Петр Андреич! Не упрямясь! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Гринева, как мы помним, не внял этому совету, признавшись, что «предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению».

А Анна Андреевна поступила именно так, как советовал Гринева Савельич.

Она приложила губами к руке палача. Но губы ее были холодны, как у мертвеца. И именно вот эта холодность, бесчувственность, окаменелость души и составляют «внутренний жест» процитированного четверостишия. Чего, кстати, сама Ахматова даже и не скрывает: слова, сказанные ею о Сталине, на самом деле ведь произносит не она, а некий безликий хор абстрактного «благодарного народа».

***

Нет, неумение стиховедов отличать хорошие стихи от плохих не должно нас удивлять. Поэтому меня и не удивили суждения о мандельштамовской «Оде» М.Л.Гаспарова и Ю.М. Лотмана.

Удивили суждения поэтов.

Удивил ответ Иосифа Бродского на вопрос анкеты Мандельштамовского общества:

«Áíí ðüÿ Èæè Áü íòííèòáííé í áíáíèüòòàí íáíèíé “Í áá”?»

Í ðáò: Èæè é íáííí óèç ááí èó: øèð ñèèðíòáíðáí èè».

(Ííòðáí é í íþ ðá:ü çáíèíèè Í áíáíèüòòàí íáíèíáí

íáíáíòáá Í., 2000. Ñ. 64)

В меньшей мере – но тоже удивил Александр Кушнер:

«... Мандельштаму в 1937-м уже никто помочь не мог... Нужны были стихи о вожде, которые с лихвой перекрыли бы предыдущие.

Таков повод, толчок. Стихи написаны по необходимости. И все же. Читая их, невозможно отделаться от мысли, что здесь не просто демонстрация мастерства и умения, хотя Мандельштам “умел” писать стихи и некоторые его вещи оставляют впечатление даже излишней виртуозности, когда стиховая изощренность загоняет мысль в угол и убивает чувство (“К немецкой речи”, например).

Здесь – другое. Мандельштам увлекся – и увлекло его не только стремление спасти свою жизнь. Иначе он написал бы что-нибудь доступное пониманию Сталина, считавшего “Девушку и смерть” выше “Фауста” Гете».

(«Íííðíáèèòòàí áíÿ íò áíèà íòíðáòü...»

Á éí.: Áèáèíáí äð Èóóíáð Áííèèíí áíí ááí È., 1991. Ñ. 243)

Царевны образ начертать”. И дальше: “И духа чувства возвышенны, и разума ее дела – Фелица, ангел воплощенный! В твоей картине бы жила”. Я потому привожу здесь эти державинские строки, что через полтора столетия примерно так же, обращаясь за помощью к художнику (“Когда б я уголь взял для высшей похвалы, Для радости рисунка непреложной... Художник, береги и охраняй бойца: В рост окружи его сырым и синим бором Вниманья влажного. Не огорчить отца Недобрым образом иль мыслей недобором, Художник, помоги тому, кто весь с тобой” и т.д.), пробовал умиловитить вождя в сталинской оде Мандельштам – и переключка его с Державиным очевидна! (Почему-то ее не заметили исследователи, писавшие о мандельштамовской оде.) Более того, возможно, написать эти стихи Мандельштаму было легче, чем это нам представляется, как раз благодаря этой переключке: помимо “идейной”, идеологической ставилась еще и художественная задача».

(Ἀεὶπῆναι ἄθ' Ἐὐσίαν Ὀδοῦ Ἀλλὰ εἰ ἄ σὺ εἶ

ἦεἰ ἄεἰ ὄαι . Ἀεῖν ὁ ὕ ἐνεῖν ὄαι ἐ ἐνεῖν ὄαι ἄεῖν ὄε.

«Ἴ ἡεἰ ἄεῖ ἄ ἰ ἄ ἡ ὄε», 12 – 18 ἰ ἄ ὄ ἄ 2002)

Ἀεὶπῆναι ἄθ' Ἐὐσίαν: «Ἴ ἂν ἄεῖν ὄαι ὄεῖν ὄε» – ἐ ὄεῖν ὄαι ἰ ἄ ὄ ἡεἰ ἰ ὄ ὄαι ἄεἰ ἄ ἡ ἄ ἡ ὄε ἡεἰ ἄεῖ ἡ».

Замечание очень тонкое. Но автор этого тонкого замечания, быть может, сам того не замечая, в сущности, уничтожил мандельштамовскую «Оду», начисто перечеркнув собственную высокую ее оценку.

Ведь ода Державина «Изображение Фелицы» отличается от первой его «Фелицы» главным образом не тем, что она «куда более лестная, неприлично-хвалебная, захлебывающаяся».

В первой своей оде, прославляющей Екатерину, Державин тоже захлебывался лестью. Но тогда он еще не был приближен к престолу, на императрицу глядел издали, видел ее в романтическом свете. То есть – в своих восхвалениях ее был искренен. И стих его очаровывал, покорял своей естественной живостью:

Ἦεῖ ἄεῖ ὄ ἰ ὄ ἄεῖ ἰ ἡ ὄ ἡ ἄεῖ

× ὄ ἰ ὄ ἡ ἡ ἄεἰ ἰ ἄ ἡ ὄ ἄεῖ

Ἐῖ ἄεἰ ἄ ἐ ἄ ἄεῖ ὄ ἐ ἄ ὄ ὄ ἄεῖ

Ταχυγράφοις

***Ἄ.Β. Ἀάδεαάεϊ. Ὀαῖαδῖιί αὐέ ὑεάίά ὀαῖ ἀααῖαῖοῖῖῖ ἰ τείαῖῖ τῶεῖαῖῖ, εἰεεῖ αὐέ,
ἢ αἰαῖαῖ ἰ αἰαῖαῖ ἢαῖ τῶ, ἀ ἰῖῖῖοῖῖ ὀαἰαῖαῖ ὀαῖ, ὀῖῖῖ ἰ αἰαῖεῖ ἰ ὀε αἰαῖ ὀαῖ αῖῖῖ ἔ αῖῖῖῖ.***

Теперь он был уже не тем безвестным молодым офицером, каким был, создавая первую свою оду, а опытным царедворцем, хорошо знавшим при дворе все входы и выходы. Узнав императрицу вблизи, он уже с трудом находил в своей душе опору для тех чувств, которые срочно понадобилось ему выразить. И вот тут-то и понадобился ему Рафаэль – как подпорка, как способ высказать более или менее благопристойно то, чего от души он высказать уже не мог.

Но и Рафаэль не помог.

Стих «Изображения Фелицы» уже совсем не тот, каким был живой и выразительный стих его первой оды. Он выпретен, натужен и – при том, что стихотворная техника поэта за прошедшие годы, казалось, должна была обрести большую выразительность и силу, – неуклюж и косноязычен:

Ἐ ἢεαῖ ἰ ἰαῖ ὀ ὀῖ ἀαῖῖ

Ἀα ἰ ὀαῖῖῖ ὀαῖῖ, εἰε αὐ ἰ ἰῖ:ε

Ἀῖααῖ ἰ ὀ αἰεεεεαῖ ὀ ἰ ἰ ἰ ὀ

Ἰ ὀ εῖαε αὐ εεεεῖῖεῖ-ε

Ἐ αεαῖ ἰ ἰα:ἰῖῖε εἰαεε;

Ἰ ἰ ἢῖῖεῖ ἰ ἰ ἰε εῖῖῖεαῖ

Ἐεεῖ ὀ ἰ ἰ ἰ ἰ αεαῖεε:

Как же могли всего этого не заметить такие прославленные поэты и тонкие ценители поэтического слова, как Александр Кушнер и Иосиф Бродский?

ПОЕЗДА С ОТКОСА

А. Евзев

Не думал, не гадал, в голову не приходило, что грянет час и сяду писать о Феликсе Светове в прошедшем времени: был.

Я знал его, мне кажется, дольше всех. С тех давних дней пятьдесят пятого, когда он вернулся с Сахалина. Но еще прежде слышал о «Светике»: так называли его в родительском доме, так звали друзья. Один из них рассказал как-то о поездке мальчика в город, где за колючей проволокой томилась его мать, (Отец, Г. Фридлянд, «красный профессор», специалист по французской революции и декан истфака МГУ, уже сгинул в подвалах Лубянки.)

Мальчуган в коротких штанишках бежал вдоль проволочной ограды и звал маму. Из-за проволоки неслось: «Светик! Светик!» (Нечто схожее спустя годы описано им в одном из последних романов. В романе это выглядит правдоподобнее, чем в жизни. Но в памяти удерживается давний рассказ.)

На долю Феликса Светова пришлось много неправдоподобного. Больше, чем у сверстников, заполнявших анкету без малейшего страха перед пятым пунктом и довольствовавшихся прочерком в графе в ответ на казенный вопрос о репрессированных родственниках. Выпускнику МГУ, начинавшему высшее образование с вечернего отделения в наказание за «плохую» анкету, оставалось надеяться на работу где-нибудь на Сахалине. Или на Таймыре. В общем, там, где кончалась советская география. Замечу попутно: в гитлеровском рейхе дети политических заключенных дискриминации не подвергались. У нас же, хоть и провозглашено было: «сын за отца не отвечает», – с ними чего только ни выделяли.

На далеком Сахалине, предназначенном служить форпостом в третьей мировой войне, Феликс, работавший в газете, пережил страшную беду. Умерла молодая жена...

После похорон Сталина большую новую войну отложили (наблюдал это сам, служа в армии на приморском побережье), дальневосточный режим ослабел. Офицеров теперь охотно демобилизовали; да и гражданских не удерживали.

Ко времени возвращения Светова с Сахалина я уже немного освоился в столице, где когда-то начинал учебу в ИФЛИ, и охотно давал ему советы. Подобно тому как еще год-полтора назад сам щедро получал их, благодарно выслушивал и – поступал по-своему.

Οάρεείη Νάαοίά Είί άό 1940-ό άά

Феликс, живший у мамы, наконец-то видевшей сына уже не через ржавую колючую проволоку, вскоре женился. Мне казалось, удачно. Особенно после рождения Маши. Он, постепенно выяснилось, полагал иначе. И спустя какое-то время вступил в новый брак. Зная его жену, я испытал легкое недоумение. Но, естественно, не пытался вступать в чужую личную жизнь. Тем более, что браки заключаются на небесах. А Феликс, не без воздействия новой спутницы жизни, постепенно к ним теперь приблизился. Настолько, что принял православие, выступил на борьбу с советской властью и терпел невзгоды, неизменно выпадавшие на долю тех, кого позже нарекут «шестидесятниками». Встречались среди них и верующие. Но почему чистокровный еврей, атеист Феликс Светов вдруг обратился в истого христианина? Ни малейшей внутренней логики, ни малейших предпосылок... Случайность, не более того. Но случайность, для меня лично необъяснимая и отдающая чем-то огорчительным.

В Советском Союзе все нации и конфессии, как известно, пребывали в равном положении. Но, по расхожей формуле, некоторые были более равны, чем остальные.

Исключаю полностью Феликсову рациональность. Но вполне могу допустить стремление хоть немного ослабить груз, который, ему, еврею, сыну «врага народа» надлежало нести вечно, словно приговоренному. Принадлежность к православию, то есть к господствующему вероисповеданию, получившему в войну едва не государственный статус, если и не всегда меняла жизнь к лучшему, то хотя бы чуть-чуть сглаживала ее ухабы. Впрочем, тут я могу и заблуждаться.

Феликс действительно не отличался расчетливостью и не взвешивал плюсы и минусы, которые сулил ему тот или иной поступок. И все же подспудная усталость постоянно напоминала о себе. И, должно быть, угнетало нежелание вечно ощущать себя иудеем – то есть изгоем. (Будто от собственного еврейства кому-то дано уйти. Пусть даже ценой отступничества.)

Ю. М. ЛАХАВИЧ. 1950 г.

Замечу попутно: другой еврей, тоже принявший в конце концов православие, настойчиво убеждал соплеменников не полагаться на пресловутый свет в конце тоннеля и не шить ливреи в надежде на статус царедворцев. У него не было иллюзий.

Пытаясь реставрировать тогдашние побуждения Феликса, я, вполне вероятно, не все беру в расчет. Утешая себя тем, что и он, приняв решение, просчитал далеко не все его последствия, не разглядел того, что на доньшке. Дальновидность не отличала и женщину, с которой он отныне связал свою судьбу.

Но насколько справедливо ждать дальновидности от сравнительно молодых людей, самоуверенно полагавшихся лишь на собственное серое вещество? Жена искренне стремилась облегчить существование Света, полагая, будто принятие православия, равнозначное отказу от еврейства, этому поможет.

Стремление облегчить собственное существование и существование ближнего более чем естественно. Это всякий знает. Только желательно и даже надобно помнить о сокровенном смысле совершаемого и его неотвратимых последствиях. Дабы сегодняшний вздох облегчения не продолжился завтрашним стоном. Или лихорадочными попытками подавить этот стон, любой ценой заглушить душевную муку.

Само торопливое сочинение нескольких религиозных книг, вряд ли представляющих особую ценность, – симптом духовной аномалии. Тем более, что они («Мытарь и фарисеи», «Дети Иова» и другие тексты подобного толка, выпущенные «самиздатом» и «тамиздатом»), пройдут, как косой дождь, не оставив по себе следа, не обратив окончательно самого автора ни в праведника, ни в скромника. Скорее – но это позже – свершится трансформация совсем иного плана. Только до этого еще требовалось дожить.

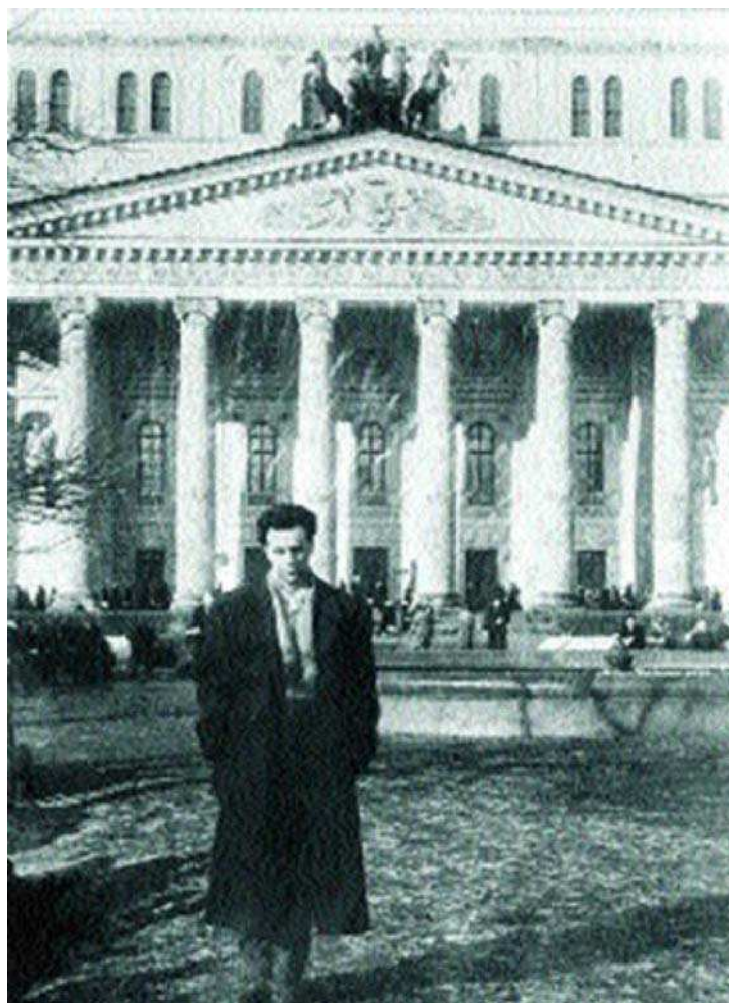
À Ì ìñää 1950-å ää

Пока же, завершая поневоле беглый рассказ о попытке еврея Светова-Фридлянда избавиться от национальности предков посредством внезапного принятия православия, замечу, что оно, православие, в данном случае ни в чем не повинно. Подобно всякому вероисповеданию. Пока, разумеется, не начинает использоваться в политических целях.

...Один из близких мне молодых людей, серьезный богослов, изучающий православие и иудаизм, проводит много времени в Израиле и, владея ивритом и идишем, выступает перед явно расположенной к нему тель-авивской аудиторией.

Между прочим, Бейлиса, вопреки нажиму, оправдали присяжные, то есть простые российские смертные, исповедующие веру в Христа.

Мудрость не в том, чтобы культивировать неприязнь одной конфессии к другой, а в том, напротив, чтобы являть терпимость. А нам, выросшим в атмосфере постоянной борьбы с неким врагом и вечных изобличений, сие дается всего труднее.

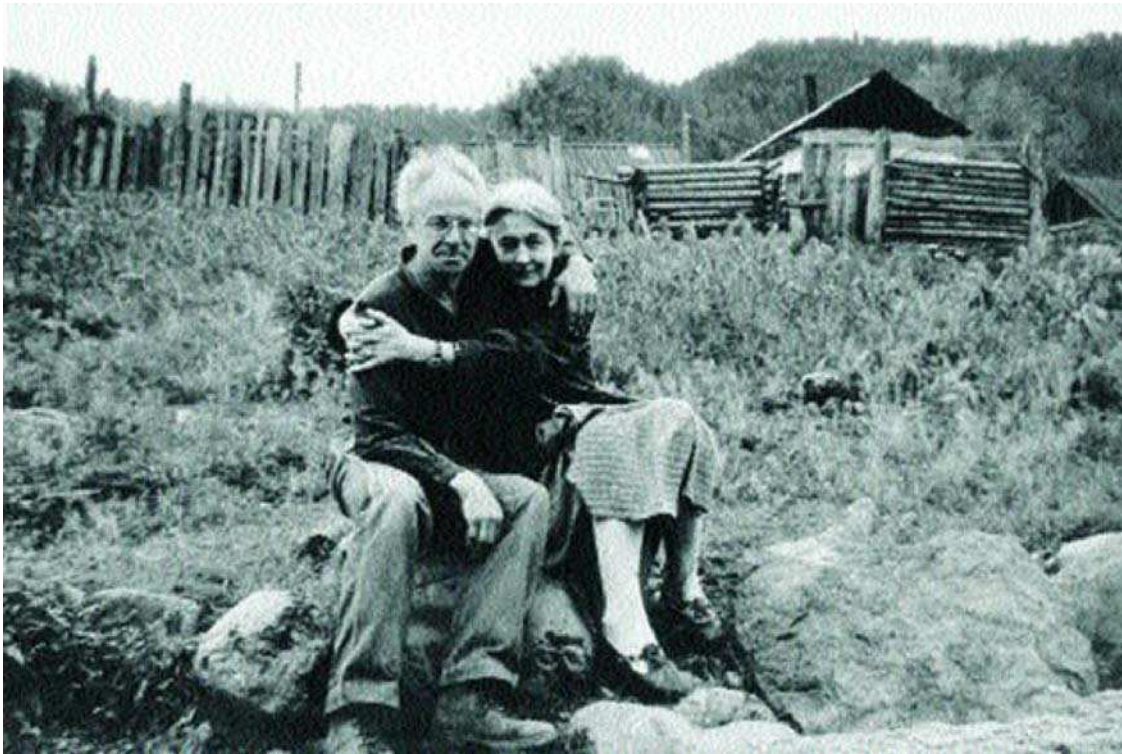
À Ì ïñää 1950-á ïï

Расставшись с Дальним Востоком и вернувшись в Москву, Феликс быстро получил признание как профессиональный критик; широко публиковался в столичной прессе. Его статьи и рецензии составили четыре книги. На вопрос, представлявшийся ему актуальным, даже заслуживавшим вынесения на обложку: «Ушла ли романтика?» – уверенно давал отрицательный ответ. Меня, признаться, эта проблема не сильно волновала. Куда бы она посмела уйти, наша замечательная романтика, не получив надлежащей команды?

Другими словами, круг интересов и устремлений у нас не всегда совпадал, да и не должен был совпадать.

На стезе, какую Светов избрал, став православным, вопрос о романтике вряд ли мог у него возникнуть. Новомирская ориентация (Феликс начинал, когда А. Твардовский еще возглавлял журнал) сменилась иной. Сменилась настолько круто, что на рубеже 70-х он испытал потребность подбить итоги прожитого, осмыслить оставшееся позади. Искренность же нередко предполагает мужество.

Так был написан «Опыт биографии». Обозначен этап, исподволь подготовивший новую стадию жизни.

С αεί τή Γηά Εδαοί αέιυ έείαί έ ά ιιίέέα

Ί ιιίέέ Οηού-Εαί, Άίδι ύέ Αέοάέ, 1983 ά

Большинство литераторов-«шестидесятников», сохраняя надежду на возможность «социализма с человеческим лицом», вело относительно мирную борьбу с режимом, стремясь дать приемлемую пищу для человеческого ума. Если иметь в виду критиков, то они свой долг исполняли, не прибегая, как правило, к исповеди. Тон в такого рода критике задавали авторы «Нового мира».

Феликс Светов, исповедуясь в «Опыте биографии», отныне делал ставку на самиздат и зарубежные издательства, прекрасно помня, к чему это ведет и чем чревато. С относительно короткими интервалами он, ориентируясь на «тамиздат», пишет свои религиозные романы. И число их довольно внушительно.

«Опыт биографии» вышел на Западе 1985 году и удостоился там премии В. Даля.

В январе того же года еще одна «премия» – арест и заключение в знаменитый московский тюремный замок – «Матросскую тишину».

Существовала отработанная механика ареста члена Союза советских писателей. Ее использовали для того, чтобы руки, привыкшие к перу и пишущей машинке, привыкли к наручникам.

На первой стадии – для Феликса она наступила еще в восьмидесятом году – исключение из Союза. Но не просто исключение, а с формулировкой, пригодной для карательных органов. Органы неусыпно контролировали писательский Союз, а тот без усталости делал вид, что являет собой некое свободное демократическое сообщество.

Светова изгоняли из Союза писателей за «антисоветскую, антиобщественную, клеветническую деятельность». Какая-то часть собратьев проголосовала за эту формулировку, равнозначную путевке в «Матросскую тишину». Спустя некоторое время чугунные ворота «арестного дома» захлопнулись за лауреатом престижной премии Владимира Даля.

Религиозная проза Ф. Светова, не считая роман «Отверзи ми двери», так и не публиковалась в России – даже после того как, отдавая тюремной похлебки, автор отдал еще и пять лет ссылки.

Не пытаясь судить конкретно о его прозе, выскажу лишь свое мнение о произведениях подобного рода.

Νααίτε ε άίσεαί ε Οεεείττι ε Δεί τόααί. Ίίίίεε ΟίπυΐΈτεα, έαοί 1986 ά

Думается мне, что задачи агитационно-пропагандистского плана в значительной мере противопоказаны художественному слову. Потому, в частности, изначально и по определению не могли быть удачны советские повести и рассказы, горячо ратующие за высокие, скажем, темпы производства, воспевающие стахановский труд и все такое прочее.

Освобожденный летом 1987-го (в годы перестройки ослабевший советский режим пошел на мир с церковью) Светов, не теряя времени, принимается за роман «Тюрьма» – первый его роман, напечатанный в России.

Поведав читателю о сомнениях и терзаниях, не отпускаявших его, Светов завершает роман простыми словами, за которыми угадывается многое:

«...Я просто не мог его не написать».

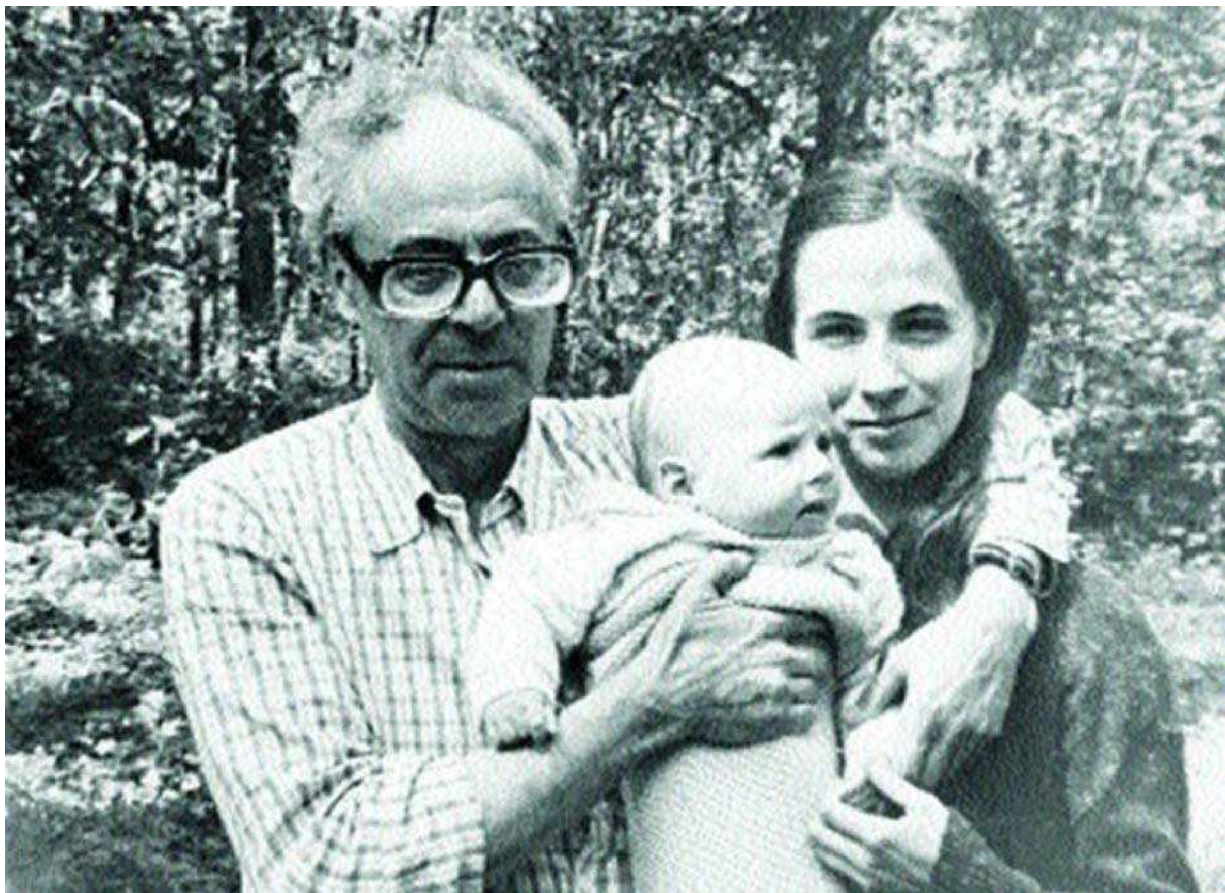
Добавлю лишь, что инерция творчества, именно повествовательного творчества, уже не отпускала его до последнего дня жизни.

Пишу же я обо всем этом еще и для того, чтобы дать представление о судьбе издавна близкого мне человека и как-то объяснить, почему близость наша не исчезла на протяжении десятилетий. В чем ни один из нас не повинен.

Пишу, впрочем, и для того, чтобы сегодняшний читатель, замороженный потоком телевизионной информации, не только отгеснившей литературу, но и сметающий все оставшееся позади, чуть-чуть приблизился к своим так или иначе предшественникам. Пусть даже это не ветераны Великой Отечественной войны и не любимцы нынешних шоуменов. Особенно если жизненный путь обреченных на забвение неожидан и драматичен. И проделывался соотечественниками нынешнего читателя безотносительно к тому, в какого Б-га каждый верил. Впрочем, вполне мог и не верить никакому. Прodelывался с великим желанием блага для новых поколений.

Феликс Григорьевич Светов (домашнее прозвище «Светик» подсказало псевдоним, псевдоним стал фамилией, фигурировавшей не только на титульном листе, но и в доносах и приговорах) – из писателей, каким нужны многие годы, даже десятилетия для полного обретения себя.

Я бы покривил душой, сказав, будто на сей раз этот процесс мне до конца понятен. Но почему он должен быть понятен, даже если мы дружили? Дружба вовсе не отменяет личных страстей и пристрастий, несхожих взглядов на мир и литературу, собственных поисков. Дорогие тебе обретения не обязательно дороги, не обязательно вняты другому. Даже когда «другой» искренне симпатизирует обретшему. Далеко не всегда, впрочем, с ним солидаризуясь.

С аї-аїп Сїае е аї оїп Оїїїїп Іа аа-аа Іо аїоа Аїїїо 1982 а

Не исключено, что именно это исподволь, безотчетно рождало сомнения, заставляло думать: не мне писать о Свете, набрасывать штрихи к его портрету. Не мне, даже если я не берусь назвать – кому.

Дело не только в незримой внутренней дистанции, в его православии, которому, скоро выяснится, не так уж и велика цена. Далеко не все, им совершенное, не все написанное в годы, приближавшие к концу, вызывало у меня одобрение, согласие, на худой конец.

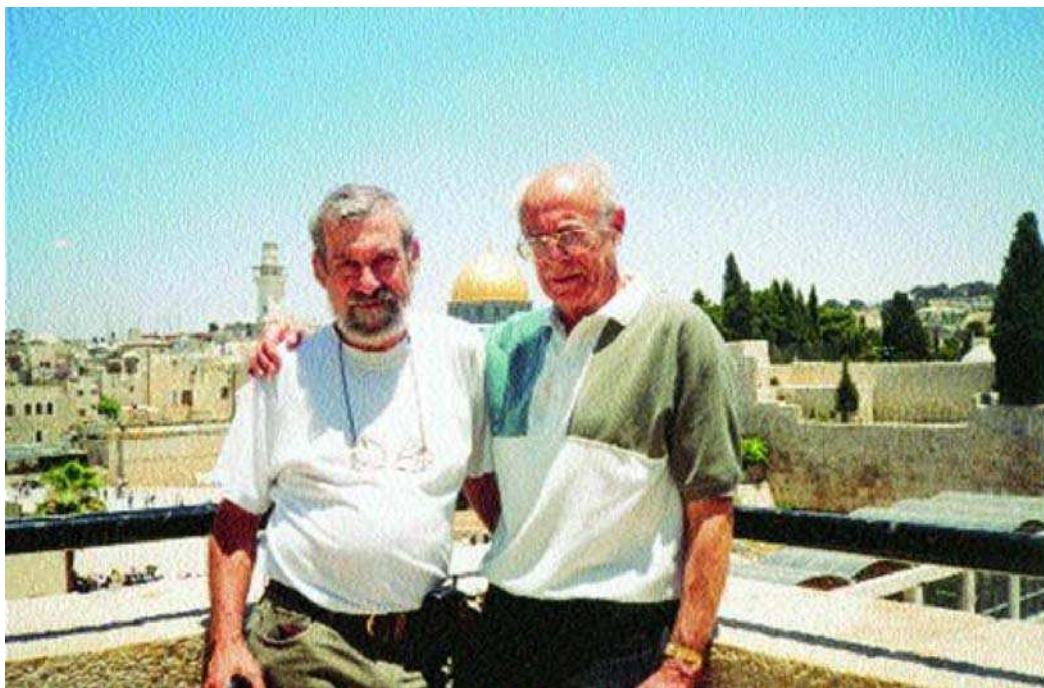
Он довольно много печатался. Упивался жизнью, порой отдававшей, на мой взгляд, божьей. Будто беря реванш за тюрьму, ссылку, вымученную праведность, желая вернуть молодость, некогда обошедшую его многими радостными минутами. Чертогом, да и только!

Я пытался вникнуть в его состояние, но не слишком верил в реальность возмещения потерянного. Б-г ты мой, сколько потеряно каждым из нас! И каждым – безвозвратно...

Строгий аскетизм, подобающий религиозному сочинителю, судя по новой прозе, уже не слишком манил Феликса в последние годы. По крайней мере, один из последних его романов с залихватским названием «Чижик-пыжик» им не отличался. Скорее наоборот. Но и романтикой, за которую он прежде ратовал, здесь не пахло.

От былого пыла неопита, некогда уверовавшего в христианского Б-га и принявшего православие, ничего, судя по очень многому, не осталось, и не похоже, чтобы он сокрушался об утраченном. Коль и сокрушался, то скорее о молодости, оставшейся в далеком прошлом. Хотя и она, если вдуматься, не

баловала его, вечного изгоя. Возможно, не от хорошей жизни он ухватился в свое время за религию. Как за поручни уходящего вагона. Но и религия не даровала душевного умиротворения. А коли так...

С а́δωκῆ Ἐὰρ δὲ Ἐῤῥῶν ἰὶ ἁ Ἐὰδωκῆεῖ ἁ 1997 ἁ

От конечных выводов, впрочем, предпочтительно воздержаться. Слишком многое ушло навеки, ушедшее, насколько мне дано судить, не вызывало у него прямого сожаления.

Человек и писатель, еще раз напомним – чистосердечный, Светов, когда пил водку, не делал вид и не утверждал, будто она из «святого колодца», а не с завода «Кристалл», не пускался в рассуждения о Б-жественном.

Хотя шумные загулы, воспроизведенные его же прозой, не всегда шли на пользу последней. Человека, увлеченного многословными разглагольствованиями на литературные темы, постельными «откровениями», поисками бутылки трудно вообразить себе в роли проповедника, мудрого наставника. Я лично его в этой роли, слава Б-гу, не видел. Вообразить его автором романов-проповедей, тоже, прошу прощения, не в силах!

Издредка мы встречались на тусовках, приятельски чокались. Я уступал другим право говорить комплименты. Но и не лез со своими замечаниями. Не задавал трудных вопросов, напрашивавшихся порой.

Победительно поднимая рюмку направо и налево, он почему-то вызывал у меня чувство сострадания. От этой мальчишеской бравады становилось грустно. Но мысль о беде оставалась бесконечно далекой. И потому сообщение о ней особенно потрясло.

Ат-и Сү. 2001 а

Однажды утром на исходе лета он не проснулся. И все.

Весь этот отдалась в душе короткой, неотступной ахматовской строчкой: «Как поезда с откоса».

Уйдя из жизни, Свет не шел из памяти. Вспоминались давние встречи в редакции «Нового мира», в те незапамятные времена еще занимавшего часть особняка на Малой Дмитровке. Совместные поездки в больницу к матери одного из близких друзей, скончавшегося до срока. Товарища Феликса по университету. Разговоры о Юрии Домбровском, которого мы оба очень высоко ценили...

Никого не осталось.

Зато безотчетно напоминали о Свете, об отце, его дочери. Старшая – Маша Шахова, удивительно на него похожая, по телевидению рассказывала о «дачниках». Младшая – Зоя Светова – публиковала блестящие статьи в «Новых известиях».

Как-то вечером, перебирая стопку непрочитанных журналов, я взял в руки последний номер «Знамени» за позапрошлый год. На обложке в черной рамке: «Феликс Светов». Не публиковавшийся ранее рассказ «Воля» и главы из неоконченной повести «Рязаночка».

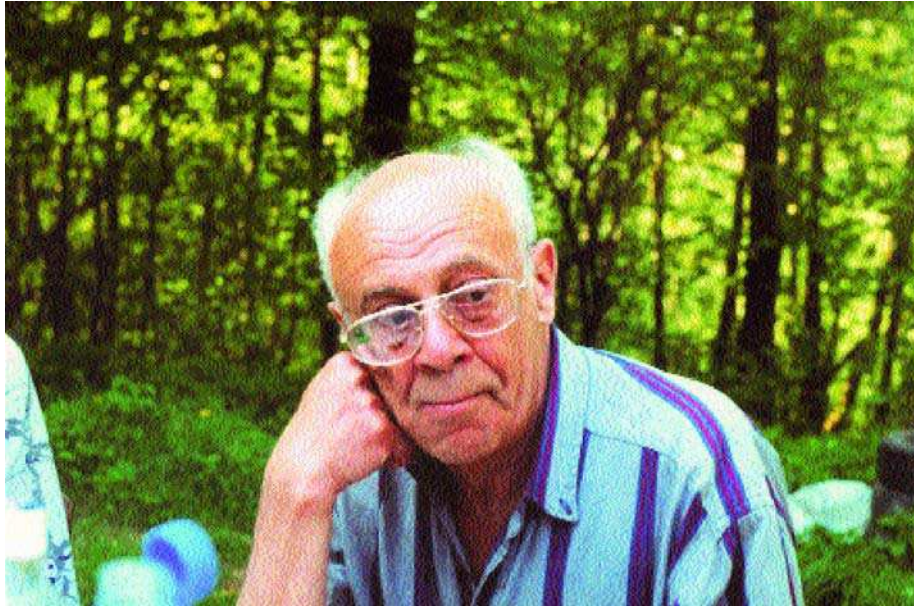
Ář-ü Ī áðëÿ. 2002 ä

Прочитал, не отрываясь. Давно не попадалось ничего равного по силе, свежести и непосредственности. Без замаха на глобальные проблемы, вроде исторической вины евреев перед русским народом. (В этом случае одобрение А.И. Солженицына вряд ли годится в качестве оправдания. Скорее, наоборот. Тем паче, что никто не поручал автору «Чижика-пыжика» виниться от имени нации.) Нет и амурных викторий, и бурных возлияний, будто надо перед читателем отчитываться за каждый стакан...

Лишь горемычный человек, на чью долю достались тюрьма, этапы, наручники, пересылки, путешествия в «столыпине». Человек, устремленный к воле.

Этот порыв не делает его безразличным к другим, равнодушным к чужим горестям. Напротив, теперь он лучше постигает людей. Тех, кого обрели на страдания, и тех, кто обрек. И среди тех, и среди других попадаются сочувствующие, попадаются безразличные. Независимо от национальности, вероисповедания, сиюминутного настроения. Но Витя (мне уже известно, что это подлинное имя) – надежный, верный помощник, настоящий друг в сложных обстоятельствах. В опасной ситуации. Все понимая, он находит точные решения. И знает, что рискует головой. Не более, но и не менее того...

Написано это в июле, в последнее злосчастное лето. Следом за рассказом – главы из неоконченной повести «Рязаночка» (На дворе уже август). Повести о том, как глухой архангельской ночью уводили маму. О посторонних людях, оказавшихся не столь и посторонними осиротевшему десятилетнему мальчугану. Их сдержанное сострадание куда дороже многословных, не всегда обязательных признаний в «Чижике-пыжике»...

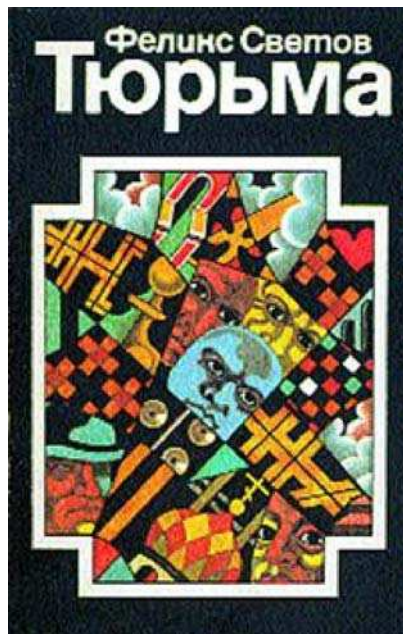

О.А. Някога в гора, ето в 2002 а

Спустя полторы недели после маминого ареста из Горького, оставив биофак, приехала старшая сестра Ида. Я когда-то видел ее мельком.

Но разговор с сестрой, составляющий вторую часть неоконченной главы, происходит гораздо позже, когда Ида, не расстававшаяся с «Тремя мушкетерами», хотя любила и Диккенса, и Толстого, и Пушкина, пересказывает брату историческую балладу «Авдотья Рязаночка».

Ее финал – приход Авдотьи с деньгами к хану, чтобы выкупить троих своих мужиков. Но тот согласен отпустить лишь одного. И тогда Авдотья просит освободить брата, втолковывая удивленному татарину: «Мужа я еще, может быть, найду <...>, сына, может быть, рожу. А брата у меня никогда не будет»...

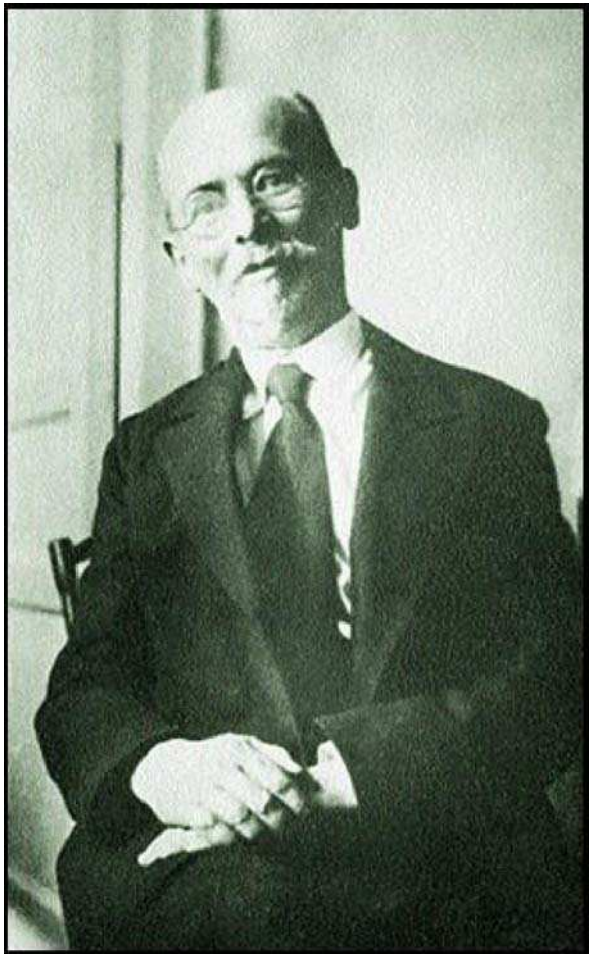

Феликс Светов не догадывался, что это – последние его строки. Ими он сказал больше, чем иными своими романами. Сказал и о себе. Именно таким, какого теперь нет и уже не будет. Но он был, был... Жизнь его не подлежит забвению. Даже если многое в ней не вызывает согласия.

YOI AU'E EDOTI IAEΘEE OXAI UE...

I edda Am'et

Draceny Acaenaiad Adae: a 1874 aao a Iteodaa I oao am aue ifoadeumi, i ifa adai ate oaaeyaoei :oatep eiea if enbidde, jefifi eea e moeifiaee. Aadtyoit, ifa aeeyieai foaa eioadai e enbidde o nua idyaeeny aua a aadnoaa e moeiateeny ia ap xeci u Iiaadeeaaeaa am e oeditei fadaqiaaiay iaou iaau-eeaa Aauotee o:ai ue o:eeny a ifeoaaneie eeanne:ateie aei faee. O iaai daii aiyaeeni mimainoe e demaatep. Aifneanoaee if aateee, :oi aua daatei, a ifoti e pifoaee aue ifaiaua xeaiteeny e ia:oaee noaou oaaieeii. A aiaida ifoanue if ia eieaaeeny e ifneatei:atey aei faee a 1892 aao ifaade a Aadatep n iaiaateai ifnoieou a ipiaatep Acaai ep oaaeanoa Oai, ia aaoieoaeuu uo jexai aiaa if idyaeeny, if a oio xaa aai u noae noaaiofi iaeeoeifiaa oaeoioada oieaanoeada aida I pifiaa Noieii neofiaeeoaeuu ia daateia if fauynye aau y ide:efiai e. Ai-iaaia, :eiofi idaeoe:ateei faoiyoaeuioai, ifneatee a oif adai y a Dracne daateia adaa auea aey aady aiteia daeui a Ai-aoioiu, am ndaq xaa idaeaeaa o:aaa a Aadate: a oieaanoeoanite idiaai ia auee nui ua daqifadaqiu idai aou, eaeoee :eoaee edoiua o:aiua Adae: xeaite eioadai aeeny jefi adei aioaeuu ui e enneaaiaatey i e, ife eaqaenii ai oei oadai ai moeaeuu uo iaeeoeifiaa aenueieei e daateou a eeeieaa.

Кроме лекций на медицинском факультете, Гурвич посещал и занятия на историко-филологическом факультете, и художественные школы Мюнхена. В том, что его способности к живописи достаточно скромны, он, правда, убедился быстро и с третьего курса окончательно расстался с мыслью стать художником, целиком погрузившись в науку. Материальное положение юноши оставляло желать лучшего. Большая часть присылаемых отцом денег уходила на плату за обучение. Он снимал крохотную комнатку и весьма скудно питался. Спартакское отношение к быту сохранилось у него навсегда.

В 1879 году была опубликована первая работа Александра по эмбриональному развитию амфибий. Этой же теме была посвящена и диссертация, которую он защитил в 1897 году после успешной сдачи государственных экзаменов. Еще год после этого Гурвич оставался в Германии, зарабатывая на жизнь обработкой анатомических и гистологических материалов.

Возвратившись на родину, Александр Гаврилович при Киевском университете сдал экзамены по специальности лекаря что давало право на врачебную практику. Однако он мечтал о научной работе в высшем учебном заведении, что в России по тем временам евреям было недоступно. Он принял приглашение Страсбургского университета, где продолжал свои исследования. В 1901 году Александр занимает должность приват-доцента и ассистента кафедры анатомии в университете Берна. В течение четырех лет читает там курс эмбриологии и пишет книгу по морфологии и биологии клетки (Morphologie und Biologie der Zelle), принесшую ему известность. Результаты его экспериментальных работ послужили основанием для дальнейших теоретических изысканий. В Берне Гурвич женился на студентке-медичке Лидии Фелициной, под его руководством написавшей диссертацию.

В 1905 году во время русско-японской войны военнообязанного Гурвича вызвали в Россию и назначили врачом в тыловой полк.

Во время военной службы А.Г. Гурвич написал руководство по эмбриологии и сделал к нему свыше 100 замечательных цветных рисунков. Его художественные задатки наконец-то реализовались! Эта книга вышла на русском, немецком и испанском языках.

После демобилизации в 1907 году Гурвич был избран профессором анатомии и гистологии высших женских Бестужевских курсов в Петербурге. Кроме лекций он вел большую исследовательскую работу, а также принимал активное участие в деятельности Петербургского биологического общества, которое много лет возглавлял знаменитый физиолог И.П. Павлов.

Полученная Гурвичем в Германии ученая степень не давала в России права на звание доктора медицины, и ему пришлось защитить докторскую диссертацию в Юрьевском университете.

В 1912 году А.Г. Гурвич ввел в биологию понятие поля. В течение всей жизни он совершенствовал эту свою теорию («Теория биологического поля». М.: Советская наука, 1944).

В 1914 году, в начале первой мировой войны, Гурвич был мобилизован, но по состоянию здоровья признан годным для службы лишь в условиях тыла. Его оставили в Петрограде и назначили в госпиталь военно-медицинской академии. Отбывая военную службу, он продолжал преподавательскую и исследовательскую работу на Бестужевских курсах (после революции они сначала были преобразованы в Третий Петроградский университет, а затем его слили с Петроградским университетом).

В 1918 году А.Г. Гурвич возглавил кафедру гистологии медицинского факультета Таврического университета в Симферополе. Там в это время оказалось много известных ученых разных специальностей – В.И. Вернадский, В.А. Обручев, И.Е. Тамм и другие. Именно в Симферополе Гурвич начал исследования по делению клеток. Он обнаружил особое слабое ультрафиолетовое излучение животных и растительных клеток, которое стимулирует клеточное деление – митоз. Поэтому он и назвал его митогенетическим.

С 1924-го по 1929 год Гурвич заведовал кафедрой гистологии Московского университета, а затем работал в Ленинграде, в Институте экспериментальной медицины, где главной темой его работ было разноаспектное изучение митогенетического излучения. Этому посвящены многие его публикации – в том числе и монографии (некоторые в соавторстве с женой). За работы по митогенетическому анализу проблемы рака ему в 1941 году была присуждена Государственная премия.

С начала Великой Отечественной войны (после короткого пребывания в Казани) Гурвич заведовал в Москве лабораторией митогенеза в Институте экспериментальной биологии. В 1948 году после злополучной сессии ВАСХНИЛ он ушел на пенсию (лабораторией до ее закрытия заведовала его дочь, доктор биологии). И в домашних условиях ученый продолжал теоретические разработки, проводил опыты. Скончался он в 1954 году.

В 1970 году в издательстве «Наука» вышла книга «Александр Гаврилович Гурвич». Там описан его жизненный и творческий пути исследователя и приведен список опубликованных им работ.

В германском городе Нойсс (близ Дюссельдорфа) расположен Международный институт биофизики. Он объединяет ученых почти 20 стран, проводящих изыскания в разных областях биологии, основанных на работах А.Г. Гурвича по митогенетическому излучению и теории биологического поля. Этими исследованиями (биотоникой) руководит немецкий ученый Ф.А. Попп. В России подобные работы ведутся на биологическом факультете МГУ под руководством профессора кафедры эмбриологии, внука А.Г. Гурвича, Л.В. Белоусова и доцента кафедры биоорганической химии, доктора биологических наук В.Л. Воейкова.

НАДЕЖДА – ТОЛЬКО НА СЕБЯ

Герман Вук.

Надежда.

М. : «ЕС», 2003, 783 стр.

«Экзодус», конечно, все читали. Мое поколение – в «засылочном» варианте (глухая обложка без названия, папиросная бумага, чтобы больше экземпляров можно было провезти в Союз); нынешние молодые – в двух томах с картинками. «Три мушкетера» для подростков, радостно ненавидящих красную власть, бестселлер тупо-зловных брежневских лет, когда хорошие мальчики и девочки были настроены произраильски не потому, что Израиль – еврейское государство, а потому, что он вызывает такой истерический визг коммунистических пропагандистов.

«Надежда» – книга про то же самое: про израильские войны, про израильские победы над красными и их арабскими поделщиками. И написана в том же ключе – простой язык, много action, мало (почти совсем нет) переживаний. Разумеется, не «высокая литература»: без стилистических изысков, без возможностей двойного прочтения. Читатель ни разу не может задать себе вопрос: «А что автор хотел этим сказать?» Однако после прочтения первых нескольких десятков страниц возникает другой вопрос: а зачем нам еще один «Экзодус»? Тем более сейчас, когда красных загнали в такую дальнюю подворотню, что даже ненавидеть их как-то неинтересно.

Но не стоит торопиться и закрывать книгу в самом начале. Давайте продолжим чтение: очень скоро мы начнем понимать, что роман Германа Вука – совсем не то, что был роман Леона Юриса. Он написан в другое время, когда главным врагом хороших мальчиков и девочек стал уже не тупо-зловный коммунизм, а тупо-слонявая политкорректность. И точно так же, как чтение «Экзодуса» в свое время давало хорошую прививку от лупящей со всех сторон красной пропаганды, – чтение «Надежды», как мне кажется, может существенно улучшить иммунитет от повсеместной пропаганды «розовых».

На самом деле «Экзодус» создал для нас в 70-е годы миф. Миф о «хороших парнях», которые обязательно надерут задницу «плохим парням». «Чапаев» наизнанку, «Неуловимые мстители», поставленные с ног на голову (на самом деле, конечно – с головы на ноги, потому что хорошие парни никак не могли быть с красными заодно). Мы нуждались в мифе, потому что реальность была тошнотворна и в будущем обещала становиться только хуже.

Герман Вук в «Надежде» старательно разрушает мифы. Первым делом демифологизирует образы «хороших парней». Они несовершенны (почти как мы), постоянно путаются в любовных историях, в общем – не слишком счастливы. Больше тянут ляжку, чем воплощают идеал. Да и война у них получается достаточно несурзная – если молниеносную операцию хорошие парни еще могут выполнить «для учебника», как Чапаев и Ганнибал, то, стоит войне затянуться, сразу же танки идут не туда, авиация по ошибке бомбит союзнический корабль, а геройский генерал гибнет от случайного выстрела собственного часового, принявшего его за араба.

Впрочем – «кто возьмется решать, где бардак, а где нет»? Герман Вук серьезно подготовился, исторические события он описывает с максимальной достоверностью – в точности как Ури Мильштейн, ведущий историк израильских войн. Но перед нами не исторический трактат, а литературное произведение, смысл «точности деталей» здесь другой. Писатель бросает вызов политкорректной пошлости, сейчас, как и тогда, требующей от воюющей стороны быть святее папы римского – причем, разумеется, только от одной воюющей стороны.

О другой стороне даже Герман Вук не решается сказать всю правду. Иногда ему удается преодолеть внутреннего цензора, именуемого на политкорректном сленге «взвешенным подходом»; но далеко не всегда. В какой-то момент он идет по пути наименьшего сопротивления, рисуя арабов чуть ли не жертвами «кремлевских мудрецов»: «Советский Союз будет продолжать посылать замороченных молодых арабов на смерть, возможно, еще лет пятьдесят, пока те не поумнеют и не откажутся играть роль пешек в

старой, как мир, Большой игре за влияние». Сейчас такая оценка представляется весьма наивной... В послесловии Вук даже считает необходимым извиниться перед читателем за то, что арабы получились в романе достаточной сволочью: «Хотя я и позволял себе импровизировать разговоры и выступления израильских руководителей, я всегда старался гарантировать, что ни одному из арабских руководителей не приписано ни одного слова, которое не цитировалось бы в исторических документах». Автор данного текста, знакомившийся с арабской позицией в арабских же оригиналах, имеет об этих господах куда более скверное мнение... Впрочем, это совсем другая история.

Зато где внутренний цензор писателя полностью отключен, так это в описаниях пресловутого «мирового сообщества» – дипломатов и ооновцев, к которым так любит апеллировать политкорректная «тусовка». Подлость этой своры поистине не знает предела. Все дипломаты в романе Вука – «мюнхенцы», всегда готовые заплатить еврейской кровью за арабскую нефть; ООН – совершенно аморальная организация, большинство в которой по определению составляют представители тоталитарных и «коммунацистских» режимов. Здесь с наибольшей яркостью проявляется сильная сторона американской массовой литературы: лощеный тип, утврждающий, что с дьяволом «можно и нужно договариваться», непременно окажется главным подонком.

Отсюда естественно – раз уж речь идет о еврейском государстве – протягивается мостик к Холокосту. Почему евреи не оказали сопротивления и шли, как скот на бойню? «Они полагались на нееврейскую власть, веря, что та является гарантом законности и порядка... Мы тоже полагаемся на правительство, но это наше собственное правительство, наш собственный Сион, наши собственные танки, и, наконец, мы полагаемся на самих себя».

Когда Герман Вук писал эти слова (в 80-е годы), он писал их, наверное, только для Израиля и для евреев, вечных козлов отпущения «мирового сообщества». Тогда, если вы не забыли, еще была в силе позорная резолюция ООН «о расистской сущности сионизма». Потом мы в России тоже прошли через это (да и не мы одни – есть что сказать и сербам, и македонцам...). До сих пор «политкорректная тусовка» облизывает закаевых точно так же, как она облизывает арафатов, призывает «договариваться» с террористами-палестинскими, чеченскими, албанскими... Ответ может быть только один – тот самый, который с удовольствием живописует Герман Вук в последней, четвертой части своего романа – «Шесть дней».

Короче – книга доставляет удовольствие. Не то удовольствие, какое доставляет изысканная литература, – другое. Если хотите, вызывает моральное удовлетворение. В наше время, когда политкорректная «пятая колонна» едва ли не монополию себе взяла – читать мораль по поводу и без повода, особенно приятно прочесть книгу, написанную с нормальных позиций.

Ài èòðèé Í ðéí óùñá

ЛИТЕРАТУРА, КОТОРУЮ НАДО СТЯХНУТЬ

Ī ēēēē Āōēūō.

Milky Way ē āōōā ēōīāēūū ūā ōāīī ō ū.

Ī . : Ī īīō ū ēēēūōōōī; Jerusalem: Gesharim, 2003 – 352 ī

На последней странице обложки помещена фотография автора в детсадовском возрасте, а над нею четыре максимы, представляющие собой квинтэссенцию предлагаемого сборника (почему-то названного на первой странице обложки «романом»):

«Ēēōāōōōōā – ōī, ÷ōī īāāī īōōyōīōōū»;

«Dācī ūōēyōōūēī ōāōāīī, īī æēōūīōīōōēāīī»;

«Ōāōōōōūyī īīēāīī, īī īī'āōū ōāīīī»;

«Ī īāōīāī īīōē īāāīī īīēī ū».

Талант автора, безусловно, заключается в умении забыть в четыре короткие фразы весь курс лечения у психоаналитика, обычно длящийся месяцами. Все о шестидесятилетнем шестидесятнике, сошедшем с обложки журнала «Юность» времен фильмов «Застава Ильича» и «Июльский дождь». Пение стихов Окуджавы под гитару и пьянство за полночь. «Как собутыльника на сабантуй призвали меня всеблагие». До сих пор вспоминает, как ему не дала какая-то училка из Уренгоя.

Кстати: предупреждение «подробности невыносимы» в полной мере относится к предлагаемой книге. Г-н Вульф уже в первых трех своих рассказах выкладывает перед нами весь набор философских тем, которые гг. шестидесятники имели обыкновение обсасывать ночью на кухне:

– Ах, почему мы смертны?! Вот уже все хорошие люди померли. Кого ты бьешь, Всевышний? Ты бьешь орлов. С кем ты станешь жить, со смитьем?..

– Почему еврей не понимает русской природы?

– Как нехорошо мыслить банальностями (кто бы спорил!), и как аморально мыслить только о том, что тебе близко...

Последний поворот темы означает, что градус беседы достиг 20 килокирьян (для тех, кто забыл: 1 килокирьян равен тысяче грамм/градусов на квадратную морду) и пришло время для сурового разговора о судьбах России (или Израиля). Вне шестидесятнических кругов давно вышло из моды: дюже трезвые мы для такого разговора стали...

В четвертом рассказе выясняется, что лирический герой, г-н Вульф, – член Союза писателей СССР с 1978 года. Тут же появляется словесный уродец: «... видая своего начальника вот как вы сейчас видите меня». Далее последует и вовсе смехотворное – «слоняющие по пещерам спелеологи». Будут еще и «певывал» и «знаывывал». Уж не знаю, что за завывания все время лезут из писательского подсознания – то ли Окуджава за полночь, то ли оборотень в полнолуние.

И еще одно замечание относительно русского языка советского писателя с 1978 года: омерзительное новообразование «вразбитную» еще можно было бы принять в значении «нагло, попростецки», – но представление г-на Вульфа, что такое слово может иметь значение «разбрызгавшись», способно заставить самого Д.Э. Розенталя перевернуться в гробу. Писал бы г-н Вульф по-молдавски, что ли...

Где-то к 50-й странице приходит горькое понимание: под видом литературы мне подсунули журналистику. Начались унылые отклики на некогда актуальные политические события. Разумеется, политическая физиономия автора определяется все теми же шестидесятническими банальностями и инвективами в адрес поселенца, который «уничтожил молящихся беззащитных арабов». К литературе это не имеет ровным счетом никакого отношения.

Правда, к середине сборника, когда читатель уже понял, что его надули и подсунули подборку очерков, печатавшихся где-нибудь в кузнецовских «Вестях» или «Новостях недели», составитель предпринимает попытку вновь убедить нас, что это belles letters, изящная литература, подсунув пятнадцать «сонетов» под общим названием «Жалобы шорника или хромой Орфей». Начинаются они строкой «Я шорник Соловей Гриншпун», ею же и кончаются (дескать, мы тоже «Бледное пламя» читали... точнее, «читывали», конечно). Такой стихотворный километраж мы, помню, гоняли на переменках в средней школе на любую заданную тему, вплоть до теоремы Виета. А рифмы такие, как у г-на Вульфа, сейчас сочиняют воротилы шоу-бизнеса для Иванушек-интернэшнл и Алены Апиной.

Нет, не хромым был тот Орфей, а безруким и безногим. В послевоенные годы такие на народном языке именовались «самоварами».

Дальше, до самого конца – все тот же куннилинг духовности за полночь. Когда все уже донельзя друг другу надоели (а пуще того хозяевам), но не расходятся, потому что боятся остаться наедине с собственной жизнью (и без того задрипанной). «Размышлять интересно, но жить противно».

Одного не понимаю – за каким дьяволом солидному издательству интеллигентнейшего Михаэля Гринберга печатать это занудство? По знакомству, что ли? Может быть, г-н Вульф – хороший человек? Между прочим, охотно верю: шестидесятников принято любить. Но времени, потраченного из моей одноразовой жизни на чтение его «кровельных работ», уже не вернешь...

Ài eòdèe í òrèîúúá

Однако кабалистический субстрат романа, как и всей «иерусалимской саги» Шахара, побуждает нас относиться к странным персонажам и их городу без предубеждений и высокомерия. В каждом «осколке сосудов» скрыты искры Света. Задачей человечества – героев «Путешествия в Ур Халдейский», а более того, самого автора – является «тикун», «исправление», то есть собирание осколков древних сосудов и возвращения их к первоисточнику, к целостности «предвечного человека» Б-жественной эманации. К восстановлению разрушенного Храма.

Путь к этому лежит через видения – через видение мира не таким, каков он «есть на самом деле», а как бы изначальным, неиспорченным. Возможно, это взгляд ребенка – как в воспоминаниях главного героя, Срулика Шошана, «через лиловую конфетную обертку». Возможно, это взгляд сквозь время, как у одного из эпизодических персонажей – «взгляд, напоминающий взгляд арестанта, вышедшего на улицу после долгих лет заключения и видящего, что улица, оставаясь такой же, какой была из года в год, пребывает уже в ином времени, а потому принадлежит иному миру».

Тут все без исключения литературоведы вспоминают знаменитую сагу Марселя Пруста и начинают проводить параллели. Однако сходство обманчиво, как очередные кабалистические «клипот», «скорлупы» внешнего проявления. Потому что главная обманка шахаровского Иерусалима – это предубеждение о том, что время существует. Писатель сплетает нарочито сложную структуру, словно нарочно (возможно, так оно и есть) заставляя читателя вновь и вновь терять нить времени, покуда тот не отчаётся и не поплывет за прихотливым течением. Ведь все попытки человека упорядочить (организовать) время разобьются о всегда неожиданный, всегда «преждевременный» звонок Библиотекаря: все, господа, закрываем. Так и сама смерть настигает того, кто любит жизнь и пребывает в ясном рассудке – внезапно, не вовремя и словно бы неожиданно».

А если времени не существует, – по крайней мере в Иерусалиме, – тогда парадоксальным образом все события происходят «здесь и сейчас». На самом деле это истинно еврейский взгляд на мир. Недаром каждому поколению предписывается ощущать себя так, как если бы оно было свидетелем дарования Торы на горе Синай. Недаром в пасхальный сейдер чтение Агоды настойчиво напоминает каждому еврею, что это он вышел из рабства в земле Египетской... И вот Срулик Шошан видит стены Иерихона в мастерской своего отца; вот отец Срулика посвящает годы своей жизни построению макета Храма, а затем годы оставшейся жизни – путешествию по градам и весям с этой моделью; и вот повзрослевший (но и взросление – обманка) Срулик планирует путешествие из Иерусалима 30-х годов XX века напрямик в Ур Халдейский, к началу человеческого времени...

Хватит. Не буду я пересказывать роман Шахара, тем более что это и невозможно. Столько событий сразу, все вперемешку, «здесь и сейчас», а любая попытка упорядочить их грозит появлением грозного Библиотекаря. Прочтите книгу сами. Уверю вас, получите огромное удовольствие.

אי עֹדֵה יִדְעֵוּנָא

ЛОЗУНГИ

Аִדְּעֵאִי אֵעָאִי אֵעֵעֵ

У отрезка туннеля, где поворот следовал за поворотом, ему начинало казаться, что белым кафельным стенам нет конца, чудилось, что он велогонщик и обречен мчаться круг за кругом по крутым стенкам велодрома до скончания века. В этом месте он всегда убыстрял шаг. В одних случаях оправданием ему служил звук приближающегося к платформе поезда, в других – он надеялся, что сочтут, будто он спешит: опасается, как бы, когда он добежит до платформы, двери не закрылись прямо перед его носом.

Случалось, – и нередко – он пытался остановиться, убеждал себя: ведь он проходил по туннелю по меньшей мере раз сто, он же знает – белая стена рано или поздно кончится. Обругав себя, он взбадривался и, когда двери лифта с долгим тяжелым вздохом раздвигались, пропускал других пассажиров вперед, не спеша следовал за ними, минуя первый поворот и даже второй, затем белая стена подавляла его, ее бесконечность ужасала, вызывала клаустрофобию, и он переходил на бег.

Когда на стене появились свастики, он ничуть не удивился. Под белым кафелем пестрела реклама – крикливая радуга из корсетов, чулок, бюстов, дымящихся пистолетов. Обычно он не обращал на них внимания: для него туннелем были пустые белые стены.

Тем не менее, на стенах с их опасным отрицанием всего и вся свастики не казались чужеродными. А когда увидел и лозунги, он подумал, что и этим жирным черным буквам здесь самое место. «Черные, убирайтесь восвояси!» гласил первый лозунг. Время от времени он исчезал, от случая к случаю его по указанию администрации смывали, но вскоре лозунг был написан снова, и до него вдруг дошло, что, пробегая по туннелю, он ищет глазами надпись: «Черные, убирайтесь восвояси!», зная, что она появится вновь и зная также, какой текст – неизбежно – последует за ней. «Жиды, убирайтесь восвояси!» Эти слова стояли у него перед глазами всякий раз, когда он выходил из лифта, мерещились ему, когда он пробежал по туннелю, но, обернувшись, он видел на стене всё то же: «Черные, убирайтесь восвояси!», а то и вовсе ничего – можно подумать, на стену, как на экран, лозунг проецирует он сам.

Однако лозунг не замедлил появиться. Он внимательно разглядывал его в затхлой теплоте туннеля, пассажиры, слышав шум приближающегося поезда, проскакивали мимо. Один-два оборачивались: любопытствовали, чего ради он здесь торчит, он вспыхивал, и они уходили. На этот раз лозунг ему не померещился. Он закрыл глаза, снова открыл – лозунг был тут. Накрыв рукой в перчатке слово «Жиды», отнял руку, гадал: а вдруг теперь будет написано «Черные», но нет, всё то же – «Жиды». Он услышал, как двери поезда закрываются, как топчут, поднимаясь по лестнице, пассажиры, повернулся и зашагал прочь так, словно торопился покинуть место преступления.

Несколько дней спустя он оказался один и в лифте, и в туннеле. Лозунг был все там же, и он попытался его стереть. Торопливо, опасаясь, что его увидят, сначала перчаткой, затем рукой, предварительно ее послонив, но лозунг не поддавался, похоже, все его усилия были тщетны: буквы чуть размазались, но не стерлись. И тут ему почудилось, будто он ведет борьбу не на жизнь, а на смерть: или он, или лозунг, и он тер отчаянно, все сильнее и сильнее, тер так, что у него начали саднить пальцы. Буквы, тем не менее, не стирались, конец этой битве положил приход поезда. Сбегая к платформе, он заметил, не вполне даже осознавая это, что поднимающиеся по лестнице пассажиры глазят на него, а уже добежав до платформы, где двери вагона закрылись прямо перед его носом, что вопрошает вслух:

– Какого черта, почему они ничего не предпринимают, какого черта, почему они бездействуют? Сейчас же поднимусь наверх, – решил он, – поговорю с этим гадом – начальником станции, спрошу его:

– Какого черта, что у вас на станции творится? Почему вы не стираете эти лозунги?

Но время шло, поезда все не было, и в его воображении начала рисоваться такая сцена: он кипятится, а начальнику станции – хоть бы хны.

– Вот как, сэр? Вас это беспокоит, сэр? Как вы сказали, ваша фамилия, сэр?

– Гольдштейн, антисемит ты паршивый, Гольдштейн.

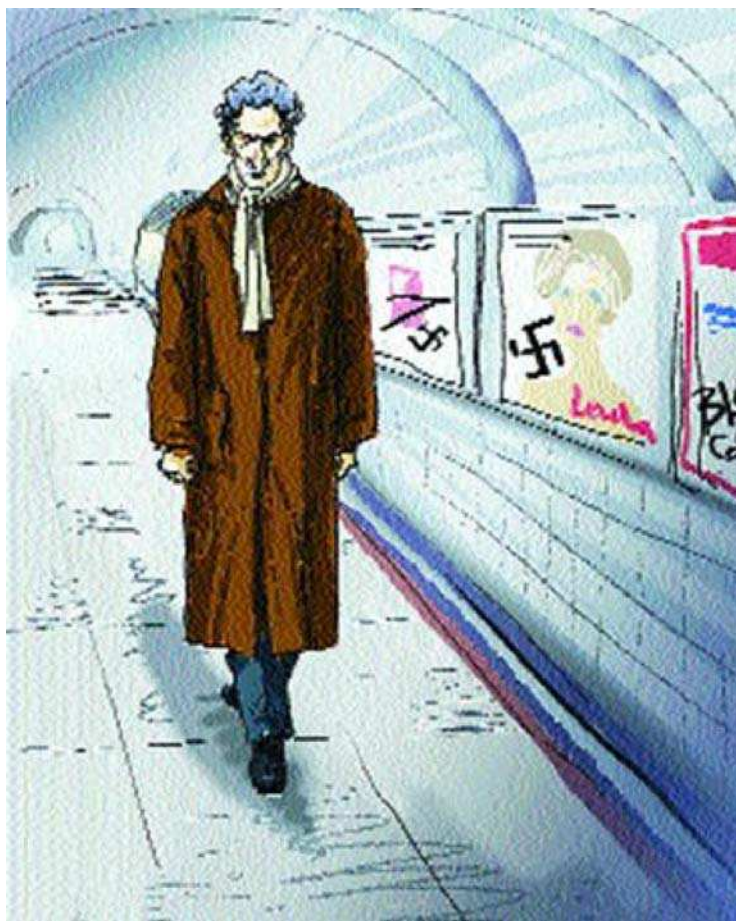
– Постараемся сделать все, что в наших силах, мистер Гольдштейн, у нас убирают станцию каждый день.

– Каждый день? Да этот лозунг красуется здесь уже неделю!

– Вы же знаете, как трудно с нашим контингентом, ну с этими вот... с цветными. Притом учтите, я ничего против них не имею.

– Как же, как же. У вас много близких друзей среди них.

За лозунгами последовали плакаты. Плакаты с теми же лозунгами – небольшие квадратики с маленькими лиловыми свастиками и лозунгами. Поначалу они гласили: «Не давайте работы черным. Цветные иммигранты отбирают работу у британцев». Их расклеивали на все подряд рекламы, которыми были обклеены стены платформы, без разбору. Поначалу он испытал облегчение, что плакаты снова направлены против негров, и устыдился. Но убрать плакаты оказалось не легче, чем лозунги. На первом из тех, что попались ему на глаза, кто-то оторвал угол, и он решил завершить это дело: скрючившись так, чтобы не было видно, чем он занимается, скоблил бумагу ногтем, но обнаружил, что ему не удастся отколупать даже свастику в левом верхнем углу.

Войдя в подошедший поезд, он стал строить догадки, где напечатали эти плакаты, ведь тот факт, что их, пусть и тайно, отпечатали в типографии, сообщал угрозе официальный статус. Лозунги на стенах можно было бы списать на какого-то психопата, но ведь некое официальное учреждение приняло их, напечатало, а, значит, не сочло бредом сумасшедшего.

Сбегая вниз в туннель, он понял, что ищет глазами третий лозунг, представлял и этот, тоже написанный жуткими черными буквами. Он был уверен, что этот тоже не замедлит появиться. «Гольдштейн, убирайся восвояси! – гласил лозунг. Прежде безличный, он перешел на личности. – Гольдштейн, убирайся восвояси!»

На какое-то время он перестал ездить на метро, добирался до работы на автобусе, но потом устыдился – это что же получается: над ним одержали верх жирный черный карандаш и несколько жалких бумажонок, – снова спустился в метро и обнаружил лозунги на прежнем месте. Мало того, их стало больше: можно подумать, они расплодилось, воспользовавшись его отсутствием. Вдобавок появились плакаты: «Уничтожим еврейский капитал!», «Черных из Англии – вон!», «Не дадим евреям захватить наши земли!».

Но ведь «у нас это невозможно»*, подумал он, ответив лозунгом на лозунг, у нас этого не могло быть. И тут же услышал отцовский голос:

– Невозможно? Еще как возможно – и у нас, и где угодно. В Германии мы точно так же говорили, что у нас это невозможно.

В Германии тоже все началось с лозунгов, уличных стычек, подпольной пропаганды.

– Люди переменялись, – рассказывал отец. – Ты знал человека не один десяток лет, и вдруг – на тебе – он стал нацистом. В 1932-м я видел, как такое происходит. Тебе всего два года минуло, когда мы уехали.

Уехали, улизнули от газовых камер и печей. И тем не менее здесь, два десятка лет спустя, на стенах появились свастики и лозунги, точно никаких газовых камер и печей и не было. Каждая свастика, каждая мерзкая бумажонка говорила «да» пыткам, гонениям, геноциду. И те типографии, которые их печатали, выказывали свое с ними согласие. Он чувствовал, как надвигается черная, беспощадная сила, мощная уже самим своим безумием, своей глухотой к сути дела, к доводам, состраданию. Параноики, говорил он себе, психопаты; озлобленная группка ущербных людишек. Ну а нацисты, разве они были не такие же, и их озлобление заразило весь народ.

Англия – это Англия, одергивал он себя, а Германия – это Германия. Но невзирая на всё эта сила существует – она сильна своим ослеплением, сильна там, где разумные, тонкие натуры с их сомнениями, их чувством вины, их самокопанием слабы, где он слаб.

Он обнаружил, что все меньше и меньше думает о лозунгах, а все больше и больше о породившей их силе. Чувствовал, что от одних мыслей о ней он невесть почему слабеет, слабеет так, что ему не одолеть сомнения, трудности, отринуть компромиссы, не устоять перед требованием полной покорности; перед забвением разума, морали, человечности.

Недавно он узнал, что у в доме неподалеку от станции метро находится их штаб-квартира, и предпринимал не слишком основательные попытки найти ее: исходил из конца в конец уродливую, убогую улочку с ее сплошными рядами типовых домишек, занюханными лавчонками, замурзанными ребятишками, играющими на мостовых. Кто-то должен взорвать этот дом, думал он, опустить пластиковую бомбу в почтовый ящик, но ему и самому было ясно, до чего же инфантильна эта мысль. Насилие лишь подстегнет их насилие; лучший способ побороть их – выказывать им пренебрежение. Кроме того, они не преминут отомстить. Психопатов ведь ничто не останавливает. И даже если прибегнуть к насилию всего раз, да и результат его будет ничтожным, последствия могут оказаться непоправимыми: удар бутылкой, велосипедной цепью, ботинком по лицу – его лицу.

Он гадал, чем они будут заниматься – украдкой выводить лозунги или наклеивать свои плакаты на рекламу, когда он их увидит. Было в них нечто бесовское: невидимые, они выползали лишь по ночам, когда станция засыпала. Но вот появилась новая партия плакатов, на них указывался номер дома, где помещалась штаб-квартира, однако прошла неделя, прежде чем он пошел посмотреть на нее. Пока ты ее не нашел, ее вроде бы не существует. А когда он ее нашел, оказалось, что это дом как дом – никакой тебе вывески, лозунгов или символики. В окне верхнего этажа – линиялые зеленые занавески, на парадной двери лупится черная краска.

Он с полчаса постоял поодаль, на тротуаре напротив, у табачной лавки. Время от времени поглядывал на часы: делал вид, что ждет девушку. В дом никто не входил, никто из него не выходил. Лишь однажды подъехал старый, синий, сундукообразный автомобиль, пофырчал, поелозил взад-вперед и в конце концов затих. Из автомобиля вылез блондинистый парень, он смотрел на блондина, неожиданно живот пронзила жгучая боль, но блондин тут же нырнул в ближний переулок.

В этом доме, думал он, его ненавидят, ненавидят, даже не зная; будь у них такая возможность, они бы его уничтожили. Он передернулся, быстро зашагал по улочке, внезапно, как бывает зимним вечером, сгустилась темнота, и он обрадовался. Должно же это чем-то закончиться – каким-то столкновением, стычкой, и в то же время его неудержимо, предательски тянуло договориться, прийти к соглашению, притом что он знал: никакое соглашение невозможно.

Вот оно, мое наследие, подумал он, нежеланное наследие – итог веков гонений, попыток умиротворить, бесполезных просьб. Не исключено, даже если он их и не видел, они его видели, узнали, взяли на заметку – и нападут, неизбежно нападут, стоит ему миновать последний поворот белокафельной стены.

И вот как-то февральским вечером он наконец увидел их. Он был один на платформе, ждал поезда, не слышно было ни звука, тишина казалась чуть ли не вещественной, густой, отдающий резиной запах был от нее неотделим. Но вот с лязгом спустился лифт, с тяжелым вздохом открылись двери, громко, ритмично затопотали по коридору ноги, раздались выкрики, рев затянувших песню голосов. И вот они уже – сколько их – пятеро, шестеро? – гурьбой сбегали по ступенькам, все в черных кожаных куртках, все молодые. Один держал красный нацистский флаг с черной свастикой в центре белого круга. Орала во все горло, похоже, набирались духу – побаивались, что им дадут отпор. Проходя мимо, воззрились на него: мол, попробуй, посмей только сунуться.

Они, не останавливаясь, промчались до дальнего края платформы, там парень с флагом стал им размахивать, остальные – неловко, карикатурно – отдавали друг другу фашистские приветствия, затем затащили марш.

– Изведем черных! – орала они. – Вышибем жидов!

И вдруг он, сам не понимая, как получилось, пошел на них, медленно-медленно, наподобие лунатика, ноги несли его помимо воли. И вот уже их разделяла всего половина платформы, теперь он лучше различал их лица. Да они же всего-навсего мальчишки, подумал он. Невежественные, глупые лица, длинные, жидкие патлы, приплюснутые носы, прыщавая кожа. Всего-навсего мальчишки.

Он хотел остановиться, но ноги не слушались. И вот их уже разделяли всего шесть метров, четыре метра, они внезапно оборвали песню, молча смотрели, как он идет к ним. «Я могу повернуть назад, – думал он, – могу повернуть назад, когда подойду к ним, разве нет?»

Он подошел к ним чуть ли не впритык, они смотрели на него молча, стояли как вкопанные – ждали. Острый конец древка был нацелен на него подобно копьё, но невзирая на это он надвигался на них – ждал, когда они прервут молчание.

Í áðááèà ñ àí äèèèèíá Ě. Ááñ àèíáà

РАББИ ШАБСАЙ-ШЕФТЛ ГОРОВИЦ

נַיִן אֵלֶּי אֲדֹנָיִם

1

Польский раввин XVII века Шабсай-Шефтл Горовиц был старшим сыном рабби Иешаи Горовица, автора знаменитого «Шело». Он родился примерно в 1600 году, в юности учился у собственного отца и был учеником известного пражского проповедника Шлоймо-Эфраима из Ленчицы. Семнадцати лет Шабсай-Шефтл женился на дочери кременецкого (впоследствии львовского) раввина Моше Харифа. У него он продолжал совершенствоваться в учении «по части» Алохи и других отраслей еврейской науки. В 1621 году, после того как отец оставил Прагу и переселился в Палестину, р. Шабсай, будучи еще, можно сказать, в «нежном возрасте», занял его место и в качестве постоянного проповедника проповедовал в синагоге «каждую субботу в течение шести лет». В 1627 году он стал раввином и рош-ешивой в баварском Фюрте – маленьком городе, который ему, по его собственным словам, «казался, однако, больше Антиохии, ибо в нем жили выдающиеся мудрецы».

В 1632 году р. Шефтл занял пост раввина и рош-ешивы во Франкфурте-на-Майне – «величайшем из городов Германии, центре, куда устремляются все». В этом городе, над которым еще витал дух его славного отца, р. Шефтл нашел «людей, проникших в глубины Алохи». «Ежедневно, в полдень, – рассказывает он, – они собираются во Франкфурте группами и кружками, с ученым во главе каждой группы; ученые толкуют им Талмуд – всякий в меру своей мудрости и своего понимания. Затем все читают кадиш ученых и бросают в кружку монету, которой радуют Б-га и людей». Раввин завел новые порядки в общинном управлении. Он учредил «раввинскую коллегию», из девяти членов – шесть действительных членов и три кандидата. Он учредил коллегию с целью, чтобы о взимании общинных налогов старшины («парнасы») давали подробный отчет перед всей общиной. Он основал «кружки, в которых должны были изучать молитвы от начала до конца года, – равно как и литургические песни и молитвы о прощении, вникая при этом в значение слов, дабы не щебетать бездумно, словно птицы». Во Франкфурте р. Шефтл поддерживал дружеские отношения с гаоном р. Меиром Шифом, автором «Маарам Шиф»; р. Шиф, по-видимому, и есть «мудрец», упоминаемый в его комментариях.

В 1643 году р. Шабсай-Шефтл был

избран раввином и общинным судьей в прекрасном городе Познань, входившем в славное и великое государство, именуемое Царством Польским. Свой переезд из Франкфурта в Познань он совершил через Амстердам. О впечатлении, которое произвела на него еврейская община в Амстердаме «золотого века», сын Иешаи Горовица рассказывает: «Я нашел там весьма незаурядных людей, среди них – много ученых. Я был в их синагогах... Видел, что дети изучают Пятикнижие от первой страницы до последней, затем проходят всю Библию, после Библии – всю Мишну и только в юношеском возрасте начинают изучать Талмуд с комментариями, развиваясь и успевая в науке. И я сокрушался оттого, что в нашей стране (Германии и Польше) не поступают так же. Дай Б-г, чтобы этот обычай распространился повсюду в Израиле. Чем плохо, если мальчик “напитается” знаниями Библии и Мишны до тринадцатилетнего возраста и лишь после этого приступит к изучению Талмуда? Ведь за один год он преуспеет больше в достижении цели – приобретении богоугодных качеств и понимании талмудических глубин, нежели при нашем способе учения за несколько лет». Правда, такие же слова р. Шефтл уже давно слышал от своего отца. Но, познакомившись в школах Амстердама с новым методом обучения на практике, он с жаром воскликнул: «Клянусь головой, если гаоны всей Земли соберутся вместе и предпишут повсеместно этот метод учения как прочное основание и закон нерушимый, – все сердца озарятся светом Торы истинной и час освобождения приблизится».

Еврейская община в Познани представляется Горовицу «венцом и красой Израиля, общиной, изобилующей людьми разума». Он распространял знание Торы через местную раввинскую школу – ешиву. Попечение об этой школе составляло главное дело его жизни; он смотрел на школу, как на «наследие отцов», которое нужно тщательно оберегать. Множество учеников съехались в ешиву к рабби Шефтлу, прослывшему великим талмудистом и образцовым наставником. Он относился к своим ученикам как товарищ. «Я исполнил, пишет р. Шефтл, заповеданное: многому научился от своих учителей, но всего более – от своих учеников». В своей книге «Вавей а-амудим» («Скрепки столбов»), он приводит вопросы учеников

и собственные ответы. Теоретические дискуссии, где на равных с ним принимали участие его ученики, побудили р. Шефтл изложить письменно свое толкование разных трактатов Талмуда.

1648 год, которого еврейские мистики ждали как года пришествия Мессии, превратился для евреев Польши в год страшных бедствий – нападения украинцев и великой резни. Р. Шефтл, духовный пастырь одной из главных общин Польши, лично переживший все ужасы того смутного времени, нарисовал кровью сердца картину бедствий в сочиненных им молитвах о прощении – «слихойс». Он, подобно другим, ожидавший в 1648 году полного освобождения еврейского народа («Я в сердце... своем думал в 5408 году выйти на свободу»), после обрушившихся на страну бедствий плачет и скорбит: «Глаза мои истекают слезами, я рыдаю над жестокой гибелью тех, кто прославлял единство Б-жье дважды в день». «Обрекали евреев на страшную смерть, которой нет подобия в прошлом... Бросали их живыми в могилы... Истребили столько замечательных гаонов, погубили бесчисленное множество народу, взрослых и детей, и груды тел их валялись, как навоз в поле». Его сердце разрывается при виде «разрушенных синагог, растерзанных свитков Торы и разорванных священных книг». Причину этих бедствий р. Шефтл усматривает в том, что люди «отвернулись от заповедей и от Торы, дающей жизнь», и взывает к своему народу: «Вернись, Израиль, к Г-споду Б-гу твоему! Хотя ты и многогрешен, но милостив Б-г и не покарает тебя более, ибо Он твой удел и твое наследие». Он обращается с мольбой к Г-споду: «Спаситель мой! Вспомни свои муки и страдания... Отец наш, Царь наш! Сотри в великой милости Твоей список грехов наших и дай нам отпущение»...

Бедствия народа и поругание святынь, горе еврейства и «горе Шхины» разбили его сердце. В сочиненной им успокоительной молитве о мучениках р. Шефтл обращается к Б-гу с призывом о милости к разгромленной нации и о мести мучителям: «Б-же милостивый, упокой в сени крыльев Шхины, рядом со святыми и чистыми, как свет небесный сияющими, души мучеников невинных, милых и праведных, убитых в Немирове и окрестностях за освящение Всемогущего Имени. Равно как и души убитых из прочих общин Царства Польского, кровь которых лилась рекой. Губил их меч на улице и ужас в домах; мужчины и женщины, юноши и девушки, как овцы, подставляли шею (под нож), не желая спасти свою жизнь согласием служить чужим богам. Жестоким смертям подвергали их свирепые: убивали, резали, топили и хоронили живыми. Среди замученных – гаоны, главы ешив и учителя, осветившие своим светом народ... Над освятившими Единое Имя общинами, разоренными в это время в Царстве Польском, горько плачут плакальщики, плачут над растерзанными священными книгами и свитками Торы, из которых враги изготовляли сандалии».

Чтобы поднять дух народа, укрепить его в вере и смиренном ожидании Мессии, р. Шабсай-Шефтл решил издать книгу своего отца «Две скрижали завета» (Амстердам, 1653), этот кодекс аскетической морали, призванный подготовить людей к скорому «концу времен», мессианскому веку. К «Двум скрижелям завета» он присоединил собственное сочинение («Скрепки столбов»), но по чрезвычайной своей скромности назвал его «предисловием» к труду отца. «Это не самостоятельная книга, пишет р. Шефтл, которая могла бы носить мое имя, а только прибавление к сочинению моего отца, да будет блаженна его память». Заглавие книги объясняется тем, что автор утверждает свою систему на шести основных принципах, или «столбах»: на Торе, Б-гослужении, благотворении, законе, справедливости, мире. На этих «столбах» держится мир Б-жий, на них и должен человек строить свое духовное здание, ибо только с их помощью можно прочно стоять на ногах и достичь впоследствии вечного бытия. Р. Шефтл следовал тут примеру своего учителя Шлоймо-Эфраима, который в таком же духе написал книгу («Мраморные столбы», или «Шесть столбов»). Он считает нужным оправдаться за то, что дерзнул написать книгу: «Признаюсь, я боялся погружаться в вопросы морали, провозглашать свое о них мнение, ибо что я и что моя сила? Я боялся, ибо наг я. Мне ли дополнять слова святого отца моего, блаженной памяти, основанные на науке и законах нравственности, или же слова моего деда, Б-жественного мужа, собравшего, а также самостоятельно сочинившего много нравоучительных книг, известных ныне во всем свете?» Писания отца и деда были для автора святы, и в своем завещании детям он велит изучать и соблюдать изложенные там правила поведения. Он советует всем читать книгу «Шело», «полную мудрости, знания и Б-гобоязненности». Восхищенный словами отца р. Шефтл восклицает: «Блажен глаз, видящий их прелесть! В них радость и восторг души!»

Кроме этой книги, Ш. Горовиц сочинил толкования к разным трактатам Талмуда и большое произведение «по части запретного и дозволенного». То и другое до сих пор не напечатано. В последней вещи, равно как и в остальных своих алохических трудах, автор остался «верным слугой великого учителя, Йосефа Каро, свет которого нас озаряет». «Я могу, пишет р. Шефтл относительно Й. Каро, объяснить абсолютно все, что последующие авторы пытаются у него опровергнуть».

Вследствие бедствий, обрушившихся на польское еврейство в 1648 году, жизнь евреев в стране стала невыносимой. Катастрофа произвела великие опустошения в еврейской жизни. Многие из тех, что остались в живых, переселились в другие страны, надеясь обрести там покой и обеспеченное существование. В 1654 году р. Шефтл оставил свою любимую Познань и занял пост раввина в Вене,

заместив, таким образом р. Файвуша, уехавшего в Палестину. Положение евреев в Вене с началом царствования Леопольда I во многом улучшилось. Вена сделалась убежищем для многих из тех, кто спасался бегством из Польши. Среди беглецов были, в частности, знаменитый раввин Гешл из Кракова, не менее известный Йона Тумим... Столица Австрии стала на короткое время крупным еврейским центром, откуда, как говорили, «распространялось учение». Р. Шефтл по праву назвал Вену «городом многолюдным и многоученным». В Польше после переворота осталось немало «агун» – несчастных жен, мужа которых бесследно пропали; женщины обращались к авторитетным раввинам Вены, и р. Шефтл был одним из тех, кто облегчал им вступление в новый брак. Не долго, однако, жил р. Шефтл в Вене. В 1660 году, 28 нисана, он скончался. Почти сорок лет он имел большое влияние на соплеменников в качестве проповедника, раввина и ректора раввинских школ.

Его надгробье украшала надпись, говорящая о популярности почившего, о любви к нему и неисчезающей памяти, о его таланте и добрых делах. Речь о литературных свершениях р. Шефтла пойдет ниже.

Дед и отец, Авроом и Иешая Горовицы, каждый по-своему определили его личность. От деда он унаследовал высокую нравственность, от отца – преданность тайнствам кабалы. Не то чтобы он прибавил нечто весьма существенное к наследию предков, но он нередко умел углубить их мысль, умел выразить ее более ярко и энергично, с большим чувством. Он отличался повышенной экспансивностью.

Подобно отцу р. Шефтл старается внести эмоции в формализованный раввинский иудаизм, в застывшее царство нерушимых законов. Он, конечно, не восстает против самого религиозного закона – напротив, требует неукоснительного исполнения его до мельчайших подробностей; но вместе с тем жаждет проникнуть в душу закона, в нравственные его истоки, в сокровенный этический дух.

Господство раввинской науки, Торы остается для Шефтла Горовица незыблемым. «За грехи наши, пишет он, мы так низко пали в нашем горьком голусе, что если бы не Тора – наша радость, мы бы просто погибли. А потому каждый еврей должен заниматься изучением Торы и, если он деловой человек, назначить себе для этого определенный час среди дня и собрать около себя группу других учащихся». Тору, «принадлежащую исключительно Израиллю, а не другим народам», следует, по его мнению, изучать в покорности и смирении душевном, ибо «слова ее укореняются только в душе послушных».

Изучение Талмуда с комментарием «Тойсфойс», полагает он, «так же обязательно, как надевание филактерий». Рабби Шефтл убежден: «человек, сведущий в Мишне, не увидит ада». Но он, подобно отцу, противник всяческой казуистики. Он восстает против тех, «что хотят провести верблюда сквозь игольное ушко и слишком много занимаются словопрениями... Причем, отвечающий зачастую не понимает спрашивающего, а спрашивающий – отвечающего. В раздражении спорщики доходят до взаимных упреков и, окончательно разгорячившись, прибегают к выражениям, недостойным мудрецов: скажем, спрашивающий обзывает отвечающего невеждой и глупцом. Или наоборот. Да сомкнется рот говорящего грубости!» Далее р. Шефтл ополчается на «гомилетиков, что, кичась своим знанием кодексов “Турим” и “Поским”, иной раз решают вопросы, связанные с законодательством, неверно». «Закон, бесспорно, правилен в надлежащих обстоятельствах; но за их пределами он может быть истолкован не так, как требует истина. Тогда Тора облекается в траур и, пристыженная, восстает против подобной “науки”». «Перед вами бескрайняя даль, говорит р. Шефтл, Талмуды вавилонский и иерусалимский, Сифра, Сифри, Мехилта, Танхума, Шохар-Тов, Песикта. Вот фундаменты, на которых можно построить прочное здание. Не достаточно ли они солидны, чтобы опираться на них, как делали в старину?» р. Шефтл, требующий изучения Торы в смирении, восстает против авторов, полемизирующих со старыми учеными и употребляющих при этом резкие выражения. Пусть одновременно они и пользуются цитатами из Талмуда. «Ведь мы, объясняет рабби, все, славу Б-гу, мудрые и разумные, все мы знаем Тору и имеем возможность разобраться, где правда; к чему же эта ярость, изливающаяся на бумаге, эти злобные упреки?»

Приобретя достаточные познания в Талмуде и раввинских кодексах, человек должен изучать «мудрость кабалы». Она – корень и цель всего, «ибо человек, не изучивший этой мудрости, не может быть Б-гобязанным». Подобно отцу, р. Шефтл ставит кабалистов выше алохистов. «Блажен тот, кто удостоивается узреть прелесть Б-га и посетит Его великолепный храм!» Он осуждает тех, «которые не желают войти в Сад Таинств и изучать мудрость кабалы, говоря: сокровенное у Б-га нашего, а нам – явное и открытое». «Эти люди, продолжает он, не удостоятся той высоты духа, какая дается изучающим таинства Торы. И если бы человек изучил даже всю Алоху, мидраши и агоды, он все же не удостоится подобной души» (как у кабалистов).

Но он не довольствуется явной и тайной теориями. «Одного изучения Торы, говорит р. Шефтл, недостаточно. Следует ступать по пятам Б-га, исполнять Его заветы». Только действием, Б-гослужением, можно слиться со Всевышним. Это служение двоякое: 1) служение посредством исполнения законов и обрядов и 2) служение доброй, нравственной жизнью. Среди обрядов он особо выделяет молитву. Во время молитвы следует «очистить свою душу от материального». «В эпоху существования Храма человек согрешивший отправлялся в Храм для покаяния, молитвы и принесения жертвы; когда же наступало время перейти в иной мир, где изначально была его обитель, он умирал в святости и чистоте. Но с тех пор как изгнанные из нашей страны мы лишились всего этого, мы насквозь прониклись нечестью, нет праведника, свободного от греха. Мы запятнаны грехом и утопаем в преступлениях... Но где же овца для жертвы? Ведь нет у нас ни жертв всеожожения и искупления, ни Храма, ни окропления, – и кто заступится за нас в день горя и искупит наши грехи, кто спасет нас в день Суда? Как хорош поэтому удел наш и как блаженны мы, что можем молиться утром и вечером!.. Покаяние уст в молитве – вот наше утешение».

Р. Шефтл негодует против людей, смущающих в синагоге молящихся. «Доколе это будет нам помехой, и нельзя ли запретить народу беседу в синагоге? Следовало бы, чтобы каждая община, в которую проникают слово и закон Царя Мира, поставила людей для надзора, и те карали бы и стыдили болтающих публично невесть что. Этим мы окажем честь Б-гу на земле, а весь народ услышит и убоится, удержит свой язык в синагоге от всякой будничной и праздной беседы». Он восстает не только против житейской, но и религиозной беседы во время молитвы, против изучения Талмуда в час молитвы, ибо «время Торы само по себе, время молитвы само по себе».

В разделе о служении Б-гу посредством нравственной жизни р. Шефтл повторяет слова деда и отца. Он требует от человека безупречной нравственной чистоты и щедрой благотворительности. «Следует оказывать помощь (нуждающимся) даже в том случае, если рискуешь потерей денег, даже с опасностью для жизни». Склонность к благотворительности есть один из «столпов» иудаизма, одно из трех важных свойств еврейского народа – наряду с чувствами сострадания и стыдливости. Милостыню бедным надо давать от чистого сердца, радостно и дружелюбно. «Хотя в настоящее время и имеются благотворители, но часто благодеяние совершается вынужденно и оттого с недоброжелательством». Следует отдавать бедным десятую часть прибыли. «Хвалю я немецких евреев, пишет р. Шефтл, отдающих десятую часть своих денег и тщательно оберегающих этот обычай. Он-то и способствовал тому, что их благосостояние переходит из рода в род».

Нужно избегать гнева и ссоры. «Кто изобразит всю красу человека, старающегося водворить мир между людьми! Тем более важен мир между супругами». Следует всеми силами избегать лжи и даже тени лжи. «Блажен человек, придерживающийся правды и не произносящей лживого слова. Это спасет его от всех грехов». Да и не только в речи – «даже в глубине сердца да будет правда, хоть сердце и сокрыто от людей». Ложь «гнуснее всех других пороков». Р. Шефтл жалуется на многих своих современников, пренебрегающих этой заповедью. «Стыдно нам, ибо мир наш назван миром лжи... Ведь есть четыре стихии (минералы, растения, животные, человек). И человек превосходит три остальные способностью говорить; если же он нарушает свое слово или извращает его ложью и лестью, чем он отличается тогда от животного, вообще не говорящего?» Р. Шефтл осуждает свое поколение за то, что именно лживые люди в нем пользуются почетом и уважением. «Видел я отвратительное, негодует он, видел, как человека, идущего по скользкому пути (обмана), называют ловким и умным. Я поражаюсь: разве потому, что он хитер и ловко обманывает, можно называть его умным? Ведь он не что иное, как негодяй, проходимец, и люди должны остерегаться его... Сторонитесь же этих нечестивцев и руководствуйтесь правдою, дабы знать и провозглашать, что Б-г един и печать Его – правда!»

***«Çà àààè íàèè, - íèøàò ð Øààíè, - í ù òàé íèçèí í'àèè á íàøàí
àðüèí àëüíí, ÷òí àíèè áú íá Øíðà - íàøà ðààííòü, í ù áú íðííòí
í íàéè. Á í íòíí ó èàæáüé ààðé àíèæáí çàí èí àòüíý èçó:áí èáí Øíðü...».***

Со словами укора Ш. Горовиц обращается к тем, «которые ропщут на Промысел Б-жий, говоря: “Прошлое было лучше настоящего, полного горя и бедствий и не принесшего спасения; а ведь мы служим Б-гу нашему, преданы Его Торе, придерживаемся Его веры и исполняем Его заветы! Почему же Б-г допускает, чтобы мы были изгнаны из Его дома? Почему не пришел еще Мессия?”» Так же жаловались современники пророка Иеремии. И, подобно Иеремии, р. Шефтл возражает: «Вы спрашиваете, почему не пришел Мессия, а Шхина спрашивает, почему вы преступаете заветы Царя, благословенного Царя мира. Ибо заповеди мы исполняем механически, а не по побуждению сердца и вдохновению души. В синагоге мы стоим, как человек, спящий в Антиохии и видящий сон об Испании; стоим, иными словами, в доме Б-жьем, а мысль витает где-то на площадях и улицах. Учение Торы смешано с пустопорожней мыслью. А сколько у

нас беспричинной вражды, недоброжелательства и злословия! Вот люди – сидят вместе, пируют... и жалят при этом друг друга своими языками. Что им в том пользы? Одна злость, одна зависть руководит ими. Стоит человеку чем-либо отличиться, и он сейчас же подвергается оскорблениям и мирским пересудам. Вот почему длится наш голус, и бедствия прошли над головой нашей. Горе нам, грешным! Злой помысел не отступит от нас, пока Б-гу не угодно будет стереть наши грехи, пока Он не смилостивится над нами и не пошлет нам утешителя». Так р. Шефтл порицает своих современников. Как пророк он бичует свое поколение. Все эти заповеди и законы, будь они даже исполнены с тщательностью, заботливостью, ничего не стоят, если нет искреннего нравственного чувства. Невозможно провести грань между обрядами и моралью, и если последняя отсутствует, человек, даже строго исполняющий все законы, должен числиться среди недостойных.

Раввин-правдолюбец резко обличает карьеристов, позорящих еврейское духовенство. «Поговорю, дабы мне легче стало, об одном горьком явлении, замеченном мною. Горе глазам, видящим это, горе ушам, это слышащим! Б-г знает, что я думаю не о себе, ибо я, слава Б-гу, удостоился высокого положения и поставлен на пост раввина в величайших общинах, – не по собственной заслуге, а по заслугам отцов. Я являюсь тут только ревнителем Б-га. Ибо я видел рабов, скачущих верхом, а господ, плетущихся пешком, подобно рабам. Сколько у нас гаонов, меченных познаниями, умом и добродетелью, – и никто не обращает на них внимания; они заброшены, никто им не предлагает управления (общиною), и их мудрость посрамлена, унижена. А люди, оглушающие дома и улицы своим пустословием, умеют с помощью денег и услуг разных посредников отталкивать других и действовать ради себя... Об этом времени сказано: горе поколению, судящему своих судей!.. Случается, обедневшие общины предпочитают взять раввина, у которого богатство, и оставляют в стороне людей добродетельных и благородных, потому что те бедны». Так р. Шефтл, подобно отцу, восстает против достижения раввинского поста с помощью денег. Он восхваляет «великих гаонов Польши», предавших анафеме частных лиц и представителей обществ, что дают и получают деньги (лично или через посредников) за предоставление раввинских мест. Но ему приходится согласиться с тем печальным фактом, что многие не подчиняются этому постановлению и, «нарушая анафему и клятвы, сбивают людей с пути». Подобно отцу, р. Шефтл осуждает получение раввином платы за разбор тяжб. «Ни один благородный человек не взимает плату за решение дела, ибо это гнусно в глазах Б-га и людей и это повод для постыдной молвы о судьях». Долг общины, по его убеждению, – содержать своих судей и ученых, дабы те не были вынуждены получать вознаграждение за деятельность, которой обязаны заниматься безвозмездно.

3

По примеру своего отца и деда р. Шефтл написал завещание детям и приказал им хранить «сию тетрадь», однако разрешил давать ее всякому, желающему списать текст, «ибо она содержит нравственную проповедь и жизненные истины».

Начинает он завещание с того, что рассказывает детям свою родословную. Это объясняется важным соображением. «Как известно, в страшные дни избиения евреев 5408 (1648) года, ничем не уступающие ужасным временам разрушения обоих Храмов, произошло большое смещение людей. То, что мудрецы того времени могли установить, ими было сделано, а то, чего нельзя было выяснить, осталось в неясности. Можно поэтому опасаться, что по мере движения жизни люди будут пятнать друг друга подозрениями в том, что тот, мол, или этот произошел от чужого семени. Поэтому каждый еврей, живший в пору избиения, обязан составить родословную для своих детей и внуков. Как доказательство».

Завещание р. Шефтла Горовица содержит, главным образом, свод нравственных установлений. «Следите тщательно за честным ведением дел и соблюдайте, ради Б-га, правило отдачи десятой части своих доходов на нужды бедных, не освобождая себя вместе с тем от благотворительности». «Гнев – источник скверны. Единственный его результат – вред здоровью. Все поступки человека в гневе глупы и сумасбродны. Остерегайтесь гнева; не вредите своему телу, тем более – своей душе... Будьте приветливы с людьми. Высокомерие – дурное свойство, причиняющее человеку зло». «Далее предостерегаю вас от ссоры. Сторонитесь ее, ибо она гнусна. Ссора – зло, губящее душу, тело и деньги. Она приносит гибель миру. Я в течение своей жизни успел убедиться, что люди, живущие в обстановке вечных раздоров, обречены на многие бедствия, которых тут не исчислить. Если сказанное верно по отношению к отдельной личности, то тем более неотменимо оно по отношению к целому обществу. Не восставайте против общества, ибо право всегда на стороне большинства. Если вам покажется, что общество притесняет вас, то излагайте свои претензии спокойно и смиренно, не поднимая голоса, ибо Б-г присутствует в толпе. Если вы пожелаете содержать ешиву, а общество воспротивится этому, то отстаивайте свое право – сначала мягко, а затем и решительно, излагайте свою жалобу публично и объясняйте, что это отцовский завет. Если же несмотря на все общество не примет ваших слов к сведению, поступайте, как найдете нужным, так как этот спор

происходит во имя Б-га, который будет вам в помощь, и вы преуспеете. Также я вам завещаю не ссориться со своими женами, ибо жена – половина вашей плоти, а всякое сочетание совершается по воле Неба. Следите за тем, чтобы Шхина витала в вашем доме, дабы удостоиться Б-гобязанного потомства. Если жена слишком требовательна, скажите ей мягко: “Милая, что мне делать? Я больше не могу; или ты хочешь, чтобы я, упаси Б-г, крал и грабил?” Нет сомнения, что жена отступится». Обращаясь к женщинам, р. Шефтл говорит: «Вы, дочери и невестки мои, равно как и ваши дочери и внуки! Не лишайте своих мужей почета и большой любви и не причиняйте им неприятностей. Если мужья рассердятся, удаляйтесь из дому, но, когда пройдет гнев, укоряйте их и напоминайте им о моем завещании». Аскетической моралью проникнуты строки, касающиеся отношений между полами. «Далее я вам завещаю сторониться блуда – и да будете святы. Не беседуйте с женщинами. В случае необходимости говорите поспешно и не уделяйте им внимания: пусть они уподобятся в ваших глазах белым гусям. Блажен человек, их избегающий! Тем более нельзя танцевать с женщинами, не только держась за руки, из чего несомненно вытекает зло, но и вообще двигаться с ними взад и вперед, ибо сатана прыгает вокруг них. Во имя Б-га Израиля избегайте всего этого; помните Б-га и будете святы».

«I ũ çaiyòíáíú ããõñì è óòííààì á ì ðãñòõíèáíèyõ... Í î ããá æá íãõà æëy æãðòáú? Áããü íãò ó íãñ íè æãðòá ãññææáíèy è èñèõíèáíèy, íè Õðàì à, íè íèðñíèáíèy, – è èòí çãñòõíèèðñy çà íãñ á äáíú ãõðy è èñèõíèèò íãøè ãñãè, èòí ñãñòò íãñ á äáíú Ñóãã? Èãè õíðñè ìíyòíì ó óããè íãø è èãè æèãæáííú ì ú, ÷òí ì íæáì ì íèèèòññy óòðñì è ãã:ãðñì !.. Í íèãyíèá ðñò á ì íèèèòãã – ãñò íãøá óòãøáíèè».

В завещании имеется также ряд предписаний гигиенических. Нужно избегать всяких излишеств, в особенности пьянства, которое «влечет за собою всякие грехи и бедствия». «Горе, горе! – говорю я о пьянствующем; горе ему и горе душе его! Всячески старайтесь смыть с себя этот позор».

Далее р. Шефтл завещает детям изучать Тору как самоцель, а не из каких-либо посторонних побуждений. Он советует учить Талмуд вместе с комментарием «Гойсфойс», упражняться в Мишне, постоянно повторять Шулхан Орух, знать Библию с комментарием Раши и обращать внимание на пунктуацию, ибо «перестановка одной точки разрушает миры». Пятикнижие следует учить каждый год с новым комментарием: в этом году с «Мизрахи», в следующем – с «Гур-Ария» и т. д. «Комментарий Рамбана очень важен». «Ко всякому сборищу людей, ведущих беседы о Торе, будь то на улице или в синагоге, направляйтесь и вы. Высказывайте свое мнение, тщательно подумав... Во время спора не говорите своим товарищам ругательных слов, вроде “невежды” и т. п. Если же кто-то упрям и спорит с вами не во имя Б-га, скажите ему: “Ты не знаешь”, или: “Не понимаешь”, или: “Оставь”, но не больше. Блажен, кто оберегает свои уста от недостойных выражений! В публичных проповедях будьте кратки. Каждая проповедь должна содержать какое-нибудь нравоучение, ибо оно-то и составляет суть и цель проповеди. Упаси вас Б-г упомянуть в своих речах какого-либо человека, согрешившего перед вами. Обобщайте все недостатки времени, подымите ваш голос подобно трубному звуку и уличайте в грехах, но лишь намеками и в смирении душевном».

Для обучения детей рекомендуется следующая программа: сначала надо пройти библейскую книгу «Ваикро», а после нее – от Бытия до самого конца. Из Мишны всего важнее отделы «Моэд» и «Незикин»; лишь по изучении их следует приступить к Талмуду. «Обучайте детей также грамматике, – говорит р. Шефтл, – чтобы они знали элементарные правила. А после того как вы насытитесь Талмудом и кодексами, я вам предписываю изучать мудрость кабалы, ибо без нее нельзя быть Б-гобязанным».

Как р. Иешая, так и р. Шефтл Горовиц много содействовали распространению луринской кабалы в Польше. Они были из первых, подготовивших там почву для позднейшего религиозно-мистического движения: хасидизма.

«Адаи́еяý ñòãðéíà», 1914 ãã

ЧАША ПРОРОКА

(Пасхальная легенда)

Nai ai Oda

*A eçáoeá aáoðíé è íá: aëúú íé,
Ní aëáí íé daáínoúß pëáú
Çà ñáoéíé oðáí açíé í aññáëúú íé,
Ní ðí ñéí éðíò éíá aëòú:
- «Éíí ó íò aó, aíëúoqr ÷ aóó
áí éðáú í aëéé oú aëííí?»
- «B aínoú æ aó á eçáoeó í aóó
Náaíú, á ñí daéá íí: ííí,
Éíáá í aá ñúúeí í éðíí áðíáúò
Aëááí úú ñéaçíé è ÷ óááí
Áíí à Èçðáeéú í aóí aëò
Í ðí ðí é Èëúú - í í ñé í áááí
Í aññáëúú úé ñò í é aëááí ñé í aëúú aó
È á eáæáííí áíí á ÷ áðááí é
Íò ýóíé ÷ aóé í oí é áááò
Í í eáí éá...»
Í í aínoú è ñáúò í é
Çáááò í í á í eíí í ÷ é á ÷ o á í úú
Èç çà ñò í é á aínoú aáo ñáí úú, -
È áí í ðí o aáo á óáé aëáí úé
Í aëpò eá: «Ááá æ í ðí ðí é Èëúú?»
- Aëòú í í á! Í açðeí úé í áí é
- Náúò í é í ðí ðí é ñpáá aóí aëé
È í ðeéííí óéñú í í aínoú àí é*

*Áí yòíé ÷àøé... Áà, íí áúé,
Íí áúé ó í àñ.. Êíãà á í á ñèà
Æèáí ò áí ðýù è ò úñ ò áñ, -
Áè ò ý, ààáí í áú í ññèøø è èà
Áøøá í áñíàà í í áñ
Í áí ò ðàçèí í ð í ò ðàáíé
Òà ÷àøà ñèí ðàè è í áèä
Êí ò í ðíé í áñ ðéíé è ðí ááíé
Ñóáúáá ñò í é à ò ú ý ì è í í è ò...*

***

*Çà íí ÷ í ð íí ÷ ù.. Í á ÷ ò ú è ò áí è...
Ðýáú çááú ò ò ò í í é í áí é é...
È ñ è ò ò í é í áí á ý çáí è ý,
È í áí ú ñááú á á é í á í á..
Í, áá á á á á ò ò, í á ø Í á ñ è ý,*

Посол небес, пророк Илья?..

«Восход», март 1896 года

ПРАЗДНИК ИСХОДА

Давид Бутовецкий

Nāṯāī āāī,

nāī āī āāī,

nāī āī āāī !..

Çà i òāçāī è : í úi yòèi nò léíí

B Á-ā è Í áó óāāī

È āōi āp āī íāī í áúēíí .

Í óāā, èòí í á āñò àè í á èí éāí è,

Í óāā, ÷òí áðāēè í í í āñēāí,

Èòí, í ēā : ā, óí āè í á nò óí āí è,

Í áçðēí í āñōí ē á ā ðāí .

Òāí ðp ý nāyò ðp í í ēè ò āí

Á-æāñò āāí í úé í í í ý èñò í é

Āí ò í āí è è í è ðā, è é á è ò āí

B āæāp í áðāí è āēí ò í é

Ā nēāí ðp, á ā ðāē ðp āí āó

È ā ðò í ò āēí nēāēā í éóí óē,

Í ò ðēí óē í ò óí á í āñí āí āó

Í í āí è āñí á ò nēí é āē.

Ā óōí ðí ò ā ðó āí èí āēí,

×ó ò ú nēú ðí í í ó è çā ē ē āēā,

È nē ý óāā è è ç á í ē āēā,

È ā ðāā è í nē ó ē āñí ðó ēā

ЦОДИК ЦЫПКИН, ПРИКАЗЧИК Б-ГА

Аֲדֹנָיִם עַיִן יָאֵר:

Никто в Йонаве не ожидал, что наш разборчивый и всевидящий Господь Б-г, устраивающий на небесах все замужества и женитьбы, соединит под свадебной хупой дочь сапожника Шимона – Рохл и сына его вечного конкурента, незлобивога, чахоточного Мендла – тихоню Довида. Довид был добродушный увалень с рыжеватой бородкой клинышком, смахивавшей на пучок увядшего укропа; Рохл же, которую в местечке в отличие от праматери евреев по-простецки звали Рохца-Пожар, была дородной, шумной девахой, наводившей страх на своих сверстников не только громовым, граммофонным голосом, но и крепкими кулаками. Рохца-Пожар иногда их пускала в ход, защищая свою девичью честь от посягательств слишком бойких и настойчивых кавалеров, норовивших в первый же вечер залезть ей под юбку, и в острastку оставляла на их лицах свои назидательные метки в виде ссадин или синяков под глазом. Озорная и шумливая Рохл ни по росту, ни по годам не подходила низкорослому и стеснительному Довиду, которого даже штаны и борода не делали мужчиной, и не было в Йонаве человека, кому могло бы прийти в голову, что когда-нибудь Рохл и Довид сыграют свадьбу и станут мужем и женой.

Но, видно, так уж у евреев от века повелось, что среди уймы малOVERов всегда отыщется какой-нибудь Моисей, который придет и скажет: «Эй вы, ленивцы и лежебоки! Следуйте за мной, и я вас напрямик приведу в землю Ханаанскую, которая течет молоком и медом».

Нашелся такой смельчак и в Йонаве – знаменитый сват Цодик Цыпкин по прозвищу «приказчик Б-га». Цодик Цыпкин, правда, за свою долгую и сумбурную жизнь никого ни напрямик, ни окольными путями в землю Ханаанскую не привел, но зато под хупу привел полместечка.

Люди диву давались, как хромоногую Цодику удавалось сводить под одну крышу даже тех, кто не то чтобы в пару – в соседи не годился. Слава об удачливом йонавском свате, как ветер, разгуливая по всей Литве и даже по Белоруссии и Латвии, овеяла надеждами истосковавшиеся по супружеской ласке сердца. Цыпкин выдавал замуж и женил самых безнадежных клиентов – старых дев, которые, оберегая свои соты, на веки вечные позаколачивали, как он шутил, ульи, дарованные им Господом, и закоренелых холостяков, которые обросли ленью, как яловые пни мхом. Сватал Цыпкин не корысти ради, а ради библейской заповеди «пру у-рву» – «плодитесь и размножайтесь». Чем больше на свете евреев, уверял он, тем лучше... Если в каждую еврейскую постель уложить пару, которая, вместо того чтобы считать всю ночь звезды на небе, будет прилежно заниматься необременительным и б-гоугодным делом совокупления, иудеев в мире станет столько, сколько русских и китайцев, и тогда мы залезем в карман, вытащим оттуда руку и всем врагам Израйля покажем вот такую дулю.

И Цодик Цыпкин в подтверждение своих слов показывал воображаемым полчищам русских и китайцев тощую, сложенную из трех заскорюзлых пальцев фигу.

После свадьбы своих чад довольные родители расплачивались с Цыпкиным не золотом и не серебром, а плодами своего повседневного труда – портной даром шил ему одежду, сапожник чинил ботинки, балагула возил в Кейдайнай или в Ковно, а, бывало, и в Слуцк или в Елгаву. Когда Цодика спрашивали, в чем секрет его невиданных успехов на многотрудной ниве сватовства, он, блистая адвокатским красноречием, на полном серьезе отвечал:

– Из-за страшной занятости нашего Всемогущего и Всемиловейшего Б-га, без чьей воли не совершается ни одно бракосочетание на земле, Ему некогда устраивать каждое в отдельности. Он же не наш местечковый раввин Гедалье, успевающий повсюду – и на обрезание, и на бар-мицву, и на поминки. Чтобы как-то облегчить свое бремя, Г-сподь и надумал во всех еврейских городах и местечках назначить своих уполномоченных. В Йонаве Всевышний соблаговолил остановить свой выбор на мне – на Цодике Цыпкине. С тех пор и служу у Него как бы приказчиком. Верчусь-кручусь, ищу охотников брачеваться, сортирую их по возрасту и полу, расфасовываю по парам, уговариваю упрямец. А хозяин – Отец небесный – следит за каждым моим шагом и в случае удачи тут же шлет мне с горних высей депешу – так, мол, и так: ступай, Цодик, к молодоженам и к их родне и передай им пожалуйста, мой «Мазл тов», – мое благословение. Ну я ноги в руки и мчусь как угорелый выполнять Его просьбу... Прихожу к кому-нибудь в дом и с порога бросаю: «Здравствуйте, дорогие еврей! Меня к вам послал сам Г-сподь Б-г! У Него есть жених для вашей дочки или невеста для вашего сына».

С такой благой вестью от Вседержителя однажды и появился Цодик Цыпкин к отцу Довида – сапожнику Мендлу, который жил на самом людном месте в Йонаве – напротив синагоги. От весны до глубокой осени в погожие дни Мендл трудился не в душной, пропахшей селедкой и вареными бобами хате, а на виду у всех, на улице, куда выносил все свои сапожничьи принадлежности – колодку, табурет, железную лапу, деревянные ящички с клеем и шпильками; в три ряда, по ранжиру, выстраивал на тротуаре обувь, принесенную в починку, и, вдыхая дырявой, обугленной чахоткой грудью свежий воздух, принимался колдовать над чьими-то рваными штиблетами, туфлями и сапогами. Мастером он был отменным, со свойственными всем умельцам чудачествами и странностями. От других чеботарей он отличался тем, что никогда не называл цену, обычно ждал, когда заказчик предложит свою, чинил все дешево и быстро, навлекая на себя гнев своей скаредной и неуступчивой жены Ханы-Леи, которая частенько вмешивалась в его переговоры с заказчиками и, не сдерживаясь, в их присутствии высоким фальцетом восклицала: «Мой Менделе ошибся, он хороший сапожник, но со счетом у него с детства нелады: муж хотел сказать, что подобьет вам подметки за пятьдесят, а сказал за тридцать. Правильно я тебя, Менделе, поняла – за пятьдесят?»

И бедный Мендл, стиснув зубы, кивал своей лысой головой. Странности его проявлялись и в том, что предпочитал он изъясняться с заказчиками, с женой и детьми (а их, кроме Довида, было еще пять душ – четыре девочки и один мальчик) только кивками и жестами, перемежаемыми глухим и невнятным бормотаньем. И не потому, что был, не дай Б-г, глухонемым, а потому, что не терпел пагубного многословья и считал его причиной большинства еврейских бед. К словам он вообще испытывал смутное, но стойкое отвращение. Его мутило от чрезмерной говорливости Ханы-Леи, всегда употреблявшей слова с воинственностью и раздражительностью, словно они, эти слова, были созданы только для того, чтобы кого-то уколоть, уязвить, поучить. В свое молчание Мендл прятал от людей что-то хрупкое и сокровенное, кутаясь в него, как в старый кожух, от тоски и печали, от домашних и уличных свар, радуясь, что сын Довид уродился в него, а не в трещотку Хану-Лею.

– Шолом-алеихем, реб Мендл, – сказал сладкоречивый Цыпкин. – Меня к вам послал сам Б-г.

– У Него что – башмаки прохудились? – съязвил Мендл. – Там, кажется, – и мастер запрокинул лысую голову к потолку, – наших йонавских сапожников уже больше, чем ангелов.

– Так-то оно так... Но такого, как вы, реб Мендл, нет ни на земле, ни на небесах... – польстил хозяину Цодик.

В тот осенний день, когда Цыпкин пришел к Мендлу, занудный дождь школьной линейкой сек за окнами вымершее местечко. Хана-Лея с детьми застряла после вечерней молитвы в синагоге, и никто в хате не мешал неспешной мужской беседе. Мендл обожал рассказы Цодика о сватовствах и свадьбах, о том, как и чем его угощали, а сам Цыпкин, не чинясь, хвастался своими недюжинными способностями – якобы попроси его, и он сведет воедино огонь и воду, стену со стеной. Недаром, мол, то тут, то там ему, уполномоченному Б-га, сулили за услуги золотые горы. В Салантай благодарные родичи, сплавившие старого холостяка-племянника, предлагали Цыпкину поехать с ними на белом пароходе в Америку и открыть в Нью-Йорке, в городе, который в тысячи тысяч раз больше Каунаса, совместную брачную контору – «Цодик Цыпкин и братья Каценельсоны»; миллионы, мол, в первый же год потекут к ним в руки, как вода из рукомойника. Но он, Цыпкин, наотрез отказался. Каждому еврею, конечно, позарез нужны миллионы, но ради них он, Цодик, не собирается бросать на произвол судьбы своих родителей. Что с того, что их давно на свете нет? Какой порядочный еврей ради мамоны оставит своих родителей и навсегда уедет от них только для того, чтобы стать на чужбине миллионером?

– Меня к вам послал сам Б-г, – в который раз повторил Цодик. – Г-сподь очень интересуется, скоро ли ваш Довид перестанет болтаться-шататься один по местечку и наконец обзаведется семьей. Не пора ли ему, вашему, извините, жеребчику, взять в жены какую-нибудь из йонавских дев, создать, как говорится в наших священных книгах, из своего ребра Еву.

– Пора! – выбрел из густых зарослей молчания Мендл.

– Приятно слышать.

– Но у моего Довида нет ни одного лишнего ребра, – процедил сапожник и снова увяз в молчании.

– Странный вы, реб Мендл, человек, – не сдавался Цодик. – Напрасно ловите меня на слове. Я же это позволил себе, извините, только для наглядности...

Отец Довида сидел неподвижно и глазел на непреклонного свата не то с жалостью, не то с испуганным восхищением.

– Что, по-вашему, требуется для счастливого супружества и совместной жизни? Как вам известно, в браке важны не ребра – оставим их в покое! – а совсем, совсем другое. Не догадываетесь? – «приказчик Б-га» выждал, пока Мендл его спросит, что же так важно в браке, но сапожник молчал. – В браке, как и во всей природе, важен стебель. А со стеблем у вашего сына, как я успел заметить на прошлой неделе в предбаннике, все в полном порядке. Дай Б-г – хи-хи-хи – этому стеблю торчать и не гнуться до ста двадцати лет. Ну что вы молчите? Спросили бы хоть, кто невеста! – взмолился Цыпкин.

С уст Мендла упала капелька любопытства:

– И кто же?

– Дочка вашего соседа – Шимона Ициковича...

– Рохца-Пожар?

– Не правда ли, прекрасная пара? Не обещаю большого приданого, отец невесты, Шимон Дудак, как вам известно, не барон Ротшильд, но верность мужу до гроба и кучу внуков я гарантирую. Вы у кого-нибудь в местечке видели такие груди, как у Рохцы? То-то!.. И молока у нее, извините, в запасе на дюжину детишек по меньшей мере! А уж как она орудует молотком и шилом! Да Рохца запросто любого мужика за пояс заткнет! Представляете – Довид берет ее в жены, и у вас дома появляются целых три замечательных сапожника! Только не морочьте мне, Мендл, голову сказками про любовь. Зачем, я вас спрашиваю, бедному еврею любовь? Еврею, извините, нужна не любовь, а здоровье, лад в доме и чолнт или гефилте фиш на субботу... А любовь? Она, как цветок в поле, сорвал, понюхал, полюбовался, а назавтра, извините, либо выбрасывай, либо беги в поле за другим цветочком. Вы что, по любви, скажете, на Хане-Лее женились? Я на Шифре – по любви? Наши родители, светлый им рай, привели их к нам и сказали: живите, дети, в мире и согласии... Вот вы, извините, до сих пор со своей и живете уже почти полвека, дай Б-г вам долголетия и кучу правнуков, и я к покойной Шифре, да светится ее имя в небесах, прилепился на сорок с лишним.

– Ну без любви, по договору, это в кои-то веки так было, – вставил Мендл. – Сейчас, Цодик, так только быка к корове по весне приводят...

Сват Цодик Цыпкин был не из тех евреев, кто не признает за противной стороной никакой правоты и во что бы то ни стало стремится выставить ее в дураках.

– Вы правы, Мендл, – громко и весело сказал Цодик. – Это было не при этом русском царе, не при Николае – при другом, но не в другое время. Для евреев времена не меняются. После разрушения Храма все времена для нас – либо скверные, либо очень скверные... Может, только наши внуки доживут до сносных... Но от сыновей, которые станут, извините, уклоняться от своей главной обязанности, никаких внуков не бывает... Шилом их за сапожной колодкой не делают. А что до быка и коровы, то на бесконечном лугу г-сподней милости все твари равны: и люди, и звери. Наш Г-сподь другого способа размножения пока не придумал... Но, согласитесь, реб Мендель, и прежний хорош. И за него Всевышнему полагается большое спасибо. Не так ли?

Мендл постукивал молоточком, сучил дратву, вытирал краем замусоленного халата пот со лба, смаковал, как пирожок с маком, свое молчание. Но Цодика его молчание не отпугивало, и он не торопился уходить. Да и куда было спешить – в местечке дождь, а в хате тепло, скоро Хане-Лея придет из синагоги и позовет их к обеду, она свата никогда голодного не отпустит: шутка ли – дома четыре невесты подрастают, стряпуха Хана-Лея что надо, накормит вкусно и до отвала. Глядишь, за столом сообща и уладят дело, да еще чарку вина, оставшегося после Пасхи, опрокинут – не в рекруты же собираются забрать их Довида.

Как только слухи-искры разлетелись по местечку, дочь Шимона – Рохца-Пожар не стала дожидаться, когда ее приведут на аркане к жениху, и сама решила встретиться с Довидом и выяснить всю правду.

В ту далекую, уже изъеденную молью пору жители Йонавы обычно чаще всего встречались в двух местах – в синагоге и, не приведи Г-сподь, на кладбище. В синагогальном дворе набожная Рохца-Пожар и подстерегла Довида, посещавшего молельню только по большим праздникам.

– Здравствуй, рыжий.

Довид кивнул.

– А ты, оказывается, не только ворон кормишь, но иногда и молишься.

Не обидевшись за ее ехидный тон, он снова миролюбиво кивнул.

– Что ты, рыжий, всегда молчишь, как Б-г на небесах? – вспыхнула Рохца-Пожар.

– Б-г, Рохца, по-моему, потому и Б-г, что Он не чешет языком, а все время молчит.

– Ишь ты какой! Может, и ты в Б-ги метишь?

Довид покачал лохматой головой.

– Немой, и тот щедрее. Когда женишься, жена на второй день после хупы сбежит от тебя.

Он хмыкнул...

– Может же так случиться, что она, жена твоя, балаболка, за день рта не закроет, а ты, ее муж, ни разу за день не откроешь своего. И что это будет за жизнь?

Он выпучил на нее свои голубые, «гойские», как говорила Хане-Лея, глаза, поправил на рыжей копне ермолку и сказал:

– А у меня жены не будет...

– Как не будет? Твой отец уже обо всем договорился. Все местечко знает, а ты, получается, слыхом ни о чем не слыхивал...

– О чем?

– Ты, рыжий, не придуривайся. Ведь все прекрасно знаешь. Может, даже и о дне свадьбы уже столкнувались.

– Не...

– Что – «не»? Врешь.

– Не...

– Скажи еще, что свата Цодика Цыпкина в вашем доме не было. И ты его в глаза не видел?

– Не...

– От твоей болтливости можно с ума сойти, – Рохца-Пожар зашмыгала носом и вдруг выпалила.
– Так вот знай: нас, рыжий, с тобой хотят женить. Понимаешь, женить!

– Что?

– Испугался, миленький?

– Не. Чего мне пугаться? Я, Рохца, согласен, – выстрелил он в упор. – А ты?

Рохца-Пожар опешила от его искренности и прямодушия. Молчун Довид, не раздумывая, все принял всерьез и готов был тут же, из синагогального двора отправиться к раввину. Его внезапное согласие прозвучало как неуклюжее признание в любви. А ей всего-то хотелось разыграть его, подразнить.

– Оказывается, и ты умеешь молчать, – упрекнул он ее с обидой. – Ты что – против? Против? – наседал на нее Довид.

От растерянности она не нашлась, что ответить. Шутила, шутила и попала в силки, из которых не так-то просто было выбраться. Рохца вдруг вспомнила, как мать Хане-Лея учила ее, что девица на выданье никогда не должна второпях говорить своему поклоннику или ухажеру ни «да», ни «нет». Скажешь «нет» – можешь нечаянно и нелепо на всю жизнь со своим счастьем разминуться, скажешь «да» – можешь на себя беду накликасть.

Вопрос молчуна Довида застал Рохцу врасплох – ведь рыжий за ней даже не ухаживал. Бывало, где-нибудь встретит, поздоровается и долго смотрит вслед, как за журавлиным клином в небе, с непонятной тоской и прощальной нежностью.

– Не знаю, не знаю, – выдохнула она и убежала.

Но недаром говорится: как ни убегай от судьбы, она тебя все равно догонит. Судьба догнала Рохцу-Пожар за три месяца до начала первой мировой войны, когда на чью-то пышную свадьбу в Вене еще могли пригласить живого эрцгерцога австрийского Фердинанда. В Йонаве же на свадьбе Рохцы-Пожар не было ни эрцгерцогов, ни князей. Весь день до полуночи во дворе Шимона Дудака под редкими и чахлыми липами ели-пили званые гости жениха и невесты – все сапожники и портные местечка, балагулы и цирюльники, шорники и печники. Верховодил весельем нарядно одетый, с нафабренными усами «приказчик Б-га» Цодик Цыпкин; во главе стола, рядом с родителями новобрачных, как праотец Авраам, восседал престарелый белобородый раввин Гедалье, а одесную обрезабель Пинхас; в конце стола примостился сумасшедший Бенцке, все время в шуме и гомоне прислушивавшийся к плеску золотистых карпов в животе.

– Лехаим! – возглашал Цодик. – Лехаим! За счастье молодых! За брачное ложе и за большой приплод! И чтобы это ложе всегда пустовало у врагов Израиля!

– Алевай! – сказал обрезабель Пинхас, как никто другой в местечке заинтересованный в таком приплоде, и, чокнувшись с Довидом и Рохцей, не преминул похвастаться. – Между прочим, я и тебя когда-то, дорогой мой, вынул из пеленок и чик-чирик...

Салютом в честь Пинхаса грянул смех. Звенели стаканы, скрипели начищенные до зеркального блеска башмаки, неистовствовали, соперничая друг с дружкой, флейта и скрипка, плескались голоса, звуки, брага, золотистые карпы.

– Слово жениху! – закричал кто-то. – Слово жениху!

– Слово, слово, слово... – нараспев повторяли захмелевшие гости.

Довид заерзал на стуле, метнул взгляд на раскрасневшуюся Рохцу, ища то ли сочувствия, то ли одобрения, потер лобную кость, пытаясь нащупать приятную для всех мысль, медленно поднялся, откашлялся и, волнуясь, произнес:

– Спасибо!

– И это все?! – гул недовольства прокатился по двору.

Жених помолчал, одернул пиджак, снова взглянул на Рохцу и выдавил:

– И еще я хочу сказать реб Пинхасу, что он может завтра утром прийти за своими ботинками. Они готовы.

– Хо-хо-хо! – грянуло со всех сторон. – За ботинками! А мы-то думали, что ты зовешь реб Пинхаса на второй чик-чирик. Мало тебе, Довидке, одного... Хо-хо-хо!

– А, может, он у него такой, что его маленько укоротить надо, – ляпнул тот, кто требовал от жениха слова.

Веселье не умещалось во дворе, клубилось, как дым, над всей Йонавой, и от него, от этого веселья, больше, чем от выпитого, кружилась голова. Казалось, что и звезды, проклюнувшиеся на небе, улыбались, и холостяк-месяц смеялся.

Около полуночи гости начали расходиться по домам. Только сумасшедший Бенцке сладко посапывал за столом, и Довид не стал его тревожить – пусть спит, во сне, наверно, он такой же, как все, и в животе у него плещутся не золотистые карпы, а урчит литовский горох или простокваша; во сне Бенцке не задирает на каждом шагу рубаху, а сидит с рабби Гедалье на втором этаже синагоги и при тусклом свете керосиновой лампы учит Гемару. Пусть он спит. Зачем будить безумие, которого и без того полно в мире?

Не успели замолкнуть свадебные тосты, как на молодоженов свалились неожиданные хлопоты с брачным ложем, тем самым, за которое с таким пылом и страстью ратовал Цодик Цыпкин. Ни в хате тестя, ни под крышей свекрови никакого свободного ложа, да еще на двоих, не было. Все тюфячки и диванчики, все кушетки и топчаны были заняты их многочисленной родней – младшими сестрами и братьями, и Довид и Рохца, как прежде, продолжали жить врозь, жених – у своих, невеста – у своих, разлучаясь на ночь. В местечке вдруг зачали пересуды и сплетни. Слыхали, у Рохцы-Пожар и у Довида все кувырком, то ли она от него ушла, то ли он от нее деру дал...

– Безобразие! Позор! – напустился на Мендла возмущенный Цодик Цыпкин, явившийся за своими залатанными башмаками. – Где это, скажите, слыхано, чтобы в еврейском доме не было двуспальной кровати – верстака, на котором мастертят потомство.

– Столяр Лейзер только одну для нас смастерил. На ней-то мы с Хане-Леей худо-бедно и мастерим вот уже больше тридцати лет...

– Честь и хвала за такое трудолюбие! – воскликнул сват. – Ого-го! Тридцать лет. За этот срок вы уже, извините, намастерили на славу... Шестерых родили. Теперь можно бы позволить и сыну отличиться... Что за прок в шиле, если им никуда не тыкаешься, и оно только ржавеет?

– Мы, Цодик, уступили бы с радостью. Но куда нам деваться?.. На чердак? – спросил у «приказчика Б-га» Мендл.

– А чем плох чердак? Тихое, укромное местечко... Я, например, на чердаке родился... Да, да, Б-г свидетель! Мама пошла за какими-то банками-склянками и рассыпалась...

– У нас там зимой жуткий холод и тьма. И летучие мыши. Хане-Лея их, как смерти, боится...

– Тьма и летучие мыши – делу не помеха. А как от холода греться, молодых учить не надо...

– Это верно. Но у нас, Цодик, на беду, нету лишней кровати, – признался Мендл. – Не могли же мы предвидеть все наперед и запастись восемью двуспальными лежаками для наших дочек.

– Господи! Что за люди! Лишнего ребра нет, лишней кровати нет... Если у евреев есть что-то лишнее, так это только болячки и беды... Ладно, – внезапно, от собственных слов, подобрел Цодик, – я поговорю с Лейзером. Он дорого не возьмет, не из красного же дерева сколотит, а из сосновых досок... А Довид за год заработает и рассчитается...

Мендл не сомневался – такой человек, как Цодик Цыпкин, может договориться с кем угодно – и с Всевышним, и с государем-императором. Сладит он и с Лейзером. Разве откажешь свату, прозванному «приказчиком Б-га», если у тебя подрастают две внучки?

– К Рош а-Шона сделаю, – пообещал Лейзер.

Желая помочь разлученному с Рохцей сыну, Хана-Лея пускалась на всякие хитрости. Порой, перед тем как отправиться с мужем и своим выводком на вечернюю молитву в синагогу, она намеренно меняла постельное белье, доставала из комода свежие наволочки в расчете на то, что догадливому Довиду удастся до прихода родни «соблазнить» свою упрямую и неприветливую женушку и выполнить Б-жьё заповедь.

– Зайдем, Рохеле, к нам... Ну хотя бы на полчаса... Не бойся, мои придут нескоро, – не раз настойчиво предлагал Довид своей благоверной, разгадав великодушный мамин маневр.

Но Рохца-Пожар была неумолима.

– Нет, нет... В чужую постель – ни за что...

– Дурочка! Какая же она чужая?..

– Чужая, – твердила она. – Столько терпел, потерпи еще немножечко... потом слаще будет, – и она заливалась звонким смехом.

Лейзер сдержал слово, сделал в срок легкую, вместительную кровать, вырезал в изголовье пару ангелочков, парящих над горой Сионской, и, ухмыльнувшись, пожелал молодым не жалеть его изделие.

– На моих кроватях мастерят лучших детей в Литве. Мастерите на здоровье!

Но мастерили они на ней недолго. Ближе к зиме балагула Шая привез из Ковно дурную весть о том, что власти решили выселить из прифронтовой полосы всех жителей Моисеева вероисповедания – мол, таковы законы войны, противник-немец вербует среди них шпионов, которые могут крепко навредить матушке-России и оказать бесценную помощь ее лютым недругам. Многие вестнику не поверили, Шая, мол, всегда все преувеличивает, но когда осунувшийся, мрачный, враз переставший балагурить Цодик подтвердил эту новость, Йонава совсем сникла. «Приказчик Б-га» врать не станет – ведь он не с клячами имеет дело, а с небесами.

– Б-же ж ты, Б-же, ну и государствьице! – пожаловался он Мендлу. – Мало им, что мы хриstopродавцы и кровопийцы, ростовщики и банкиры, так мы еще сейчас вдобавок и немецкими шпионами стали! Мог же я, дурень, принять предложение и поехать на пароходе в Америку, где одни торговые, а не прифронтовые полосы, сидел бы себе в брачной конторе «Цодик Цыпкин и братья Каценельсонь», сватал бы сыновей и дочерей Израиля из Вильны и Бердичева, Полоцка и Одессы и поплеывал бы издалека на все русские указы...

– Цодик! По-твоему, я тоже шпион? – допытывался простодушный Мендл.

– Тоже, тоже, – пропел «приказчик Б-га. – Шпион!.. И дети твои, и жена твоя...

– Но я даже не знаю, что это такое? Хворь или... – не унимался сапожник.

– Это, Мендл, еще хуже. Это – «или».

– Что же делать? Рохца беременна. Хану-Лею одышка мучает. У меня сердце шалит...

– А что делать, если властям вдруг вздумается отправить еврея в Сибирь? Стрелять из пушек? Так пушек у нас нет... Подать на царя в суд? Так у нас кроме суда Б-жьего никакого другого нет. Еврей, Мендл, может только палить в своих врагов проклятьями и просить защиты у неба. На земле у нас защитников уже не осталось. – Цодик Цыпкин перевел дух и продолжил: – Мне лично в Сибири делать нечего. Кого там сватать? Пятнистую рысь и бурого медведя? Пока эта катавасия с высылкой не началась, я, пожалуй, отсюда подамся куда-нибудь в Белоруссию или в Латвию. В Белоруссии наших на мой век хватит...

– А ты, Цодик, поговори с ним, – Мендл трахомными глазами уставился в потрескавшиеся потолочные балки. – Мы все-таки дальние родственники. Твой прадед Генех и моя прабабка Фейге....

– С кем поговорить?

– С Б-гом. Ты же с ним запанибрата.

– Вся беда в том, что Он у русского царя ни о чем просить не станет.

– Почему же? Ведь Он говорит на всех языках... Даже по-русски. Что Ему стоит?

– Ну и что, по-твоему, Он говорит? Они давно друг друга недолюбливают. Русский царь мог, конечно, войти в наше положение и ради сокращения казенных расходов на долгий переход и из-за нехватки тягловой силы – где взять столько лошадей? – сопроводить из Йонавы всех обывателей Моисеева вероисповедания не в Сибирь, а в соседнюю Белоруссию и расселить их там среди единоверцев. А теперь поди знай, куда нас занесет.

Евреев из Йонавы вдруг как метлой вымело.

По ухабистой дороге местечка в сторону Вильны медленно двигалась вереница возов, битком набитых ссыльными и их домашним скарбом, сваленным как попало между грядками. В головной телеге балагулы Шай, под осенним ветром ежилась вся семья сапожника Мендла, он не выпускал из рук окованный железом ящичек – видно, с сапожничьей утварью. Рядом с ним, шевеля бескровными, как черви в засуху, губами, чуть слышно молилась б-гобоязненная Хана-Лея. За Шайной телегой плелся кормившийся при Мендлиных сумасшедший Бенцке, сирота и горемыка, зачисленный, как и все йонавские евреи, в шпионы и по высочайшему указу подлежащий высылке. Беременная Рохца-Пожар, окруженная молоденькими золовками и зарывшаяся до пояса в еще пахнущее раздольем сено, улыбалась ему дружелюбной улыбкой – мол, у меня тоже в животе плещется золотая рыбка, а Бенцке из благодарности задирает на ветру рубаху и переходит с шага на мелкую и радостную рысцу. На другой подводе вместе с местечковым раввином Гедалье, никогда не гневавшим своими жалобами Б-га и ни разу не заикнувшимся перед Ним о милости для себя, качался хмурый и задумчивый Цодик Цыпкин в широком пальто с ватным, торчащим ключьями подбоем и в потертой фетровой шляпе, делавшей его похожим на огородное пугало. Вдоль возов в длинных шинелях с поднятыми воротниками, меся сапогами сочную, угольного цвета грязь, шагали равнодушные солдаты с ружьями наперевес. Время от времени Цыпкин многозначительно перемигивался с Довидом, укрывавшим своим телом Рохцу от разнузданного встречного ветра.

Мимо проплывали взъерошенные, вымокшие под дождем перелески и приземистые хаты, как бы вросшие в землю, и от их печального, нищенского однообразия дорога казалась еще тягостней и длинней. Лошади шли ни шатко ни валко, нагоняя своей неторопкой поступью тоску и дремоту на седоков. Больше всех от неизвестности томился Мендл, для которого разлука с Йонавой была равнозначна смерти. Когда солдаты скомандовали возницам: «Стой!», давая понять, что обоз может справиться нужду, сапожник не выдержал и спросил Цодика:

– И долго нам еще так тащиться?

– Чем дольше, тем лучше, Мендл. Впереди, извините, хорошего мало.

– Ты, Цодик, немного калякаешь по-ихнему... Спроси, куда нас везут, – сказал Мендл и повернул голову к конвоирам. – Может, там и евреев-то не будет.

– Если в Сибирь не загонят, то будут. Но для тебя, Мендл, что важнее – евреи или работа?

– Работа, – не задумываясь, сказал сапожник.

Цодик Цыпкин хмыкнул, юркнул в придорожные кусты, расстегнул штаны, оросил бойкой струйкой Белоруссию и, снова усевшись на телегу, стал, как лошадь от слепней, отмахиваться от невеселых дум о том, останется ли он уполномоченным Г-спода на новом, незнакомом месте, где, наверно, своих сватов полный короб, и не придется ли ему ради хлеба насущного опять раздобыть ножницы и бритву и приняться за прежнее, напрочь забытое занятие – перебиваться, как в молодости, брадобрейством. Он уже жалел, что проявил нерешительность, не бежал из Йонавы куда-нибудь на север, хотя бы на границу с Латвией. Поселился бы в каком-нибудь тихом местечке – в Пасвалисе или Биржай и спокойно переждал бы в глухомани эту дурацкую войну, совсем не нужную евреям, которые в древности уже навоевались так, что им хватило на тысячи лет вперед...

На седьмой день пути часть обоза двинулась дальше, а часть свернула с дороги и въехала в большой, сонный город с одноэтажными серыми домами, над ними облупленной луковичей возвышалась каменная церквушка. Миновав рыночную площадь, телеги выкатили на окраину и остановились у многооконного здания, которое на поверку оказалось опустевшей солдатской казармой.

– Как этому городу имя? – на ломаном русском поинтересовался у служивого Цыпкин.

– Сморгонь, – ответил солдат.

Как только ссыльные разместились в нетопленной казарме, мужчины тут же отправились на разведку в город. Вопреки опасениям в сонной Сморгони евреев было немало, но, к огорчению Мендла, гораздо меньше, чем сапожников. Жестяные вывески с изображением ботинка или сапога красовались на каждом углу, и Мендл совсем сник. Не выражало радости и изможденное, в паутине морщин лицо Цодика Цыпкина. Это в Йонаве Цодик знал всех, живых и мертвых, тех, кто родился и должен родиться, кто сходил и разводился, кто вдовец, а кто скопец; в Йонаве он был уполномоченным Б-га, а тут? Старый нищий, фантазер, потчующий людей своими бреднями о связях с Б-гом. Кому он тут нужен?..

С самого начала повезло только рабби Гедалье и сумасшедшему Бенцке, которых из милосердия приютила местная деревянная синагога. Но это было неудивительно. Святых и безумцев в отличие от сапожников и сватов нигде не бывает в избытке – почему бы их не приютить?

Мендл впал бы в полное отчаянье, если бы не сметка и находчивость Цодика Цыпкина.

– Вы зря отчаиваетесь, Мендл. Я, кажется, нашел для вас прибыльную работу, – объявил «приказчик Б-га».

– Что? Где? – хором закричали Рохца-Пожар, Довид и Лея.

– Минуточку! Сейчас все узнаете... Только не перебивайте. Если память мне не изменяет, вы, Мендл, большой любитель приколачивать набойки и латать дыры на свежем воздухе. Так вот: воздуха у вас будет вдоволь. Может, не такого свежего и чистого, как в раю, но, как говорил мой отец, благословенна его память, даже в раю евреи извините, пукают... Но чего не сделаешь ради заработка? Стерпишь и пук, и стук...

– Что ты, Цодик, городишь? Объясни толком... Какой воздух, какой заработок? – запричитал нетерпеливый Мендл.

– Все просто, как бублик. Сядете где-нибудь с Довидом на рыночной площади, и с Б-жьей помощью начнете стучать своими молотками. Ручаюсь, и месяца не пройдет, как от заказчиков отбоя не будет. Все гои с окрестных деревень в базарные и престольные дни потянутся к вашим колодкам со своей рванью; вам станут привозить ее возами, ведь на селе обувка рвется и изнашивается быстрее, чем там, где булыжные мостовые и тротуары. Через полгода Сморгонь, извините, потечет для вас молоком и медом. О курах, бульбе и яйцах уж и говорить нечего. Сможете досыта кушать, а излишки даже продавать. А когда русские побьют немцев, на поезде вернетесь к себе домой, в Йонаву. Войны все равно когда-нибудь кончатся, а базары – никогда, они вечны... Поэтому не мешкайте и начинайте в добрый час... Голову на отсечение – все здешние сапожники от зависти лопнут и потребуют от властей, чтобы вас немедленно выслали обратно!

– Дай-то Б-г, – сказал взволнованный Мендл. Но соглашаться не спешил. В предложении Цыпкина было что-то унижительное и заманчивое одновременно. Мендл казалось, что, согласившись, он выставит себя на посмешище – где это видано, чтобы сапожник под хрюканье свиней и под конские струи подметки подбивал, а, отказавшись, неизбежно обречет свою семью на голод... Рохца-Пожар и особенно Хана-Лея всячески уговаривали Менделя поискать другой выход: негоже, мол, еврею сапожничать на базаре, мало ли чего с ним может приключиться – какой-нибудь пьяница облает и жидовской мордой обзовет или вместо того чтобы расплатиться, по голове колом огреет. Уж лучше недоедать...

Но другого выхода не было. Начал Мендл один, без Довида – облюбовал местечко среди возов, поставил колодку и табурет, выложил напоказ все сапожничьи причиндалы, вытащил из торбы пару-другую старых Рохциных и жениных туфель, которые принес для почина, и принялся на виду у ошарашенных белорусов тыкать в кожу шилом, сучить дратвой и что-то сосредоточенно сшивать и прибивать. Селяне сперва поглядывали на него с высокомерным удивлением, а потом, поглаживая усы и дымя махоркой,

степенно подходили поближе к чужаку и даже отваживались о чем-то спрашивать. Чтобы не оттолкнуть их своим молчанием, Мендл на все вопросы по своему обыкновению отвечал кивками, уверенный, что спрашивают его о том, дорого ли он берет за починку или чинит ли по совести. «По совести, по совести!», успокаивали их его залитые старостью глаза. И, видно, успокоили. С каждой неделей число заказов росло. Чего только Мендлу не привозили – башмаки, галоши, кирзовые сапоги, боты, полуботинки. Он уже один не справлялся, рядом с ним появился Довид. После работы оба возвращались в казарму с крынками молока, деревенским хлебом, медом, а порой и с живностью под мышкой.

На казарменном плацу закудахтали куры, закукарекал петух, загоготали гуси. Хана-Лея, еще недавно отговаривавшая мужа, пасла их с таким горделивым видом, будто сама вот-вот снесет полноценное яичко и закудахчет.

Всю весну Мендл и Довид ни на один день не давали своим рукам покоя и уже к началу лета разжились так, что могли снять в городе у старика-еврея, переехавшего к детям в Барановичи, хату-развалюху и вскоре справили скромное новоселье, на которое пригласили балагулу Шаю, устроившегося в местном похоронном братстве, рабби Гедалье и даже дурачка Бенцке с его золотистыми карпами – как-никак земляк.

За накрытым белой скатертью столом, уставленным домашними пирогами и яствами, честно заработанными на базаре среди криков и ругани, пьяного буйства и драк, верховодил не Цодик Цыпкин, как это всегда бывало на свадьбах в Йонаве, а хозяйничали чинная Хана-Лея в новом ситцевом платье и ее невестка Рохца-Пожар, живот которой с каждым днем все больше округлялся, как входящее в зенит солнце. Рабби Гедалье, погрузив свою сухую жилистую руку в бороду, как в теплые воды Иордана, благословил хлеб и вино, балагула Шая буркнул себе под нос «Аминь» и доверху налил стакан; сумасшедший Бенцке расщепил ногтями кусок яблочного пирога на мелкие крохи и стал их медленно закидывать в гнилозубый, пропахший чесноком рот.

Только виновник торжества Цодик Цыпкин, спасший Мендла своим советом от отчаяния и нищеты, не притронулся ни к еде, ни к питью. Он сидел за столом, сгорбившись, непривычно молчаливый и бледный. Глаза у него то ли слезились, то ли болезненно блестели; волосы были всклокочены, и их клоки свисали с макушки словно подрубленные ветки. Молчун Мендл пытался свата разговорить, но тот лишь странно и отрешенно улыбался, будто обращались не к нему, а к кому-то отсутствующему.

– Что с тобой, Цодик? Тебя не узнать, – подсел к Цыпкину Мендл. – Это же твой праздник... Если бы не ты, у нас всего этого не было бы. Бенцке, и тот, посмотри, Ханы-Леин пирог ест...

– Так то Бенцке... Он своих карпов кормит, чтобы с голоду не подохли. А мне некого кормить... Однажды – я теперь уже не помню, когда это было, – я подошел к Бенцке и спросил: «Бенцеле, почему ты этих карпов в озеро или в реку не выпускаешь?» И знаешь, что он мне ответил?

– Не.

– Если, сказал он, я их выпущу, то тут же умру... Дурак – а ответил, как мудрец. Понял?

– Не.

– Мендл, у каждого в жизни есть что-то такое, чем он дорожит до сумасшествия... У тебя – шило, у Шаи – его ворона. У рабби Гедалье – Тора. У меня тоже было что-то дорогое, без чего глупо жить. Но тут моих золотистых, кареглазых карпиков взяли и выпустили в озеро. И они навсегда уплыли от меня.

– Да тут в Сморгони никакого озера нет.

– Эх, Мендл, Мендл!.. Какой ты счастливый! Понимаешь только то, что хочешь понимать, и не понимаешь того, что надо понимать.

Через неделю после новоселья Цодик Цыпкин, «приказчик Б-га», из Сморгони исчез – словно сквозь землю провалился. Вся семья Мендла, даже девочки-отроковицы днями напролет занимались его поисками. Белобородый раввин Гедалье и староста синагоги отправились в городскую управу и оповестили полицмейстера Ланового об исчезновении прихожанина. Главный страж порядка их выслушал и сказал:

– Сват? Цыпкин?.. Если он не сосватает себе в жены безносую, то либо сам придет, либо будет приведен под конвоем... Никуда ваш человек не денется.

Полицмейстер лениво пожевал верхнюю губу и в конце аудиенции, улыбаясь в пышные маршальские усы, тихо, словно искал заблудившуюся в кустах крапивы курицу, позвал:

– Цып-цып-цып-цып-цып...

Кто говорил, что Цодик Цыпкин пешком отправился в Литву, в Йонаву; кто уверял, что его по дороге убили разбойники, а кто клялся, что за Сморгонью в сосновом перелеске видели висельника в длинном пальто с ватным подбоем и в фетровой шляпе.

Сапожник Мендл никому не верил. Он не сомневался, что сват благополучно добрался до Йонавы, а оттуда подался в Латвию, в портовую Ригу, а из Риги на пароходе через океан перебрался в Америку, где он, уполномоченный Б-гом, до сих пор промышляет сватовством в своей брачной конторе «Цодик Цыпкин и братья Каценельсоны», и миллионы текут к нему в руки, как вода из рукомыльника...

Ві аади-Оаадаєї 2004

*י ו יו עדיאאי יאפ דאדעו אודיאא - «Аадеее одииоii». Аа ии тае ии пееееа
аоіауауу е іа:ао е іеа есапоііа ердаееііа іеіоау Ветіа Слободі «Іа сааіе адіаа
одііоіа». Еіеа ііпдгаіа а ііоаоіоае іі аааеіеі еаеіаааі е даііаааао і
іоіеіоаіоаеуо а аеіе іаіііаае, оае еее еіа:аііеі іауаііуо Аеаі іа іаіоа іаіооіаіаа
і аіуоа іеіаі - Іаеіа, е ііуоіі оіааіе даііаааао аааеіеі - і Іаеіаа*

КУБОК ПРОРОКА ЭЛИЌУ

Ветіа Слободі

Среди стариков виленской синагоги выделялся реб Фоля. Высокого роста, с глубокими морщинами, словно прорезанными в потемневшей от времени коже, он всегда сидел в правом углу синагоги. В общих стариковских разговорах реб Фоля участия не принимал. Субботним вечером после кидуша он сразу уходил, тяжело опираясь на увесистую коричневую палку.

Впервые я обратил на него внимание Девятого ава во время «Эйха». Никогда, ни до, ни после, я не слышал такого чтения.

Реб Фоля почти срывался на плач, голос дрожал и бился, словно птица в силке птицелова. Старинные слова и сравнения звучали, будто написанные совсем недавно – лет пятьдесят назад.

Реб Фоля – потомственный каунасский литвак, родился перед войной, детство провел в гетто и чудом уцелел в концлагере. Из огромной семьи спасся только он. Ему было о чем вспоминать, читая «Эйха».

Но все это я узнал позже, а поначалу меня удивил странный факт: во время утренней молитвы Шахарис реб Фоля накладывал головные тфилин почти на переносицу. В книгах точно описано, как нужно располагать корбочку: по краю волос или по тому месту, где когда-то проходил этот край. Но не ниже.

Ощущение причастности вместе с сознанием собственной правоты – взрывоопасное сочетание. Ничуть не смущаясь разницей в возрасте, я подошел к реб Фоле и принялся объяснять, в чем состоит его ошибка. Мысль о том, что он делает это намеренно, даже не пришла мне в голову.

Реб Фоля терпеливо выслушал мои пояснения и ответил:

– Мальчик, у меня с Ним свои счета. Не вмешивайся. Иди, иди, не мешай молиться.

Так я впервые столкнулся с пристрастным разговором со Всевышним.

Тогда я только начинал путь по трудной дороге соблюдения заповедей. Вместе со мной в том же направлении продвигались еще несколько десятков молодых людей. Но в отличие от предыдущих поколений традицию мы получали не от дедов или отцов, а от заезжих иностранцев. Немного освоив иврит, рылись в горах постановлений и респонсов, выкапывали крохи из книг. Выглядело все это довольно странно. Среди первых предписаний, полученных мною, были правила завязывания шнурков на ботинках и способы засыпания; с какого бока начинать и на какой переворачиваться.

Для реб Фоли традиция еще жила, он помнил, как отец брал его на Рош а-Шона в ешиву «Слободка» и даже сохранил смутный образ последнего из великих учителей Литвы – раввина Элхонана Васермана.

Я искал случай сойтись с ним поближе, посмотреть, как он выполняет всякого рода предписания. Помог Пейсах.

В Израиле обычай двухдневного сейдера отсутствует, а в Вильнюсе мы устраивались очень славно: первый вечер, как и положено, проводили с родителями и родственниками, вещая в их забытые комсомольским прошлым уши странные рассказы о рабах и фараоне, а во второй собирались своей

компанией. Заведенный порядок пришлось переменить; на первый сейдер я напросился к реб Фоле, а второй, для тренировки и запоминания, предполагалось провести дома.

После вечерней молитвы мы вышли из синагоги в приподнятом настроении. Вокруг текла серая будничная толпа, троллейбусы плевались грязной юшкой литовской зимы – растаявшим снегом вперемешку с мусором. Реб Фоля по своему обыкновению пошел проходными дворами. Во дворах царил полумрак, лампочки фонарей давно разбили или выкрутили. Но нам это не мешало, мы шли со своим светом.

В доме у реб Фоли ярко горели свечи в отполированных подсвечниках, на длинном столе, покрытом хрустящей белой скатертью, в строгом порядке были расставлены столовые приборы. Посреди стола возвышались два серебряных кубка. Вид у них был довольно старый, несмотря на усилия хозяйки серебро так и не приобрело глянцевого блеска, а светилось рассеянным светом благородной седины.

– Это кубки моего прадеда, – с легкой гордостью заметил реб Фоля. – Только они уцелели...

Сухонькая старушка в белом платочке усадила меня возле хозяина. Мы удобно расположились, опершись на маленькие подушечки, и реб Фоля раскрыл Агоду. Странно, но в квартире кроме нас троих никого не было. Для кого же приготовлен такой длинный стол?

– Извините, реб Фоля, – спросил я, – больше никто не придет?

Он поймал мой взгляд, устремленный на сияющие ножи, вилки, хрустальные рюмочки и фужеры.

– Сейдер это ведь семейный праздник, не так ли?

– Так, – подтвердил я.

– Вот мы и встречаем его всей семьей. Отец, мать, четыре сестры и три брата. Пока я жив, будут жить и они.

Подробности сейдера уплыли из моей памяти, вернее, настолько прочно вошли в нее, что попросту стали моими, не ощущаемыми отдельно, как не ощущается самостоятельность руки или шеи. Кроме одной детали, забыть которую я не смогу никогда.

В конце сейдера, после крепкого бульона с золотыми глазками жира, галушек из мацовой муки, двух видов мяса и «тейгелах» на закуску, реб Фоля наполнил до краев большой кубок, сиротливо возвышавшийся посередине стола.

– Кубок пророка Элиёу. По традиции мы оставляем его на столе до утра.

О такой традиции я ничего не слышал, мы попросту вливали вино обратно в бутылку.

– Пасхальной ночью Элиёу посещает каждый еврейский дом. Как он это делает, объяснить не могу, на то он и пророк, живым ушедший на небо. Иногда, в знак особого расположения, он отпивает из кубка. Такое мне доводилось видеть дважды: в Каунасе перед началом войны и в год, когда у нас родился сын.

После сейдера реб Фоля пошел меня провожать. На лестнице, в темноте, я решился задать ему вопрос, который никогда бы не сумел выговорить при свете, глядя в глаза.

– Реб Фоля, а почему вы уверены, что дорога, по которой мы идем, правильная?

– То есть? – не понял реб Фоля.

– В мире существует много религий, есть всякие духовные учения типа Гурджиева, Раджнеша, «Агни-йоги». Откуда мы знаем, что идем по правильной дороге?

Реб Фоля не ответил. Ступени деревянной лестницы скрипели под нашими осторожными шагами. Только выйдя из парадной, он, наконец, заговорил.

– Чем дальше идешь, тем больше убеждаешься в правильности пути. Одним прекрасным утром ты вдруг почувствуешь, что тебя окружает «шабос». Не суббота, не седьмой день недели, а «шабос». После этого все вопросы отпадут сами собой.

– А когда это случится?

– Все зависит только от тебя. Может, скоро, а может, и нет. Но произойдет, обязательно произойдет, обещаю тебе.

– Вам хорошо, вы уже почувствовали. Но как жить тем, кто еще не достиг? Откуда брать силы для дороги?

– Иногда Всевышний в великой милости своей делает для человека невозможное, посылает ему знак. Умному хватает намека, а глупый...

Реб Фоля улыбнулся:

– В нашей команде одни победители: лишь те, кто добрался до финиша.

Он немного помолчал и добавил, уже совсем другим тоном:

– Но есть вещи, которые я Ему не прощу. Никогда не прощу...

Уточнять, что реб Фоля имел в виду, я не стал. Это витало во влажном воздухе виленских улиц, стучало в висках острыми молоточками памяти. Слова – это признак беспомощности, истина не нуждается в словах, перетекая напрямую от сердца к сердцу.

Мы распрощались. Я шел по темным улицам, и надо мной устало перемигивались старые звезды, те самые, что светили еще Виленскому Гаону.

Второй сейдер я провел без труда, интонации реб Фоли мягко перекатывались в моих ушах. Самый красивый фужер терпеливо поджидал в середине стола. Несколько раз на него покушались неграмотные родственники, но их недостойные покусительства я пресекал решительной рукой. Фужеру была уготована более высокая участь.

Наполнив его до самых краев, я вернул фужер на место и принялся за благословения. Сейдер кончился, сытые родственники разбрелись по домам. В ту ночь сон бежал от моих глаз, я кружил по комнате, то и дело возвращаясь к вишневому цветку посреди пустого стола. Для чистоты эксперимента спать мне постелили на диване в той же комнате.

Наутро, едва сполоснув руки, я ринулся к фужеру. Он был наполовину пуст, невозможно, невообразимо пуст. Испариться такое количество вина не могло, в комнату никто не входил. Значит...

С тех пор прошло много лет и еще не было сейдера, на котором бы я не оставил до утра кубок Элиёу. Мои волосы побелели, нос украшают очки, размер брюк увеличился на три номера. Я знаю неизмеримо больше, чем знал на том сейдере, и «шабос», который обещал мне реб Фоля, давно наступил. Но бокал поутру остается нетронутым, абсолютно, невозможно не тронутым, и с этим я ничего не могу поделать.

ПЕЙСАХ

עֵשֶׂר לְאִיִּוֶּה

...С 14 дня первого месяца, с вечера, ешьте мацу... (Шмойс, 12: 18).

...В первый день этого месяца пусть возьмут себе каждый по ягненку на семейство...

и пусть съедят это мясо в ту же ночь – (с 14 на 15 нисана), жаренное на огне; с мацой и горькими травами пусть едят его. (Шмойс, 12:3, 8)

У этого праздника много названий:

ХАГ А-АВИВ – праздник Весны;

ХАГ А-МАЦОЙС – праздник опресноков;

ХАГ А-ПЕЙСАХ – праздник пасхального агнца;

ЗМАН ХЕРУСЕЙНУ – время нашей свободы.

Начиная с 14 на 15 нисана евреи празднуют ПЕЙСАХ семь дней в Израиле, а за его пределами – восемь (в этом году с 6 по 13 апреля).

15 нисана: Творец сообщил Аврааму, что его потомки будут порабощены, а затем избавлены; ангелы пришли к Аврааму и сказали, что у него родится сын от Сары – Ицхак.

15 нисана Ицхак родился, и 400 лет египетского рабства отсчитывают от его дня рождения.

Откуда взялось название Пейсах? Когда наши предки были рабами в Египте, Творец послал на головы египтян десять казней. Самая страшная была десятая – смерть первенцев. В память о том, что ангел смерти перепрыгивал – пасах – через дома евреев, наш весенний праздник называют «ПЕЙСАХ».

Подготовка к Пейсаху – это серьезно. Начинается все с генеральной уборки. Все в доме вверх дном!

Отец просматривает библиотеку. Бабушка и мама проверяют гардероб. Я выворачиваю карманы в поисках крошек, одновременно помогаю бабушке, папе и маме искать «хомец». То есть ношусь из библиотеки в гостиную и обратно.

– Как, вы не знаете что такое хомец?! Это – овес, пшеница, рожь, ячмень, полба и изделия из них. За исключением мацы и мацовой муки. Евреи, когда из Египта выходили, так спешили, что тесто не успело закваситься. Его в одежду завернули и на спинах вынесли. Уже в пустыне спекли из него пресные лепешки – мацу.

Усталые собрались мы на кухне с рогаликами чай пить – «хомец» уничтожить надо!

Бабушка ложечкой сахар помешала и говорит:

– Припомнилась мне такая пасхальная история, слушайте...

Ї ДІ ДІ Е ЯЄЄ''О

Жили-были две соседки. Злата – богатая, а Бася – бедная. Накануне Пейсаха в доме у Баси – хоть шаром покати. Вымыла она дом, выкупала ребятишек и пошла на реку – стирать. Хоть в чистой одежке Пейсах встретим. Полощет она в реке детские рубашонки. Поглядеть – заплатка на заплате сидит и заплатой погоняет. Вдруг, откуда ни возьмись, старичок – борода до пояса, а талес до пят. Стоит, на посох опирается, приветливо из-под кустистых бровей поглядывает:

- У тебя, Бася, к Пейсаху, все приготовлено? – спрашивает.
- Слава Б-гу! – ответила, а сама отвернулась, чтоб глаза не выдали, что дети дома голодные сидят.
- Да будет по слову твоему, – сказал старик и исчез.

Вернулась домой, а там столы ломаются – лишь птичьего молока не хватает! Только платок с головы стянула, стучат. Злата «за солью» заглянула. Больно интересно – как там у соседки дела. Увидела изобилие и обомлела.

– Откуда?

Бася, как на духу, все рассказала.

Злата побежала домой. У самой к празднику нажарено – напарено, вина в подвале целый бочонок. Но где уж! От жадности глаза горят. Схватила тряпки похуже и бегом к реке. В воде их замочила. Глядь, а давешний старик уж за спиной. Брови кустистые у переносицы сошлись:

- Что, Злата, – спрашивает, – все ли у тебя к Пейсаху есть?
- Ой, вей, – запричитала Злата, – да, почитай, и нет ничего. Только маца да свечи.
- Да будет по слову твоему, – сверкнул глазами и исчез.

Пришла Злата домой. А там – ничего. Только маца и свечи остались. Ровно, как корова языком слизала. Злата чуть не кубарем в подвал скатилась – и бочонка с вином след простыл. Села Злата на ступеньку и заревела. Хотела как лучше, а получилось – как всегда.

Мама на бабушку посмотрела и

говорит:

- Ты мне это, когда я маленькая была, рассказывала. Послушайте теперь меня!

Ї ОЕАЕА

В маленьком городке на берегу Рейна в еврейском квартале жил раввин. Однажды, идя в синагогу, он увидел мальчика, который сидел на тротуаре и горько плакал. Курносый веснушчатый нос совсем распух. Соломенные волосы вклокочены. Пустая ивовая корзина валялась рядом. Раввин подошел к мальчику, погладил по голове и спросил:

- Что случилось?
- У меня отняли деньги, которые я вырубил за хлеб. Мачеха с отцом меня прибьют.
- А сколько было денег? Вот держи. Хватит?

Мальчик зажал монеты в кулачке, пробормотал «спасибо» и побежал домой.

На восьмой день Пейсаха, когда раввин сидел дома, кто-то тихонько постучал в окно. Открыл дверь. На пороге стоял тот самый мальчик. Тенью прошмыгнул он в комнату и зашептал:

– Завтра булочники сговорились отравить хлеб, который понесут в ваш квартал продавать. – И выскочил за дверь.

Раввин собрался и пошел в синагогу на молитву. Когда все собрались, он откашлялся и сказал:

– Прошу меня извинить. Я ошибся в вычислениях. Пейсах закончится завтра вечером.

Утром булочники понесли корзины с горячим ароматным хлебом по еврейским улицам. Но к ним никто не вышел. Зря глотки драли, расхваливая товар.

Тем временем раввин поспешил в участок.

– Мне стало известно, что хлеб, который булочники носят по улицам, отравлен.

– Проверим.

Купили сайку и бросили собаке. Та, с жадностью проглотив, издохла. Булочников арестовали.

– Я вам тоже что-то интересное расскажу, – сказал папа.

Ĳ ĀÑŌĀĔŪĲ ŪĒ ŅĀĒĀĀĎ

Накануне Пейсаха встретился я с приятелем.

– У тебя вечер свободен?

– Я сегодня дома. «Кубок мира» по TV смотрю.

– Какой кубок? Я тебе четыре кубка поставлю. Гефилте фиш попробуешь, мацу.

– Где?

– Увидишь.

И вот мы в большом зале. В нос ударил горький запах хрена. Крахмальные скатерти белее снега. Столы сдвинуты буквой «П». Народу много, но в тесноте да не в обиде. Во главе собрания – раввин. К нам обращается:

– Хаг самаех! С праздником! Начинаем пасхальный сейдер!

– А что это? – зашептал я приятелю на ухо.

– В переводе с иврита «сейдер» – «порядок». Ты лучше слушай.

Смотрю, а на столах не густо: натертый хрен, какая-то зелень, блюбочки с соленой водой, закопченные яйца, кусочки вареной картошки и совсем обугленные куриные крылышки... Тоже мне ресторан, готовить не умеют, что ли?

– А посущественней что-нибудь будет?

– «Терпение, мой друг...»

Раздали книжки. «Агода» называется.

– «Агода» – это сказание. Будем сейчас читать.

– Всю?... Понял, понял.

Поступила команда:

– Накройте мацу и наполните бокалы. Ша! Шекет! Сейчас «Кидуш». Когда закончу, все скажете: «Амен!» и выпьете первый бокал, облокотясь на левую сторону. Без команды ничего не есть!

И начал ...

Все хором сказали «Амен» и осушили бокалы.

– Слушай, вкусное вино. Израильское?

– Да, вон сколько медалей.

– Идите мыть руки.

– Я мыл.

Опять сели на свои места.

– Теперь возьмите по кусочку вареной картошки – «карпас», обмакните в соленую воду. Я скажу благословение. После того как вы ответите: «Амен», съешьте.

– Уж картошки пожалели.

Раввин берет три круглых больших мацы, и среднюю разламывает на две неравные части. Большой кусок показывает нам:

– Это афикоман!

Отложил его в сторону и поднял оставшуюся мацу:

– Вот «хлеб бедности», который ели наши отцы в земле Египетской. Каждый, кто голоден, пусть придет и ест. Нуждающийся, да присоединится к празднованию Пейсаха. Ныне мы тут, а в будущем году – в земле Израиля. Ныне рабы, а в будущем году – свободные люди. Каждый должен почувствовать, что он сегодня выходит из Египта.

– Пешком?

– А ты как думал? Но как сказал один сатирик: «Исход евреев не всегда летален».

Знаешь, что за маца у раввина в руках? «Шмура» называется. От слова «Шомер» – сторож. За ней наблюдают, начиная с первых колосков на поле и до выпечки. Представляешь, сколько стоит этот «хлеб бедности»?

– Закройте мацу, налейте второй бокал! Пока не пейте!

Приятель толкает в бок:

– Смотри внимательно. Сейчас дети «афикоман» утащат. Даже у раввина из-под локтя свистнут.

– Зачем?

– Чтобы до конца трапезы не спали и «Агоду» слушали. Потом за «афикоман» выкуп – подарок потребуют: от конструктора до компьютера. И родители купят.

Я в «афикоман» вцепился, но меня отвлекли – он исчез, сперли-таки, паршивцы. Интересно, что они у меня выпросят?

На середину зала высыпала малышня. Стали по росту и запищали:

– Ма ништана а-лайла а-зе ми-кол а-лейлойс?..

– Чего это они?

– Спрашивают: чем отличается эта ночь от всех остальных ночей?

Раввин ответил детям, а затем продолжил:

– Фараон не отпускал нас из египетского рабства на свободу. В память о десяти казнях, которыми наказал Творец египтян за издевательство над евреями, мы из второго бокала отольем 10 капель на салфетку.

Мой друг слова раввина в стихи перевел:

Ái ái ðeë Ì í ó á ááðáí :

- Áú óí äè ò á í í ñé í ðáá!

Òí éé í ááé í í ó áðáí í ó

- Óú í í ñé ó áé Ááðí í á!

Ñò áí áò éðí áíð çáííí áí áá,

È í ðí ò óóí áò í ááíííí á

В óí ðýí ñò áá í á ñí óú ó

È éýáí ó áé í áí óú ó!

Ñò áí áò éááé áò ú ò á éýáí ó éè

È á éááí ó éá

È ñí í ááí ó éè,

È á éááí ó í á

È á æéáí ò á

Ì áéí?

Áóáóò áí á í áðí ááí,

È áí á ó ááí,

È á ñò ðáí úýó ñò ú éú á

Í ðeáááò è òááá èðè-á:

- Áúúíéáé èò ñá ðý-á

Çááðè áèééá í ðeááò,

Ðàçí ðááò áúáò è óáúþ ò.

À áúá çááúí áóááò í íð,

È çáíéá-áò áúúí òáíé ááíð

Áðááíí áúáúáò è æíéáíí.

Ñáðáí-á í íéðíáò áúá

Í áéí?

Áóááò èáçíú òúú íé,

Áúí ðòò í áðááí òú ò íéí íé.

Èñí óáéíý Óáðáíí.

Çáéðè-áé:

- Í íøéè áúá áíí!

Óáðáíí çááéè ò ðááíí áí

Í í çááúé ñáíþ íí ò íáí

Áúáò í íñéáè èíéáò úú Í íøá

- Áúóíáè ò á í íñéí ðáá

Ðáúí ðí ééý ò ú á ááðé!

Í ááíáéè í í á óéá!

Æáðò áó- Í áéíáó í ú áíáéè,

Í í ñáðáò úýý í á óñí áéè.

Á ñí áóéá áúøéè çà Í íøá

Í í ðá áúò áéí ááðóáíí ò áí áí è.

Óáðáíí í íá áé çà í áí è.

Í ðíñòáð í íñí ò ñáíé Í íøá

È ñí éí óéèñí áí áú ñáí è.

Òðóí ú áúí áéíí áíéí áí è.

Î ú õàèó çàì àèè Á-ã

Àì àìðá ñ Î èðÿÿì è Î îóá

Девчущка напротив «глину» за обе щеки наяривает, облизывается. Вкусно, видите ли. «Харойсес» называется. Я тоже попробовал. Жалко, мало досталось. Съели без команды, раньше времени. Надо обязательно рецепт запомнить: тертое яблоко, орех, финики, корица и вино.

Опять все встали и пошли руки мыть.

– Сколько ж можно-то?

– Теперь с благословением. И ничего не говори, пока не съедим мацу.

– Всю?

– Нет, полтора пластика за четыре минуты, облокотившись на левую сторону, как подобает свободным людям.

– Шугишь?

– Вполне серьезно. Ведь маца – это хлеб тех, кто спешит и не распоряжается своим временем. Хлеб рабства.

Раввин сказал две брохи, разломал большую круглую мацу – шмуру и раздал всем. Мне тоже достался крошечный кусочек. Потом принялись за свою. Всухую. Только справились, как нам велют сделать «сендвич Гилела» – между двух пластинок мацы положить тертый хрен и съесть. Из глаз градом покатались слезы, и понял я, что жизнь у нас в Египте действительно была «хреновая».

Ведущий поднял горькую зелень и велел макнуть ее в «харойсес». И объяснил, что этот салат символизирует горечь рабства в Египте, а «харойсес» – глину, из которой мы делали кирпичи. Если не выполняли норму, то надсмотрщики били плетью и вместо кирпичей вмуровывали в стену еврейских младенцев.

– Посмотрите, на «Кеорас Пейсах» – пасхальном блюде – лежит обугленная куриная косточка – «зроа». Когда стоял Храм, каждая еврейская семья в первую ночь Пейсаха поднималась в Иерусалим и приносила в жертву ягненка – «корбан Пейсах», которого жарили на огне и ели с горькими травами (марор). Сегодня нет Храма, и поэтому мы можем только рассказывать о выходе из Египта и есть мацу.

Наконец, началась трапеза. Подали гефилте фиш – фаршированную рыбу и салаты. Затем бульон с «кнейдлах» – клецками из мацы и курицу с отварным картофелем.

Раввин обратился к присутствующим:

– Перед тем как произнести застольную молитву, позовем детей, и они вернут всем «афикоман» (на десерт). Если не договоритесь, тогда отломите кусочек мацы и съедите его.

Прибежали дети, и начался торг. Стоял такой галдеж, что у меня потом два дня болели барабанные перепонки.

После застольной молитвы «биркас а-мозон», с благословения раввина, выпили по третьему бокалу вина.

Раввин торжественно наполнил кубок пророка Элиёу, послал гонца приоткрыть наружную дверь и, стоя, прочел:

– «Излей гнев твой на народы, не признающие тебя...»

– Это все? Где же четвертый кубок?

– Вот «Алел» прочтем, будет тебе и четвертый.

Раввин произнес благословение на вино, и мы испили по четвертому бокалу.

И все запели:

– Бе-шоно а-бо би-Ирушалаим...

– Переведи.

– В будущем году в Иерусалиме Пейсах справлять будем.

– А не врешь?

– От тебя зависит.

– Приходите завтра, – говорят.

– И все по новой?

– Ну да. Вообще-то Пейсах восемь дней празднуют. Только сейдеры устраивают в начале и в конце праздника. Домой пешком идем.

– Вот еще!

– А ты на часы посмотри.

– Два часа ночи. Ладно, только ты мне все с самого начала объясни.

Рабами мы были в Египте.

Сегодня – свободный народ.

Сказали нам: «Тору примите»!

И вышли в нисане в поход.

ТОРКВЕМАДА

Говард Фаст

Окончание. Начало в № 142, 143

Я

Этим утром Мария решила пойти в церковь, Катерина согласилась ее сопровождать. Мария выстроила в уме такую логическую цепочку: стоит ей провести утро в церкви, и то, что случилось накануне, исчезнет или забудется, как сон. Она сказала Катерине, что сначала они исповедуются и поставят свечи, и научила, что именно надо говорить тем двум священникам, к которым она особенно благоволила. Катерина безучастно слушала мать. Мария настаивала, чтобы и Алверо пошел с ними, но он лишь сердито помотал головой и постарался побыстрее их выпроводить.

Катерина встревожилась.

– Ты останешься дома? – спросила она отца. – Никуда не уйдешь? Мы застанем тебя, когда вернемся?

Алверо, с трудом выдавив из себя улыбку, заверил дочь, что он будет дома.

– Мама хочет, чтобы я исповедовалась, – сказала Катерина.

– Прекрасная мысль, – одобрил Алверо. – Думаю, стоит послушать маму. Ты почувствуешь себя лучше.

– Ты что, ничего не помнишь? – вышла из себя Катерина.

– Я не помню ничего такого, что тревожило бы меня, и, конечно же, ничего, что могло бы потревожить тебя, – сказал Алверо. – Иди в церковь и делай то, что велит мать.

Когда жена с дочерью ушли, Алверо почувствовал облегчение. То, чего он ждал, могло произойти в любую минуту, и теперь каждый миг он воспринимал как отсрочку приговора. Алверо прошел в свой кабинет – там хранились бухгалтерские книги и счета, там он обычно работал – сел за стол и стал писать. Сначала Алверо решил, что напишет жене и дочери общее письмо. Но нужные слова не находились, и он попытался написать одной Марии. Это тоже оказалось непосильной задачей. Мария только что ушла, а он уже не мог вызвать в памяти ее образ. Они даже не попрощались. Жена просто повернулась к нему спиной и ушла из дома, и, с ее точки зрения, это было вполне естественно. Почему она должна считать, что это утро особенное?

В конце концов Алверо решил написать письмо одной Катерине – и тут слова потекли сами собой. Закончив письмо, он сложил его, запечатал и после этого стал работать над дополнением к завещанию. В это время с улицы донесся топот ног и лязг доспехов. Алверо подошел к окну и увидел, что к его дому под палящими лучами утреннего солнца направляются шесть солдат инквизиции в легких доспехах и откинутых назад больших, похожих на лодки шлемах. Как обычно, вид солдат оставлял желать лучшего, оружие у них было не чищенным, и Алверо подумал, что, будь его воля, он первым делом приказал бы им залезть в реку, прихватив с собой побольше мыла. Ребяческая мысль, и Алверо, пожав плечами, вернулся к письменному столу и своему завещанию. Сознание его раздвоилось – он разом и обдумывал пункты завещания, и прислушивался к тому, как солдаты барабанят в дверь. Потом раздался приглушенный голос Хулио – тот открыл дверь солдатам. Через какое-то время Хулио постучал в дверь кабинета. Алверо встал, впустил слугу.

– Кто там, Хулио? – спросил Алверо.

– Вы же сами знаете. Их и хочешь не услышать, а услышишь.

– Верно.

– Я не впустил их в дом, – сказал Хулио. – Они грязные – от них воняет. Не годится, чтобы такая мразь входила в дом испанского дворянина и уводила его, как вора.

– Они согласились подождать на улице?

Хулио кивнул.

– Все впереди, – сказал Алверо. – Со временем они осмелеют. Не будут стучаться, сразу примутся ломать дверь, а если на их пути встанут хорошие люди вроде тебя, они убьют их, не задумываясь.

– Вы обязаны пойти с ними? – спросил Хулио.

– Сейчас – да. Но оставим это – есть дела и поважнее. – Алверо вручил Хулио письмо. – Передай письмо Катерине. Это очень важно.

– Непременно передам, дон Алверо.

– Теперь это... – Алверо вторую бумагу передал Хулио. – Это дополнение к моему завещанию. В нем говорится, что в случае моей смерти к тебе перейдет белый жеребец – ты всегда им восхищался – и сотня золотых монет...

– Дон Алверо, ну пожалуйста, – перебил хозяина Хулио. – Не хочу и слышать ни о чем таком. Вам еще жить и жить.

– Смерть всегда близко, – нетерпеливо заметил Алверо. – А сейчас послушай меня, возьми эту бумагу и сделай, что я скажу. Я знаю, Хулио, ты не умеешь читать, но я рассказал тебе, что здесь написано. Если ты потеряешь эту бумагу, ты не получишь ничего, кроме небольшой суммы, оговоренной в завещании. Я хочу, чтобы ты знал: я и там сделал распоряжения насчет тебя и остальных слуг, но я решил сделать это небольшое добавление к нему. А теперь оставь меня одного. Иди к солдатам и скажи, что я выйду к ним сразу же, как только оденусь.

На рубашке Алверо проступили пятна пота. Он надел свежую рубашку белого шелка, поверх нее – бархатный камзол. Пристегнул к поясу самый красивый, в богатой оправе кинжал, взял зеркало, аккуратно расчесал длинные волосы. Направляясь к двери, подумал, сколько ребяческого тщеславия в его действиях, и улыбнулся.

Солдаты инквизиции поджидали его. Сержант, командовавший маленьким отрядом, сказал:

– Мы не станем надевать на вас наручники, дон Алверо, но вы должны пообещать, что не попытаетесь бежать. Я знаю, мы имеем дело с испанским дворянином, но времена изменились.

– Согласен, сержант, – сказал Алверо.

– Странные времена, дон Алверо. Теперь нельзя оставаться просто испанским дворянином или сержантом, вот как я. Все перепуталось, ведь так?

– Так, – согласился Алверо.

– Наручников на вас не наденут – только не пытайтесь бежать. Встаньте между нами, и мы все вместе пойдем в монастырь.

Алверо кивнул, встал в строй, и отряд двинулся. К этому времени церковные колокола перестали звонить – теперь слышался лишь лязг доспехов и тяжелый топот солдатских ног. Солдаты шли по улицам Сеговии, и все жители – мужчины, женщины, дети – бросали свои дела и во все глаза смотрели на

них. Однако никто ничего не говорил, никто не смеялся, не шутил, не обменивался замечаниями. Примолкли даже дети. Не было в Сеговии человека, который не знал бы дона Алверо, но никто не решился ни вступить за него, ни выказать радость при виде его несчастья.

Так они прошли через всю Сеговию и, покинув пределы города, свернули на дорогу, ведущую к монастырю.

Утро было жарче обычного. Когда они подходили к монастырю, Алверо снова вспотел, и ему подумалось, что Мария расстроится: ведь он испортил одну из самых своих тонких и дорогих шелковых рубашек. Пятна пота не сходили, даже когда слуги замачивали рубашку в соленой воде.

Маленький отряд проследовал мимо монахов – те, не обращая внимания на солдат, продолжали трудиться. Солдаты вошли в монастырь и проследовали по коридору к залу инквизиции. Там их уже ждал монах-доминиканец в черной сутане; кивком он приказал солдатам оставить Алверо и удалиться. Затем доминиканец отворил дверь и дал знак Алверо войти. Алверо неспешно вошел в зал. Монах последовал за ним, закрыв дверь.

Посреди комнаты за длинным столом сидело семь человек. В центре – Торквемада, справа и слева от него – по три инквизитора. Они удивительно походили друг на друга – ни одного добродушного, полного или веселого, все до странности – изможденностью, смуглостью лиц, темными глазами, выражением непримиримости – были похожи на Торквемаду. Инквизиторы смотрели на вошедшего Алверо, но в их глазах ничего нельзя было прочесть. Ни одобрения, ни осуждения. Инквизиторы просто наблюдали за ним.

Утренний солнечный свет лился в окна за спинами монахов. Солнечный луч падал прямо на Алверо, в нем плясали пылинки. Инквизиторы оставались в тени и оттого казались еще более отчужденными и далекими.

Алверо не испытывал ни гнева, ни страха. Если б его попросили точно описать, что он чувствует, он ответил бы: ничего. Он воспринимал себя как бы со стороны и поэтому отнюдь не с притворным, а с неподдельным любопытством спросил Торквемаду:

– Почему ты приказал привести меня, Томас?

– А ты не знаешь?

– Знал бы – не спрашивал.

– Понимаешь, Алверо, – сказал Торквемада, – нас связывают долгие годы дружбы. Я хорошо тебя знаю и, мне кажется, знаю кое-что и о твоей душе, но твои мысли сокрыты от меня. Не в моих силах проникнуть в них. Я не чародей и не обладаю сверхъестественными способностями. Я только бедный монах, по мере сил стараюсь хорошо делать свое дело, и, думаю, ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой. Поэтому скажи мне сам, почему ты здесь.

– Не знаю.

– Дон Алверо, – продолжал Торквемада, – ты принимаешь догмат о бессмертии человеческой души?

– Принимаю.

– Тогда мы не враги тебе, а твои спасители – ибо что значит земное страдание по сравнению с вечным блаженством?

Торквемада замолчал, выжидая, что скажет Алверо. Он нетерпеливо подался вперед, инквизиторы переводили глаза с Торквемады на Алверо, затем снова на приора. Но Алверо хранил молчание, и тогда Торквемада сказал, голос его звучал участливо:

– Признайся.

– В чем?

– Ты лучше знаешь.

– Скажи, в чем меня обвиняют, – потребовал Алверо.

– Какая наивность! Большинство тех, кто стоял перед нами, дон Алверо, были объаты страхом. Но боялись они не меня. Боялись Г-спода, боялись Г-сподней воли, явленной через меня. А ты не боишься?

– Нет.

– А Б-га ты боишься, Алверо?

– Я боюсь только того, что мне угрожает, – с расстановкой ответил Алверо. – Б-г мне не угрожает.

– Значит, тебе угрожаю я?

– Я не хочу взывать к нашей дружбе, Томас. Однако ни одному из нас нет нужды ранить тело или душу другого. Скажи, в чем меня обвиняют.

Торквемада вздохнул, и вдруг – ни с того ни с сего – с размаху ударил кулаком по столу.

– В страшной ереси! В иудейской!

– Я не еврей, я христианин, – спокойно сказал Алверо.

– Это так, это так, Алверо де Рафель. Иначе ты не держал бы ответ перед святой инквизицией. Евреи не держат перед нами ответ: они прокляты со дня своего рождения, у них нет ни малейшей надежды на спасение. Что такое грех, что такое ересь по сравнению с вечным проклятием, на которое они обречены: ведь на них не распространяется милость Б-жьей. Вот в каком положении еврей, и да не запятнает его присутствие святые стены монастыря!

Торквемада, казалось, излил свой гнев в словах. Голос его зазвучал мягко и сочувственно. Кулак разжался, пальцы чертили на столе узоры. Торквемада поднял голову, испытующе поглядел на Алверо.

– Я давно знаю тебя, Алверо де Рафель, тебя, твою жену и дочь. Я брал твою дочь на руки, когда ее еще не окрестили, она выросла на моих глазах. Я давно знаю и люблю тебя и не хочу, чтобы гибель твоей души тяжелым грузом легла на меня. Душа моя и так отягощена. Ты сказал, что мы друзья, и, если это так, мы должны понять друг друга. Осознай, Алверо, какую ношу я взвалил на себя. Прошу тебя – исповедуйся, облегчи душу.

Алверо обдумал его слова и кивнул. По-прежнему ощущая все то же странное отчуждение, он сказал:

– И тогда ты сможешь привязать меня к столбу и сжечь живым?

Сидевший в конце стола, справа от Торквемады, очень старый инквизитор выкрикнул:

– Сгорает брменная плоть! Огонь укрепляет душу! И тогда болезнь, которую мы зовем жизнью, уходит...

Монах, сидящий рядом с ним, добавил:

– Что такое наша плоть? Мерзость, грязь и грех. Слышишь, дон Алверо?

Старик на правом конце стола улыбнулся. У него почти не осталось зубов – лишь внизу торчал один желтый зуб да наверху два желтых клыка. Из-за этого он пришепetyвал:

– Брeнная плоть проходит обряд очищения. Ты утратишь ее, дон Алверо, но подумай о том, что обрeтешь взамен. Жизнь вечную.

Еще один инквизитор по другую сторону от Торквемады поддержал его:

– Огонь – благодатный и чистый – освободит от всех грехов. И душа воспарит, исполненная благодати.

Торквемада раздраженно покачал головой, и Алверо почувствовал, что приора раздосадовали и смутили слова его коллег.

– Приди к Б-гу, – сказал он. – Прекрати свои мучения, Алверо.

– Нет, Томас, – ответил Алверо. – От своих мук я так просто не откажусь.

Старик на левом конце стола вдруг раскипятился: как смеет Алверо так фамильярно обращаться к великому инквизитору!

– Он презирает нас, – заметил третий инквизитор. – Откровенно презирает. Ты презираешь нас? – обратился он к Алверо.

– Я вспомнил, что у меня был друг, – сказал Алверо. – Разве это грех – называть его Томасом? – Он обратился к Торквемаде: – Это тоже грех? Мне нельзя больше называть тебя Томасом?

– Я тоже помню друга, – ответил Торквемада. – Зови меня Томасом сколько хочешь. Да поможет мне Б-г, да поможет Он нам обоим. Я обращаюсь к тебе как к другу, Алверо. Отринь свои муки и обрети мир.

– Но в своих муках я открыл нечто бесконечно дорогое для меня.

– Дорогое? Что же это, дон Алверо?

– Я сам.

– Еретик? Еврей? Кто ты теперь, Алверо?

– Человек.

– И что это значит, Алверо? То, что ты создан из плоти и крови? Что ты ешь, спишь и дышишь? Все это может делать и животное. Оно тоже из плоти и крови. Как и еврей. Я говорил о твоей бессмертной душе.

– Наше тело – плоть и кровь, а что такое бессмертная душа? Сострадание и милосердие? Или все то, чему меня учили, – ложь?

– Мы, святая инквизиция, – это и есть милосердие и сострадание.

– Милосердие и сострадание? – повторил Алверо, не в силах скрыть удивления. – Нет, Томас, ты, видимо, считаешь меня глупцом. Ты издеваешься надо мной, разыгрываешь меня?

– Я предлагаю тебе нечто бесценное.

– Что именно? Столб, у которого меня сожгут? Тюремную камеру, где я сгнию заживо?

Голос инквизитора на дальнем правом конце стола сорвался на визг:

– Самого Господа нашего распяли! Костер спасет тебя от ереси! Очистительное пламя окутает тебя покровом любви и заботы...

Не в силах сдерживаться, Алверо, указывая на старика, закричал:

– Томас, я вынесу все, что должен вынести, но не хочу слушать этого старого дурака!

Торквемада повернулся к старцу.

– Хватит! Ни слова больше! – резко сказал он. Затем обвел взглядом остальных: – Замолчите все! Иначе я наложу на вас епитимью и она будет соразмерна моему гневу. Этого человека буду допрашивать я.

– Ты заходишь слишком далеко, приор, – сказал один из инквизиторов.

– Не тебе говорить, насколько далеко я могу заходить, – зло отозвался Торквемада. Повернувшись к Алверо, он сказал: – Я просил тебя, Алверо, но больше просить не могу. Признавайся!

– Мне не в чем признаваться.

– А что это у тебя на шее?

Торквемада встал и, отодвинув стул, направился, огибая стол, большими шагами к Алверо. Они стояли друг против друга, и Алверо, понизив голос, спросил:

– Почему, Томас? Почему? Почему ты так поступаешь? Что за дьявол управляет тобой?

Торквемада протянул руку, ухватил цепочку на шее Алверо и стащил ее через голову.

– Ты по-прежнему носишь этот медальон, – сказал Торквемада. – Ничто не может заставить тебя снять его, никакая опасность не может заставить тебя испытать страх.

– Я дорожу своей честью.

– Честью? – вскинув бровь, переспросил Торквемада, держа перед собой медальон.

– Эта вещь ничего для меня не значит, – пылко произнес Алверо. – Этот медальон, что ты держишь сейчас в руке, ничего не значит и никогда ничего не значил для меня. Я храню его лишь как память, и только как память он имеет для меня значение. Он принадлежал моему отцу, а до него – деду, и потому, сохраняя его, я отдаю дань уважения каждому из них. Но в том кошмаре, который благодаря тебе и тебе подобным воцарился в Испании, этот медальон стал для меня чем-то большим, чем просто память. Из-за того безумия, с каким вы преследуете каждого, в ком есть хоть капля еврейской крови, я начал гордиться им. Повторяю, Торквемада! Гордиться! В испанском языке есть такое слово, Томас. Хорошее испанское слово. Знаешь ли ты, мой дорогой Томас, что я не только христианин, но еще мужчина и испанец? Если я выброшу медальон, который ты держишь в руке, не исключено, что я останусь христианином, но перестану быть человеком и стану таким испанцем, каких и без меня в избытке.

– Ты подписал себе приговор, – с горечью сказал Торквемада.

– Да пошел ты к черту! – взорвался Алверо. – Приговор мне был подписан в тот день, когда король Испании посоветовал тебе попробовать моей крови и разделить с ним мое богатство!

10.

Время остановилось – вот что лучше всего запомнилось Алверо из его пребывания в камере пыток. Впервые его привели сюда за день до Страстной недели. Из того, что происходило в первый раз, он не помнил ничего – во всяком случае, ничего, что имело хоть какое-то касательство к его теперешней жизни, заполненной разного рода пытками. Ему протыкали иглами кожу, прижигали каленым железом спину, от этого Алверо потерял реальное ощущение времени: теперь он не мог бы ответить, сколько раз его приводили в пыточную камеру.

Что-то он помнил, но не боль, боль он вспомнить не мог. Один раз перед ним всплыло лицо Томаса – безжизненная маска под куколом освещалась языками пламени, колышущимися, как маятник часов. Все время, пока Алверо видел перед собой Томаса, кто-то отчаянно кричал. Потом он понял, что это кричал он, что он слышал свой крик.

В другой раз все время, пока его пытали, взор Алверо был прикован к распятию, висевшему на стене пыточной камеры. Это был готический Христос, очень худой, очень натуральный, из раны на боку струилась кровь.

Алверо помнил, что тогда ему казалось, будто распятие движется, наклоняется все сильнее и в конце концов падает на пол, но он понимал, что это была галлюцинация.

Лучше всего он помнил потолок. Потолок был каменный, постоянно подтекал, на мокрой поверхности завелся грибок. Впервые Алверо обратил внимание на потолок, когда его вздернули на дыбу. Он смотрел на сырой потолок, крича от боли, потом перед ним возникла маска, под которой скрывалось лицо одного из мучителей. Маска – символ этой камеры. В ней все ходили в черных масках с прорезями для глаз и носа.

Запомнил он также и одного человека. В памяти Алверо он запечатлелся голым с головы до ног, хотя на самом деле нагота его была прикрыта фартуком. Этот человек был такого могучего телосложения и так физически силен, что его руки могли заменять самые страшные орудия пыток. Хотя лицо мучителя скрывала маска, Алверо он всегда представлялся смеющимся – такое наслаждение доставляли ему пытки.

Было время, когда Алверо хлестали плетью, а ему все это время слышался колокольный звон. После этого его надолго оставили в покое, чтобы зажила спина. Больше его не пытали. Алверо помнил, как однажды, пока спина еще заживала, ему удалось подняться с тюремной койки и доковылять до крошечного окошечка высоко в стене – и выглянуть наружу. Окно оказалось всего на несколько дюймов выше земли. Неподалеку играл голый малыш. Этот двухлетний мальчуган был одним из сирот, которые воспитывались при монастыре. Он играл с голубем. Голубь его не боялся – очевидно, хорошо знал мальчика. Голубь прыгал на мальчика, взбирался к нему на голову, хлопал крыльями, малыш визжал от восторга.

Тогда же Алверо вспомнил письмо, которое оставил Катерине. Как ни странно, он не забыл ни единого слова из этого письма и повторил его вслух от начала до конца:

«Ты помнишь, моя дорогая Катерина, как один раз сказала мне, что я лучший из всех испанских рыцарей? Таким я был для тебя, для меня же ты самая чистая и прекрасная из всех женщин. Поэтому я пользуюсь случаем, чтобы сказать тебе: даже самый храбрый рыцарь, если его лишит оружия, беззащитен. Сейчас я в таком положении. Я беззащитен и наг. Каким я пришел в этот мир, таким и уйду из него, а все, чем я владею, отойдет королю и инквизиции. Пока это еще не случилось, но это неизбежно, и ничто не сможет этому помешать. Будь у меня сын, я мог бы передать ему мою шпагу – она всегда напоминала бы ему, что его отец был испанским рыцарем. Тебе же, дочь моя, я могу оставить только память, вещь столь драгоценную, сколь и опасную...»

Он остановился, припоминая, что же дальше. Но это было слишком мучительно.

Шли дни, спина заживала. Пытки прекратились. Два раза в день в камеру приносили хлеб, воду и лук. Это был ежедневный рацион Алверо. Однажды, внезапно проснувшись, он увидел, что у изножья койки Торквемада и глядел на него. Сначала Алверо решил, что это галлюцинация, мираж. За время пыток у него часто случались галлюцинации, и потому он закрыл глаза, подождал и вновь их открыл. Торквемада не исчез.

Алверо потянулся за кувшином воды, стоявшим на столике у койки. Торквемада сам подал ему кувшин. Алверо отпил и сел в постели.

– Очень больно, Алверо?

– Ты еще спрашиваешь?

– Да, Алверо, спрашиваю.

– Что я могу рассказать тебе, Томас, отец мой? – недоверчиво отозвался Алверо. – Может, рассказать тебе о муках Христа на кресте? Теперь я знаю, что это такое.

– Я тоже.

– Ты, Томас?

Торквемада кивнул.

– Господи, Алверо, а ты как думал? Разве вид страданий доставляет мне радость? Разве я чудовище, которое питают смерть и боль?

– Это правда? Скажи мне.

– Я служу Б-гу! – пронзительным голосом только что не прокричал Торквемада.

– Знаю, – сказал Алверо. Набрал в рот тухлой воды из кувшина, медленно проглотил ее. – Ты должен простить меня, Томас, мне трудно говорить, но, как я уже сказал, мне многое открылось. Ты ревностно служишь Г-споду – и моя судьба тому свидетельство. Я знаю, как ты служишь Б-гу. Мне это досконально известно.

– Я умолял тебя исповедоваться, Алверо. Я и сейчас прошу тебя: признай свой грех – дай мне сойти с креста.

– Нет! – яростно вскричал Алверо.

– Тебе неведомы ни раскаяние,

ни жалость.

– К кому – к тебе, Томас? Жалость к тебе? О чем ты просишь – пожалеть тебя? Может, мне еще помолиться о спасении твоей души? Ты этого хочешь?

– Г-споди, помоги мне! Неужели ты думаешь, что я не люблю тебя?

– Любишь? Нет, Томас, ты давно разучился любить, и теперь нет такого существа на земле, которое ты любил бы.

– Я не хочу, чтобы ты умер без прощения и надежды! Прошу тебя, Алверо, открой душу, – взмолился Торквемада.

Алверо горько улыбнулся.

– Итак, ты умоляешь меня, Томас.

Тяжело вздохнув, Торквемада кивнул:

– Будь по-твоему, Алверо.

Он снова вздохнул и пошел было к двери, но тут Алверо окликнул его:

– Томас!

Торквемада медленно повернулся к Алверо, и тот с удивлением увидел, что лицо приора осветилось надеждой.

– Когда мне предстоит умереть? – спросил Алверо.

– Скоро, и да смилостивится над тобой Г-сподь!

– А в тебе есть милосердие, Томас?

– Я не могу ничего ни изменить, ни остановить, Алверо. И ты это знаешь. Не думай, что все зависит от меня. Тут я бессилён.

– Есть в тебе милосердие или нет? – повторил Алверо.

– Чего ты хочешь?

– Ты знаешь.

– Возможно.

– Разреши мне повидаться с раввином Мендосой.

– Хочешь, чтобы мы оба погубили свои души? Так, Алверо?

– Дай мне повидаться с ним, – тихо произнес Алверо. – Если ты дорожишь бессмертием своей души, Торквемада, дай мне повидаться с ним.

11.

В те времена в Сеговии была площадь под названием Пласа де Фе, и это означало, что там вершилось аутодафе. Аутодафе – это акт веры, требующий сжечь еретика живьем. Но и в те времена жители Сеговии не знали, кто совершает акт веры: тот, кого сжигают, или тот, кто сжигает. Во всяком случае, эта площадь на краю города вызвала смешанные чувства у тех, кто проходил мимо; бывали дни, когда после аутодафе в воздухе стоял такой невыносимый запах горелого мяса, что только люди с крепкими желудками могли приблизиться к площади.

Однако в тот вечер, когда Торквемада, проходя мимо этого места, остановился там отдохнуть, воздух был свеж и чист. Уже одиннадцать дней здесь не полыхал костер. Каменная платформа, которую называли пьедесталом веры, была тщательно подметена, а под возвышавшимся над ней массивным, почерневшим от огня столбом не лежала, как обычно, зловещая вязанка дров. На пьедестале сейчас стоял монах с пергаментным свитком в руках. За его спиной солдат инквизиции держал факел, чтобы монах мог читать. Вокруг платформы толпилось человек тридцать-сорок. Как отметил про себя Торквемада, преобладали нищие, мусорщики, проститутки и карманники, между ними бегали, кричали, резвились оборванные, полуголые дети.

Монах приступил к чтению, Торквемада остановился послушать. Он стоял с краю толпы, наполовину укрывшись в тени.

– Вот они, приметы дьявола, – читал монах. Зычным, твердым голосом он чеканил слова: – Раскройте ваши глаза, дабы не поддаться греху, и тогда вы распознаете того христианина, который остается евреем в сердце своем, евреем втайне, в ночи. Узнаете вы его так. Внемлите. Прежде всего он чтит субботу. Если в субботу на нем свежая рубашка или праздничная одежда, если он накрывает стол чистой скатертью, не разводит огонь в печи и отдыхает – знайте, это он, и, если Б-г живет в вашем сердце, вы разоблачите его и призовете на его голову огненную кару...

На последних словах голос монаха поднялся до крика. Толпа подхватила крик, улюлюкала, свистела, хлопали в ладоши.

– Хвала Г-споду! – выкрикнул кто-то.

Крик снова подхватили. Дети, приложив ладони трубочкой ко рту, радостно вопили.

Монах дал свиток солдату и воздел руки, призывая к молчанию. Когда толпа утомилась, монах продолжил чтение:

– И вот как вы узнаете его: он ест мясо в пост, не ест мяса и не пьет в их Судный день, празднует еврейскую пасху... – Здесь монах добавил от себя: – Вот когда вы можете обнаружить еретика. Легче всего это сделать на еврейскую пасху. В этот день присматривайтесь к нему, следите за ним. Искушайте его, предлагайте ему хлеб и смотрите, дотронется ли он до него, положит ли в рот. Вложите хлеб ему в руки силой, чтобы увидеть, не бросит ли он его на землю, как мы, обжегшись, бросаем горящий уголек. Так вы хитростью заманите его в ловушку, а на ваши бессмертные души снизойдет благодать...

Торквемада поспешил уйти. Его била дрожь, охватило уныние, которое ему никак не удавалось побороть. Он проходил одну за другой улицы Сеговии – искал место, которое, как ему казалось, помнил, но, отчаявшись найти его, подозвал мальчика. Мальчишка хотел было убежать, но, услышав голос Торквемады, остановился так резко, словно на него набросили лассо.

– А ну, подойди сюда, мальчик!

Юнец явно колебался. Затем все же медленно приблизился к мрачному, возвышавшемуся над ним приору и молча остановился перед ним.

– Скажи, мальчик, где здесь дом раввина Мендосы? – спросил Торквемада.

Мальчишка молча покачал головой.

– Ты знаешь, кто я?

Юнец все так же молча кивнул.

– Тогда делай то, что тебе говорят, – веди меня к его дому.

Мальчик покорно двинулся впереди Торквемады. Приор пошел следом, и вскоре они подошли к двери в стене; мальчик указал на нее и тут же убежал. Торквемада постучал и стоял – дожидаясь, когда ему откроют. Прошло довольно много времени и приор уже стал сомневаться, не привел ли его мальчишка к пустующему дому, но тут дверь медленно отворилась. На пороге стояла женщина средних лет – тщедушная, невзрачная, она разглядывала Торквемаду невозмутимо, но неприветливо.

– Кто вы? – спросила женщина.

– Я приор Томас де Торквемада.

– Мне известно это имя, – сказала женщина, сдержанно кивнув. – Что вам нужно здесь, приор?

– Я хотел бы поговорить с раввином.

– Мы евреи, приор. Не мараны^[1], не новообращенцы, не вероотступники или еретики. Всего лишь евреи. У нас с вами нет никаких дел. Мы не подлежим вашей инквизиции.

– Ты что, будешь наставлять меня законам церкви? – вскипел Торквемада, но, справившись с собой, сказал уже более спокойно:

– Тем не менее мне необходимо поговорить с раввином.

Какое-то мгновение женщина колебалась, приглядываясь к Торквемаде, затем распахнула дверь и отступила в сторону, пропуская приора. Потом закрыла за ним дверь. Прихожую, в которой очутился Торквемада, освещал только свет из соседней комнаты. Торквемада остановился в ожидании.

– Идите за мной, – сказала ему сеньора Мендоса.

Она привела его в просто обставленную комнату размером приблизительно девять на четырнадцать футов. У одной стены стоял небольшой каменный очаг, пол был выложен плитками, стены отштукатурены; на внутренней стене располагались окна, которые, Торквемада знал, всегда выходят во двор, каким бы маленьким он ни был. Обстановка комнаты состояла из стола, нескольких стульев и буфета.

Ужин был накрыт на двоих – раввина и его жену. Две тарелки, хлеб, немного сыра, оливки и лук – вот все, что стояло на столе. Когда Торквемада вошел в комнату, раввин, сидевший у дальнего конца стола, встал, вопросительно посмотрел на приора – молча ждал. В конце концов Торквемада не выдержал, откинул капюшон и спросил:

– Раввин Мендоса, ты не узнаешь меня?

– Я знаю тебя, приор, – ответил Мендоса.

– Ты знаешь и Алверо де Рафеля.

Мендоса продолжал стоять у стола, глядя на Торквемаду так, словно не слышал его.

– Я говорю, что ты знаешь его, – настаивал Торквемада.

Мендоса отодвинул стул, обогнул стол и подошел к приору.

– Почему ты спрашиваешь меня об этом? – сказал он, в голосе его сквозило отчаяние: он старался догадаться, какую западню готовит ему Торквемада. – Предположим, я скажу, что знаю его, – и что тогда? Ты пошлешь за ним своих солдат. Поставишь его перед так называемым судом в камере инквизиции. Его станут обвинять, он станет отрицать обвинения. Тогда вы отправите его в то страшное место, что зовется у вас кельей веры, и будете мучить до тех пор, пока не сломите его ум и дух...

Тусклым, безучастным голосом Торквемада ответил:

– Все это уже позади, раввин. Сейчас он в камере инквизиции.

Сеньора Мендоса покачала головой и опустила на стул. Раввин закрыл на мгновение глаза, лицо его исказило страдание. Но он тут же взял себя в руки и, понизив голос, осторожно спросил:

– Кто ты, приор Торквемада? Наши мудрецы говорят, что жизнь нам дана, чтобы поддерживать хорошие отношения с другими людьми. Вся моя жизнь я пытаюсь понять людей, подобных тебе. Самый жестокий и тупой поденщик ест хлеб и мясо, твоя же пицца, и не просто пицца, а пир, – человеческие страдания.

– Пир? Нет, раввин. Какой уж тут пир, когда чужая боль отзывается в тебе такой же болью.

– Вот как? – произнес Мендоса. – Ты и перед Всевышним осмелишься оправдываться за причиненные тобой страдания и смерти тем, что боль этих несчастных отзывалась болью и в тебе? И такую софистику ты преподносишь Б-гу? Послушай, приор, подобные мысли недостойны тебя. Что ты можешь знать о муках, приор?

– Я служу моему Г-споду, как он повелевает мне, и пришел я к тебе не для того, чтобы обсуждать теологические вопросы с иудеем.

– В таком случае зачем же ты пришел ко мне?

– Алверо де Рафель попросил привести тебя к нему...

– И ты согласился по доброте душевной? Ты это хочешь сказать? Я что, ребенок, чтобы поверить тебе? Или дурак? Ты хочешь, чтобы я поверил в эту чушь?

– Ты не Б-г, чтобы я перед тобой оправдывался! – отрезал Торквемада. – Я дружил с Алверо де Рафелем двадцать лет.

– Так, значит, ты арестовал его и осудил на пытки из братской любви? А потом привяжешь к этому проклятому столбу на площади веры и в знак высшего доказательства своей любви сожжешь его и станешь вдыхать запах его горящей плоти?

– Только ради спасения его души, – сказал Торквемада.

Мендоса покачал головой, отвернулся, пересек комнату, подошел к жене. Положил руку ей на плечо, вздохнул и обратился к Торквемаде:

– Ненависть – вот что дается нам хуже всего. Да поможет мне Б-г, но мне жаль тебя, приор. Хорошо, веди меня к нему.

Тут жена раввина вскочила и преградила мужу дорогу.

– Нет, – твердо сказала она. – Нет! Я не пущу тебя с ним!

– Раз дон Алверо просил меня прийти, я должен выполнить его просьбу, – ответил Мендоса.

– Но ведь там инквизиция, – умоляла его женщина. Повернувшись, она указала на Торквемаду – рука ее дрожала. – Только взгляни на него. Ты знаешь, кто он и чего от него ждать.

– Нет, дорогая, – терпеливо произнес Мендоса. – Я не знаю, кто он и чего от него ждать. Знай я, мне было бы легче. Даже в это страшное время мне было бы легче. Но я не знаю, кто он. И не знаю, чего от него ждать. И да простит меня Б-г, не понимаю, для чего такие люди, как он. И все же мне придется пойти с ним.

Раввин мягко отстранил жену и направился к двери. Торквемада последовал за ним.

Они шли рядом по улицам города. Луна уже взошла, было достаточно светло, и они видели дорогу. Некоторое время они шли молча, потом Мендоса спросил у приора, не страшно ли ему идти так поздно в обществе еврея и притом еще и раввина. В вопросе его звучала смешанная с грустью насмешка. Однако Торквемада отнесся к его вопросу всерьез.

– Я боюсь только Б-га, – отрезал он.

– Но нас же видят, – продолжал Мендоса. – Даже в темноте можно узнать тебя и меня. Представь, что один шепнет другому: смотри, Торквемада, уж не иудей ли он? И что будет, если этот слух пойдет гулять по городу, как обычно бывает?..

– Такое может сказать только дьявол, – ответил Торквемада.

Мендоса кивнул:

– Да, дьявол. Все валят на него! Но скажи мне вот что, приор. Помнится, сто лет назад – не больше – в Барселоне жил благочестивый и набожный раввин и звали его Торквемада. У дьявола долгая память, не так ли, приор?

– Что-то ты слишком много себе позволяешь, еврей! – оборвал его Торквемада.

– Все мы позволяем себе слишком много, приор, – согласился Мендоса. – Жизнь – вещь нелегкая. Однако мы, евреи, не придаем такого значения исповеди, как вы. Поэтому я не прошу тебя исповедоваться.

– Ничего не проси у меня, еврей! И молчи! Мне нет нужды говорить с тобой.

– Как пожелаешь. – Мендоса пожал плечами. – Мои речи не мудреные и не забавные, а что до фамилии Торквемада, то напомним тебе, приор, что в Испании ее носят тысячи людей. Это распространенная фамилия. Так что, ты видишь, мои домыслы довольно ребяческие и неосновательные.

12.

В сон Алверо, в его кошмары, в искаженные болью воспоминания врывается голос Торквемады. Он видел лицо Торквемады. Горло у Алверо пересохло от жажды, а Торквемада держал перед ним бокал охлажденного вина и улыбался. Потом лицо его исчезло, остался один голос. Бесстрастный, гнусавый, повелительный, он командовал им. Алверо услышал, как Торквемада сказал:

– Дай мне ключ и факел. Ты можешь добраться до двери и в темноте.

Алверо открыл глаза. Сквозь окошечко в двери он различил дрожащий свет факела. Вновь раздался голос Торквемады:

– Да, это его камера.

Ключ повернулся в замке, дверь со скрипом открылась. Вначале Алверо увидел только факел. Он сел, протер глаза и тут увидел Торквемаду – тот стоял перед ним с горящим факелом в руке, рядом с ним стоял еще один человек. Огонь слепил Алверо глаза, поначалу он ничего толком не видел. И он закрыл глаза, лишь чуть погодя слегка их приоткрыл. Протер их, раскрыл пошире и заставил себя смотреть на пляшущее пламя факела. Ему показалось, что человек рядом с Торквемадой – раввин Биньямин Мендоса, но он не был в этом уверен, как не был уверен и в том, что все увиденное не галлюцинация и не сон.

Но вот привидение, принявшее облик Мендосы, заговорило и, обратившись к Алверо, спросило, не мучит ли его боль. Алверо с трудом поднялся на ноги и прошел два шага, отделявшие его от Мендосы. Дотронулся до раввина – убедился, что перед ним не призрак. Затем дотронулся до Торквемады. Приор не шевельнулся – он молча держал в руке горящий факел, тот потрескивал и шипел, и тогда Алверо протянул руку и откинул куколь, чтобы увидеть лицо Торквемады.

Торквемада кивнул на Мендосу.

– Я сделал, что ты просил, дон Алверо, – сказал он.

Алверо вернулся к койке. Прежде чем ответить, он некоторое время смотрел на раввина.

– Мучит ли меня боль? Да, мучит. Но я учусь так жить и думаю, что учусь умирать в муках. Спасибо, что вы пришли.

Раввин кивнул, а Алверо спросил Торквемаду, не мог бы он оставить их наедине.

Торквемада покачал головой.

– Я подвергаю опасности свою душу уже тем, что привел сюда этого еврея.

– Тогда уведи его! – вспылил Алверо. – Уведи, пока он не сказал лишнего. Все, что он тут скажет, будет свидетельствовать против него. И ты предъявишь ему обвинение.

– Этого не будет, – сказал Торквемада.

– Я тебе не верю, – сказал Алверо презрительно.

– Даю тебе слово! – заверил его Торквемада.

– Поверьте ему, – вмешался в их разговор Мендоса. – Поверьте ему, сын мой. Он дал слово. Не подвергайте его слова сомнению.

– Вы верите ему? – спросил Алверо.

– Да, верю. Я верю ему, – ответил Мендоса.

Алверо прислонился к стене, закрыл глаза и долго сидел так. Когда же он вновь открыл глаза, мужчины все еще были в камере. Алверо чувствовал страшную усталость.

– Рабби, – сказал он усталым голосом, – ответьте мне на один вопрос.

– Спрашивайте, сын мой. А

– Кто я? Христианин или иудей?

– Христианин, сын мой.

– Инквизиция считает, что я повинен в иудейской ереси, – сказал Алверо, преодолевая боль: говорить становилось все труднее. – Я носил на шее медальон. Рядом с крестом. Медальон и крест лежали рядом на моей груди. Этот медальон принадлежал моему отцу. В нем кусочек пергамента со словами: «Возлюби Г-спода Б-га твоего всем сердцем твоим, всей душой твоею и всеми силами твоими». Вы знаете, что это за слова, рабби?

– Знаю.

– Это завет?

– Нет, это не завет.

– Я христианин, – продолжал Алверо. – И тем не менее, мне предстоит умереть из-за того, что я по недомыслию носил этот медальон.

– А почему вы его носили, дон Алверо?

– Не знаю, – ответил Алверо.

– Но вы сознавали, что это опасно?

– Да, сознавал, – признал Алверо, взглянув на Торквемаду.

Торквемада отвел глаза, теперь он смотрел прямо перед собой – его темная фигура с горящим факелом в руках казалась высеченной из мрамора.

– Вы хотите быть евреем? – спросил Мендоса.

– Не знаю. Никогда об этом не думал. Я ни разу не спрашивал себя: Алверо де Рафель, кем ты хочешь быть: иудеем, христианином или мусульманином? С какой стати? Я испанский дворянин и христианин. У меня имелось все, что нужно человеку для счастья. Скажите, к чему мне было стремиться стать евреем?

– Я не могу ответить на этот вопрос, дон Алверо.

– Да, наверное, не можете, – согласился Алверо. – Но человека, который так думал, рабби Мендоса, больше нет. Его место занял тот, кто сейчас перед вами в камере. Взгляните на меня. Взгляните на меня, рабби, потому что я прошу вас: сделайте меня иудеем!

– Нет! – не двигаясь с места, выкрикнул Торквемада.

Раввин повернулся к Торквемаде.

– Успокойтесь, приор. – голос его был спокойным. – Разве я могу сделать его иудеем?

– Можете и должны! – настаивал Алверо.

– Но почему? – спросил Торквемада. – Почему?

– А потому что я не хочу никогда больше иметь с тобой ничего общего!

– Ты хочешь вечно гореть в аду? – наседал на Алверо Торквемада.

– Да! С радостью! С наслаждением! – выкрикнул Алверо.

– Дон Алверо, – вмешался Мендоса, – все не так просто. Если евреи – избранный Б-гом народ – а понять, для чего Он нас избрал, трудно, разве что Он хотел, чтобы мы вечно мучились так, как вашему Спасителю довелось мучиться несколько часов на кресте, – если уж так случилось, в этом нет ничего такого, к чему бы надо стремиться. Мы родились евреями – и тайну нашей судьбы, как мы ни бьемся, разгадать не можем. Сделать же вас евреем не в моей власти.

Алверо встал – его качало. Простирая руки к раввину, он повторял:

– Вы можете! Вы должны!

– Послушайте меня, – сказал Мендоса. – Молю вас, послушайте. Был такой еврейский мудрец по имени рабби Гилел, да будет благословенна его память; так вот, к нему как-то пришел язычник и сказал: «Рабби, сделай меня иудеем». И рабби Гилел ответил ему: «Я не могу сделать тебя иудеем, потому что иудей – это тот, кто знает закон и следует ему». Тогда язычник – он сильно расстроился – сказал: «Откуда мне знать закон, если его изучают всю жизнь и все равно до конца не знают? На это рабби Гилел возразил: «Верно. Чтобы изучить закон, жизни не хватит, но на это можно взглянуть иначе. Я могу изложить тебе закон в одном предложении. Вот оно: возлюби брата своего, как самого себя. Весь закон в этом, а остальное – толкование». Вот что говорил самый почитаемый из наших мудрецов.

Мендоса замолчал, и Алверо показалось, что он хотел бы взять свои слова назад, переосмыслить их, но было видно, что это ему не удастся.

– Вы понимаете меня, дон Алверо? – спросил раввин.

– Не больше, чем вы меня, – прошептал Алверо.

– Я понимаю вас.

– Тогда во имя Г-спода – вашего или моего – сделайте так, как я прошу!

– Только из ненависти к нему? – спросил Мендоса, указывая на Торквемаду.

– А разве я должен любить его? – сказал Алверо. Теперь и он указывал на Торквемаду. – Взгляните на него! Только взгляните! И это служитель Б-жий! – Силы у Алверо кончились. Ноги его подкосились, он опустился на кровать.

– Здесь больше нечего делать, – сказал Торквемада Мендосе. – Пойдемте.

– Дон Алверо, послушайте меня, – сказал Мендоса. – Подумайте о том, что я сказал. Если бы вы пришли ко мне и попросили: «Сделайте меня человеком», – что бы я вам ответил? Вы такой, каким вас сотворил Г-сподь – и никакой другой...

– Вы говорите загадками, – пробормотал Алверо.

– Как и все мы, – согласился Мендоса.

– Довольно, – сказал Торквемада.

Он вышел, подождал Мендосу у двери. Затем закрыл дверь за ним дверь и повернул ключ в замке.

13.

Торквемада давно покинул площадь, где сжигали еретиков, а монах все продолжал читать свиток, где перечислялось, как распознать исповедующих иудейскую веру. Однако чтение затянулось, и, пока монах перечислял бесконечные знаки и символы, по которым можно признать иудея, толпа понемногу рассеивалась. Сначала потеряли интерес к происходящему дети и разбежались по домам, где их ждал скудный ужин и куча тряпья вместо постели. Затем потянулись проститутки: приближался час, когда появлялись первые клиенты. За ними, по одному, разошлись воры, карманники, попрошайки и головорезы.

После того, как монах закончил чтение, свернул пергамент, помолился и скрылся в темноте вместе с солдатом инквизиции, на площади остался только один человек. Хрупкая женщина, закутанная с головы до ног в темный плащ, сидела на низком камне спиной к тому самому пьедесталу веры. Прошло, наверное, не меньше часа, а она все сидела, не двигаясь с места, пока ее не окликнули:

– Катерина! Ты здесь? Катерина! Это ты?

На площади появился Хуан Помас. Луна уже светила вовсю, при ее свете он рассмотрел хрупкую фигурку, съезжившуюся у края платформы.

– Это ты, Катерина?

Закутанная в плащ фигура поднялась, застыла в ожидании. Хуан Помас подошел к ней, и тогда девушка откинула капюшон.

– Б-г мой, Катерина, – сказал Хуан. – Я чуть не помешался от страха – искал тебя повсюду. Уже так поздно. Ты что, забыла, который час? Тебе нельзя оставаться здесь одной. Здесь полно головорезов и воров.

– Куда же мне идти, Хуан? – спросила она.

– Я отведу тебя домой.

– Домой? Куда же? Где тот дом, который откроет для меня двери?

– Твой родной дом, – раздраженно ответил Хуан.

– У меня нет дома.

– Ты несешь чепуху, Катерина. Что ты хочешь этим сказать? Если б ты только знала, как волнуется твоя мать. Ей так плохо, что ее пришлось уложить в постель.

– А ты беспокоишься за меня, Хуан?

– Конечно.

– Это ты донес на него?

– Катерина, что на тебя нашло? Тебя не узнать. Иногда ты говоришь так, что я перестаю тебя понимать. О чем ты?

– Ты все прекрасно понимаешь, – продолжала Катерина. – Я задаю тебе простой вопрос. Это ты донес на него, Хуан?

Хуан молча смотрел на девушку. Нервно сглотнул, открыл было рот, хотел что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова.

– Пошел прочь! – с отвращением сказала Катерина.

Он, словно не слыша слов девушки, сделал к ней шаг и коснулся ее руки. Она отпрянула, отбросила его руку. Он снова шагнул к ней, но Катерина вскочила на камень, с которого только что встала, с камня на платформу и сжалась в комок.

– Нет! Не смей прикасаться ко мне! – закричала она.

– Своим криком ты разбудишь всю Сеговию, – проговорил хрипло Хуан.

– Тогда уходи отсюда, – сказала она. – Все кончено, уходи.

Хуан постоял с минуту, резко повернулся и скрылся в темноте. Катерина в изнеможении опустилась на каменную платформу. Камни еще не остыли после жаркого дня. Катерина свернулась калачиком, закутавшись в плащ. Некоторое время она, должно быть, спала. Когда же она открыла глаза, было еще темно. На площади стояла тишина. Ночь была прохладная, и Катерина дрожала от холода. Она вновь забылась, и ей приснился ужасный сон. Она увидела отца на дыбе в камере пыток. Он кричал, умолял ее прекратить его муки. Катерина проснулась в слезах. Рассветало, первые лучи солнца окрасили розовым цветом крыши Сеговии. На площади не было ни души.

Катерина спустилась с платформы, брела по улицам, пока не дошла до фонтана. Во рту у нее пересохло, она никак не могла напиться. Но есть ей по-прежнему не хотелось. И она побрела по городу, все дальше удаляясь от улицы, где стоял ее дом.

Сеговия тем временем просыпалась. Кричали петухи, из сараев выпускали кур и коз. Детей отправляли играть на улицу. В домах растапливали печи, едкий запах горящего угля наполнил воздух.

Теперь Катерина шла по еврейскому кварталу. Мужчины выходили из домов – спешили на утреннюю молитву. Катерина и раньше бывала в еврейском квартале, но она проезжала его верхом или в паланкине. Никогда прежде ей не случалось ходить здесь пешком, наблюдать близко здешнюю жизнь и участвовать в ней.

Катерина не испытывала страха перед евреями, но и не ощущала себя причастной к ним. Мужчины здесь чаще носили бороды, чем испанцы-христиане, и бороды у них были длиннее и гуще. Сейчас они куда-то быстро и целеустремленно шли. Что до Катерины, то она бесцельно брела за ними, пока не дошла до синагоги, куда они и направлялись.

Она никогда раньше не заходила в синагогу, да и сейчас не могла бы сказать, что ее туда влечет. Не то чтобы она решила: «Я пойду в синагогу», не то чтобы она твердо решила: «Нет, я туда не пойду». Катерина не стремилась в синагогу, но и не бежала ее. И все же вошла туда. Синагога просто встретилась ей на пути. Спроси кто-нибудь Катерину, пойдет ли она туда, Катерина бы только пожалала плечами. Она не могла принимать ясных и определенных решений.

В синагогу она вошла последней, и сразу же сторож, маленький человечек с седой бородой, закрыл за ней дверь. Внутри синагоги было человек сорок мужчин и, кроме Катерины, ни одной женщины.

Оглядевшись, она поняла, что здание это очень древнее. В отличие от церкви синагога внутри представляла собой четкий прямоугольник. По двум из ее стен шла низкая галерея. Должно быть, места для

женщин, догадалась Катерина, – мужчины сидели ниже. Ей говорили, что в синагоге мужчины и женщины сидят раздельно. Женские галереи были примерно на фут выше центральной части синагоги и отделены от остального помещения толстыми деревянными перилами, от которых к потолку тянулись ряды столбов.

В женской части синагоги ничем не покрытые скамьи – единственное место, предназначенное для сидения, – шли параллельно стенам, в мужской же части – перпендикулярно. В главной части синагоги – той, что напротив дверей, стояла небольшая кафедра, пространство за ней было задрапировано темно-красной тканью. Кафедра возвышалась над полом на две ступеньки, и рядом с ней стоял деревянный пюпитр с развернутым на нем пергаментным свитком.

Катерина заняла место ближе к стене. На кафедре стоял человек, в котором она узнала раввина, приходившего в их дом, того, кому отец спас жизнь. Взяв свиток за ручки, он разворачивал его, пока не дошел до нужного места. Тут он увидел Катерину, одиноко сидевшую в дальнем углу синагоги. Их взгляды встретились, и Катерине показалось, что раввин задумался: он словно бы вглядывался в себя ив священный текст перед собою. Так он простоял довольно долго, не двигаясь и не произнося ни слова, и только потом приступил к чтению:

– «Б-же мой! Б-же мой! Для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения моего слова вопля моего. Б-же мой! Я вопию днем – и Ты не внимлешь мне, ночью – и нет мне успокоения... – Раввин сделал паузу, положил руку на развернутый свиток и посмотрел на Катерину. Затем обвел взглядом молящихся и проговорил: – Простите меня. В это необычное утро я начал с необычной молитвы. К нам кое-кто пришел. Я должен принять решение, но не могу его принять. Поэтому я читаю то, что оставили нам предки наши...

Пока Мендоса говорил, из-под двери в синагогу стали пробиваться тонкие струйки дыма, наполняя древнее здание едким запахом; послышалось легкое потрескивание. Старый сторож подбежал к двери, пытаясь ее открыть, но та не поддавалась.

– Помогите! Помогите! – закричал он.

Мужчины бросились помогать ему. Катерина сидела неподвижно. Мендоса, возвысив голос чуть ли не до крика, читал:

– «Но Ты, Святой, живешь среди славословий Израиля. На Тебя уповали отцы наши; уповали, и Ты избавлял их. К Тебе взывали они и были спасаемы; на Тебя уповали и не оставались в стыде...»

А пламя уже ревели. У Катерины было странное ощущение – ей казалось, что она видит все, что происходит за стенами синагоги. Она ясно поняла, что синагогу подожгли снаружи. Прихожане оказались в ловушке. Весь еврейский квартал стал площадью аутодафе, посреди которой, как сухое дерево, пылала древняя синагога.

14

Келья, в которой Торквемада жил в это время, была ненамного больше камеры, где содержался Алверо. Черный кафельный пол, свежепобеленные стены. Единственным украшением – если можно так выразиться – было висевшее на одной из стен распятие. Из мебели в комнате были только стул, кровать и небольшой комод. Перед распятием на полу лежал пенковый коврик. Когда монах постучал в дверь, Торквемада стоял на нем на коленях.

– Войди, – сказал Торквемада.

Монах открыл дверь. Торквемада не поднялся с колен. Келья освещалась только полоской света, проникавшей сквозь окошко в стене у самого потолка. Монах остановился на пороге в ожидании. Наконец Торквемада закончил молитву, встал, повернулся к монаху. Падавший из окошка луч света пролегал между ними.

– Что скажешь, брат мой? – спросил Торквемада.

– Синагогу сожгли, – ответил монах.

Лицо Торквемады словно окаменело, он кивнул.

– Я видел дым. Пахло горелым. Кто поджег синагогу, брат мой?

– Люди... Добрые люди...

– Добрые люди? А может, воры и убийцы?

– Добрые христиане. – Монах как бы оправдывался.

– Значит, добрые христиане, – выразил кивком одобрение Торквемада. – Когда синагога загорелась, в ней были люди? Евреи в это время молились?

– Да, они как раз в это время собираются на молитву.

– Кто-нибудь спасся?

– Нет. Все погибли. Старое дерево вспыхнуло в момент. Вы же знаете, что оно очень старое, приор. Ведь синагога стоит здесь с незапамятных времен.

– Знаю, – сказал Торквемада.

– С незапамятных времен, – повторил монах. – Говорят, сам дьявол построил ее еще до того, как в Испании появились люди, и потом подарил ее евреям...

– Не болтай чепухи! – перебил его Торквемада. – Синагога сгорела дотла?

– Она запылала, как факел.

– Кто в ней был?

– Человек сорок евреев, – ответил монах, – и раввин Мендоса.

– Больше никого?

– И еще одна женщина.

– Женщина? – Торквемада подошел к монаху так близко, что их лица чуть ли не соприкасались. – Откуда там женщина? Еврейские женщины обычно не ходят в синагогу – разве что в субботу.

– Она не еврейка, – сказал монах.

– Откуда тебе это известно? – спросил Торквемада.

– По одежде. Она была одета, как знатная испанская дама. На ней был плащ, но он распахнулся, и я увидел драгоценные украшения.

– Ты узнал ее?

– Точно не скажу, приор. – Тон у монаха был извиняющийся, чуть ли не умоляющий. Он хотел бы угодить Торквемаде, но не понимал, чего тот от него хочет. – Это была христианка, – уверенно сказал он.

– Старая? Молодая? Средних лет? Думай, дурак! Как она выглядела? Ты можешь ее описать?

– Совсем юная. Похожа на дочь дона Алверо.

– Почему ты не остановил ее? – напустился на монаха Торквемада.

Монах в страхе попятился.

– Разве мне подобало остановить ее? – сказал он – Раз она вошла в синагогу, значит, стала еретичкой. Мое ли дело остановить ее? Мой единственный долг – следить и после донести на нее. Б-г сам покарал ее.

Внезапно Торквемада ухватил монаха за сугану, сжав кулаки, притянул к себе и прошептал:

– Как ты мог?

– Что я такого сделал? – перепугался монах.

Торквемада с силой оттолкнул его от себя.

– Что ты сделал? Я накладываю на тебя епитимью, чтобы ты понял, что ты сделал. Посидишь сто дней на хлебе и воде – может, и поймешь, в чем твой грех! Сто ночей без одежды проймут твою очерствевшую душу!

Монах пал на колени и забормотал:

– Прошу вас... приор, прошу, скажите... в чем мой грех? В чем?

– Вон! – взревел Торквемада. – Оставь меня!

Монах вскочил и выбежал из комнаты. Торквемада остался один; он долго стоял, закрыв глаза, стиснув кулаки.

– Б-же, смилостивься надо мной... – наконец прошептал он.

15

После того как монах ушел, Торквемада чуть ли не час сидел в темной келье. Адское пламя жгло его, но он терпел – не роптал на Б-га и Б-жий промысел. Один только раз сказал вслух:

– Я – Твое орудие, Г-споди!

Но это его не утешило. Сказал он это сам для себя о себе. Потом встал, покинул келью и пошел по монастырю. Коридоры были пустынные: прошел слух, что приор в гневе, и монахи боялись попасться ему на глаза. Торквемада спустился по сырým каменным ступеням туда, где томились узники инквизиции. Вступив в круг, освещенный пламенем горящего факела, Торквемада вынул факел из железного кольца и продолжил путь, пока не дошел до камеры Алверо. Открыл дверь и вошел внутрь. Алверо лежал на койке – спал.

Торквемада подошел к койке, смотрел на Алверо. Алверо мирно спал, глубоко и ровно дыша, его сон был невинным и безмятежным. Торквемаду захлестнула горячая волна зависти, да что там зависти, даже ненависти, но эта ненависть как пришла, так и ушла. Алверо неожиданно открыл глаза, сел, щурясь от яркого света факела, потом открыл глаза шире и увидел Торквемаду.

– Сны мне сегодня не снились, – сказал Алверо, – но, похоже, я вижу их наяву. Думал ли ты когда-нибудь, Томас, что все рассказы об аде куда правдоподобнее, чем нам казалось? Возможно, наш мир – просто ад какой-то иной жизни.

– Опять б-гохульствуешь? – сказал Торквемада.

– Сколько раз ты будешь убивать меня? Сколько раз сжигать? – Алверо опустил глаза, потом тихо спросил:

– Что, Томас, время пришло?

– Для чего?

– Время умирать.

– Нет, не пришло, – ответил Торквемада.

– Зачем же ты тогда пришел? Твое присутствие мне тягостно. Я могу побыть один – вот и все, что мне осталось, а тут возникаешь ты, словно ангел мести, или лучше сказать – дьявол? Что тебе нужно, Томас? Ты пришел сюда ради спасения моей души? Тебя ведь всегда беспокоило, что станет с моей бессмертной душой. Я что, должен сделать признание?

– Ради спасения моей души, думаю, да.

Алверо рассмешили его слова. Он захохотал. Его все сильнее разбирал смех, тело его сотрясалось. Алверо, не в силах остановиться, согнулся от хохота, но тут Торквемада крикнул:

– Прекрати! Прекрати!

– Ради спасения твоей души, Томас! Никогда не думал, Томас, что ты сочтешь, будто твою душу нужно спасать. Заглядывал ли ты в свою душу, Томас? Она черна как смоль, но оправлена в золото. Она украшена миллионами золотых монет, отнятых у бедняг, которых ты сжег. Томас... Томас, ты – как горькое обвинение против человечества. Б-г не в своем уме, иначе он не допустил бы, чтобы вода во время потопа пошла на убыль. Впрочем, зачем мне сомневаться в тебе, Томас? Если тебе случится шагнуть в вечность и полететь прямехонько в адскую бездну, ангелы с песнями подхватят тебя и спасут твою смрадную бессмертную душу. Надеюсь, тебя доставят в рай. Поверь, Томас, я всей душой надеюсь на это. Каждую ночь я молюсь, чтобы моя надежда сбылась, молюсь сразу трем богам – еврейскому, христианскому и мусульманскому. Молюсь, чтобы на небесах тебя встретили с распростертыми объятиями и приняли твою зловонную душу. Знаешь, почему я молюсь об этом? Можешь догадаться, Торквемада?

Алверо ждал ответа, глядя на Торквемаду с улыбкой, и, сам того не желая, приоткрыл рот:

– Почему?

– Ответ очевиден, – улыбался Алверо, – я отвечу тебе напрямик: если мне суждено быть в аду, хочу быть уверен, что никогда больше не увижу тебя.

– В храбрости тебе не откажешь, Алверо, – признал Торквемада.

– Храбрость! – Алверо вскочил. – К черту храбрость! Что такое храбрость? Когда ты на дне, ниже уже не опуститься. Если летишь с обрыва – назад дороги нет. Мне нечего терять, Томас. Ты что, сожжешь меня дважды? Трижды? Десять раз?

– Ни разу, – голос Торквемады звучал бесстрастно. – Я пришел освободить тебя.

Алверо подошел к Торквемаде и, глядя ему в глаза, прошептал:

– Что ты задумал, Томас? Ты уже сыт по горло дыбкой и тисками? Это что, новый, более утонченный способ пытки?

– Я говорю правду. Я пришел освободить тебя.

– Нет, – сказал Алверо. – Никогда. – Он подошел к койке, сели, уставившись в пол, пробормотал: – Никто еще не выходил живым из лап Торквемады. Я читаю тебя, как книгу, Томас, – как книгу смерти. Смерть – единственный друг Торквемады, смерть и камера пыток. Сколько сотен людей ты осудил на смерть, Томас?

– Но ты это знал, – напомнил Торквемада. – Ты все знал и оставался моим другом. Мы были друзьями, потому что твоя вера – а это и моя вера – была крепка.

– И теперь я за это расплачиваюсь, – перебил его Алверо. – Не говори мне о своей вере. У нас нет общей веры. У нас нет ничего общего.

Торквемада кивнул и произнес – отстраненно, бесстрастно:

– Тем не менее я тебя освобожу, Алверо. На твое имущество наложен арест, и оно перейдет в собственность святой инквизиции. Я советую тебе уехать отсюда. Уехать с пустыми руками – ведь именно так мы приходим в мир, а для тебя, Алверо де Рафель, такой отъезд, я полагаю, равносильен смерти. Поэтому, повторяю, уезжай. Твое имущество конфисковано, но ты можешь взять коня, седло и шпагу. Уехать ты должен сегодня же вечером. Если завтра тебя увидят в Сеговии, я прикажу тебя арестовать.

С недоверием глядя на Торквемаду, Алверо снова встал. Подойдя к двери, Торквемада распахнул ее и жестом пригласил Алверо покинуть камеру.

– Иди, Алверо. Я буду освещать твой путь.

Алверо подошел к приору.

– Так это правда? – понизив голос, спросил он. – Помоги мне Б-г, ты не обманываешь меня, Томас? Не ведешь со мной двойную игру? Когда-то ты был мне другом... Пойми, у меня не осталось сил, мне не вынести...

– Я говорю правду, – отрезал Торквемада.

Алверо пристально смотрел на него.

– Я не могу благодарить тебя... и не буду. Будь ты проклят, мне легче умереть, чем быть обязанным тебе! Я не хочу, чтобы ты дарил мне жизнь.

Торквемада вышел за дверь, Алверо последовал за ним; он шел за пляшущим кругом света, и кто знает, что он означал – жизнь или смерть, правду или ложь, весь мир или ничто. В гневе и сомнениях Алверо шел за Торквемадой.

– Я слышу слова испанца – не еврея, – сказал Торквемада. – Но я не оказываю тебе милости, я плачу долг.

– Какой еще долг? – выкрикнул Алверо. – Ты мне ничего не должен.

– Не испытывай мое терпение, – оборвал его Торквемада, – и пойми меня правильно, Алверо: я ненавижу тебя не меньше, чем ты меня!

Теперь Алверо поравнялся с Торквемадой – он шел в круге света от факела по коридору, кивал, сжимал кулаки и снова кивал, соглашаясь со словами приора.

– Прекрасно! – сказал Алверо. – Так будет лучше, Томас. Только ненависть, Томас. Ненависть – и ничего больше. Так и запомним друг друга.

Торквемада ничего не ответил – он провел Алверо по коридору, потом вверх по лестнице, потом через монастырь – в послеполуденную прохладу сада. Они постояли в ожидании, любуясь садом, пока монах – по приказу Торквемады – не привел Алверо его коня. Алверо сел в седло. На прощание они не обменялись ни единым словом.

Алверо поехал прочь, но один раз все же оглянулся и увидел, что Торквемада все еще стоит перед монастырем. Он стоял там, высокий и суровый, и Алверо показалось, что лицо его бывшего друга

искажено болью. Но когда Алверо оглянулся еще раз, он увидел прежнего – жестокого и непреклонного – приора.

16.

Сначала Алверо заглянул в галерею. Мария сидела в кресле, глядя на пылающий огонь. Он не вошел в галерею, а сразу поднялся в свою комнату, посмотрел на себя в большое зеркало. Из зеркала на него смотрел грязный, мертвенно-бледный незнакомец с бородой – Алверо сам бы себя не узнал. Прежнего Алверо не стало. Алверо охватило чувство опустошенности и отчаяния, словно он уже умер и недостижим ни для кого; это чувство не ушло и после того, как он сбрил бороду и обтер мокрой губкой тело.

В доме стояла непривычная тишина. Алверо сначала надеялся, что Катерина придет не раньше, чем он приведет себя в порядок, но сейчас уже недоумевал, почему не слышно никаких признаков ее присутствия в доме, гадал, где бы она могла быть. Его вдруг охватило внезапное волнение, и он поторопился натянуть дорожный костюм – кожаные штаны, камзол, высокие и прочные сапоги для верховой езды, пристегнул шпагу и кинжал и, несмотря на предупреждение Торквемады, засунул в сапоги дюжину золотых монет. Он еще не решил, вернется ли в Сеговию, покинет ли город сегодня вечером или только на рассвете, но знал, что в Испании мужчине не пристало путешествовать без денег.

Одетый по-дорожному, со шпагой и в шпорах, Алверо вошел в галерею. Жена подняла на него глаза, но лицо ее было неприветливым. Тусклым голосом она спросила его:

– Почему ты здесь?

Алверо ждал чего угодно, но только не этого. Он спросил, знает ли она, где он был, – от удивления голос его звучал чуть ли не умоляюще.

– Знаю, – ответила Мария.

– Смотри! – Алверо протянул к ней левую руку – ногти на ней были вырваны, большой палец размозжен.

Мария, взглянув, только сказала:

– Б-жья кара.

– Что ты несешь, черт тебя дери! – Алверо возбужденно мерил шагами галерею.

Жена отвернулась, но он схватил ее за плечи, притянул к себе.

– Не прикасайся ко мне!

– Так вот как меня встречают? – вскричал Алверо. – Вот как жена встречает мужа, воскресшего из мертвых?

– Я тебе не жена.

Алверо внимательно посмотрел на Марию и покачал головой.

– Мария, что за дьявол вселился в тебя? – сказал он убитым голосом.

Она ответила, голос ее был безжизненным:

– Я не согрешила. Я не впала в ересь. Меня не сожгут. Меня не будут пытаться.

– Мария... Мария... все хорошо. Никто не причинит тебе вреда. Я скажу тебе, что я решил. Мы уедем отсюда – все вместе. И никогда не будем расставаться.

Он ждал ответа, а жена смотрела на него все тем же, ничего не выражающим взглядом.

– Где Катерина? – вдруг спросил он.

– Катерина...

– Она у себя в комнате?

– Она умерла. Это тоже Б-жья кара.

Алверо застыл на месте как вкопанный. Он слышал слова жены, но они не укладывались у него в мозгу. Они не имели смысла. Он улыбнулся, сознавая, что улыбка у него глупая, чуть было не рассмеялся, но потом подошел к Марии и схватил ее за руку, да так крепко, что она поморщилась и вскрикнула от боли.

– Где Катерина? – закричал он.

– Еврей! Отпусти меня!

Высвободив руку, Мария встала, зашла за кресло и, потирая покрасневшее запястье, сказала с расстановкой, чеканя слова:

– Я не потерплю, чтобы еврей прикасался ко мне!

Алверо с ужасом смотрел на нее – и не верил своим ушам. И тут в галерею вошел Хулио. Увидев Алверо, он замер на месте, словно увидел привидение. Алверо кинулся к нему. Первой реакцией Хулио было обратиться в бегство, но Алверо схватил его за рукав, притянул к себе.

– Хулио, где Катерина? – властно потребовал он ответа.

Хулио молчал, и тогда Алверо с силой встряхнул его.

– Отвечай же, черт тебя подери! Где она?

Хулио посмотрел на него так печально, что Алверо отпустил его. У Хулио дрожал подбородок.

– Она умерла, хозяин, – с трудом выговорил он.

– Умерла? Нет, ты лжешь! Ведь это неправда? Ты шутишь? Или решил наказать меня? Я еретик и потому заслуживаю в твоих глазах наказания. Не мучай меня, Хулио! Скажи только, это неправда?

– Хозяин, как бы я хотел, чтобы это было не так. Но я говорю правду. Она пошла в синагогу...

– В синагогу? – перебил слугу Алверо. – Нет, нет, ты что-то напутал, Хулио, это была не она. Зачем ей идти в синагогу? К чему бы ей идти в синагогу?

– Нет, это так, – простонал Хулио. – Она пошла в синагогу, а синагогу подожгли. Я побежал туда. Весь город сбежался к синагоге, но ничего поделать было нельзя. Синагогу сожгли.

– Ты видел Катерину? – еле слышно спросил Алверо.

– Я принес ее домой, – ответил Хулио. По его щекам катились слезы.

– Где она? – спросил Алверо. – Где ты ее положил?

– В ее комнате, хозяин, – сказал Хулио. – Но вы не ходите туда. Не ходите в ее комнату. Не смотрите на нее. Она страшно обгорела. Не смотрите на нее. Я накрыл ее тело...

Хулио пытался остановить Алверо, но тот оттолкнул его, взбежал по лестнице в комнату дочери. Там на кровати лежало нечто, накрытое покрывалом. Алверо поднял покрывало, некоторое время молча смотрел на тело дочери, бережно накрыл его и вернулся в галерею.

Подходя к двери, он услышал голос Хуана Помаса. Следом за ним заговорил Хулио:

– Сеньор Помас, уходите. Говорю вам, уходите поскорее.

– Донья Мария, – спросил Хуан, – скажите, это правда, что Катерина умерла?

Мария ему не ответила. Хулио – от страха его голос срывался на крик – умолял юношу:

– Уходите, сеньор Помас! Уходите поскорее! Да, она мертва, и весь этот дом мертв...

Алверо подошел к двери и увидел, что Хуан со словами: «Да как ты смеешь меня касаться?» – отталкивает Хулио.

– Сейчас не время для гордости, поверьте мне, сеньор Помас, – отвечал Хулио. – Дон Алверо здесь, он в комнате дочери – там ее тело.

С недоверием, смешанным со страхом, Хуан покачал головой и сказал, что Алверо томится в подвалах инквизиции или уже мертв.

– Вы просто глупец! – взорвался Хулио. – Говорю вам, он здесь. И если он вас увидит...

– Ну и что? – хорохорился Хуан Помас.

– Ты что, думаешь, он не знает, кто его предал? Это всем известно.

– Откуда ему знать?

Алверо прошел в галерею и направился прямо к Хуану Помасу. Хулио видел Алверо, но Хуан – он стоял спиной к двери – его не видел. Мария вскрикнула.

– Собачий лай слышен далеко, – ледяным голосом сказал Хуану Алверо.

Хуан повернулся к нему. Хулио попытался встать между ними, но Алверо оттолкнул его. Хуан Помас выхватил из ножен кинжал, однако Алверо успел перехватить его руку и с такой силой вывернул, что Хуан, выронив кинжал, закричал от боли, но тут руки Алверо сомкнулись на его шее и крик затих.

– Не за меня! – кричал Алверо. – Моя жизнь ничего не стоит! Моя жизнь и твоя жизнь – они обе ничего не стоят! Но за жизнь моей дочери...

Алверо не потерял головы – хладнокровно, отдавая полный отчет в своих действиях, он душил Хуана. Тот попытался было сопротивляться, вырывался из цепких рук Алверо, но потом силы его оставили, руки безжизненно повисли.

Мария встала, направилась к ним.

– Значит, чтобы стать евреем, надо убить испанского дворянина? – визгливо кричала она. – Оставь его, еврей! Еврей! Грязный еврей!

Алверо отпустил Хуана. Гнев утих. Ненависть ушла. Он выпустил Хуана, и тот рухнул на пол, давясь от кашля и хватая ртом воздух. Алверо повернулся и посмотрел на жену. Она выдержала его взгляд. Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Мария отвела взгляд и покинула комнату. Алверо же подошел к столу, выдвинул стул, сел и, тяжело дыша, склонился над столом. Хуан Помас следил за ним. Потом осторожно поднялся и кинулся бежать. Алверо слышал как будто издали топот ног, слышал, как Хуан садится в седло и с места пускает коня вскачь.

Хулио стоял – ожидал приказаний, и наконец Алверо сказал:

– Пойдем, дружище! У нас много дел.

Он с трудом поднялся в комнату Катерины. Хулио пошел за лопатой и киркой. Алверо завернул Катерину в шелковое покрывало, поднял ее и отнес в сад. Они с Хулио рыли по очереди могилу. Работа шла медленно: Алверо очень ослабел, Хулио был стар. Наконец яма была вырыта. Алверо и Хулио опустили в нее тело девушки и засыпали землей.

Алверо от усталости трясло.

– Мне нужно выпить, – сказал он Хулио, – и съесть кусок хлеба. Можешь оседлать моего коня?

Хулио кивнул. Алверо вошел в дом, налил бокал вина, взял из буфета хлеб. Он не ощущал его вкуса, но заставлял себя есть, запивая вином. Оставшийся хлеб он положил в один карман камзола, в другой засунул холодное мясо и сыр. Потом вышел в галерею. Там никого не было, свечи погасли, однако уже брезжил рассвет и Алверо без труда нашел дорогу в конюшни. Хулио уже держал наготове оседланного коня. Он помог хозяину сесть в седло и, держась за стремя, сказал:

– Хозяин, возьмите меня с собой. – Голос у него был убитый.

– Нет, дружище. Я помчусь быстрее моих воспоминаний, и я буду мчаться один. Ты делил со мной и радость, и горе. В том аду, где мне предстоит теперь жить, я буду один, совсем один...

– Я буду помогать вам, – взмолился Хулио. – Буду заботиться о вас... ухаживать за вами...

– Мне уже никто и ничто не поможет, Хулио. Даже Б-г. Будем жить, как сможем, каждый из нас. Прощай, друг.

Алверо пришпорил коня, выехал из ворот и поскакал по дороге, на север от Сеговии.

Хулио стоял у конюшни, пока топот копыт не смолк. А потом пошел в дом – утолить голод: ведь и старику надо жить.

Ἰ ἀδελφὰ ἢ ἀϊ ἀεὲ ἐνήϊα

Ἀεὲ ἀδὲ Ἀσὶ ἀοῖε

*^[1] Ἀ πᾶσι ἀσπεράτε Ἐπιπέε εἰ ἰδοῦσθεε - ἀάθε, ἰοεῖαεῦῖ ἰδεῖ γὰρ εἰ ὀδεῖο εἰ ἰοῦαῖ.
Ἀ XIV - XV αἰ, ἰππεὰ εἰδὲ ἀσπεράτε ἀεῖα 1492 ἄ, ἰδαῖ ἐπιπᾶσῶαῖ ἀῖῖ εῖαῖ ἰ εἰ ἰ ὀδαῖ ἰππᾶ-ἰ ἰ ἰε
πῖε ἰδεῖ γοῖ εἰοῖε-ἰοῦαῖ, εἰαῖ ἰῖεῖοῦ Ἐπιπέε, ἰ ἰῖα ἀάθε ἀῖοεῖαῖ ἰ ἀεὲ ἰ ἀάθε εἰ ἰ
ὀδεῖο εἰ ἰοῦαῖ.*

ВОЗРОПТАЛ НАРОД

עַם יִשְׂרָאֵל «וַאֲנִי אֵלֹהִים לֹא אֵלֹהִים»

Свобода, свобода... Да на хрен она нужна, эта свобода. Шляешься тут по пустыне, Гунявый обещаниями кормит. И манной этой 9 лет подряд. Уже тошнит от нее. Никакой Земли обетованной нету, это он все выдумал. Какие у меня шикарные нары были – строганные! Подумаешь, рабами были мы у фараона в Египте. Во-первых, я считался не простым рабом, а заслуженным. Там, глядишь, и до народного дослужился бы. А это уже как-никак – спецпак.

Мне за сценарий всенародного празднества по случаю открытия пирамиды № 4 целый чан мяса выписали. Правда, жрецы половину украли. Ну, им тоже жить надо. Ой, только не надо мне рассказывать за рабство! Помним мы, между прочим, и рыбу, которую в Египте ели даром. Да, костлявая, но есть все равно можно.

Ели мы огурцы и дыни, и зелень, и лук и чеснок, сидели у горшка с мясом, ели хлеб досыта! А от этой манной уже тошнит! В ней же ну ничего нету!

Привел нас в место, лишненное посевов и смоковниц. Ни тебе винограда, ни гранатовых яблок. Воды даже нет.

А эта идеалистическая религиозная пропаганда! Что это за Б-г такой – его не видно и не слышно, только через Большого Босса нам спускает указания. Нет, нам надо что-нибудь конкретное, чтоб видно было, кому поклоняешься. А то получается не Б-г, а одна видимость. Да и той нету.

Босс нашел цурес на нашу голо

ву – вывел нас в эту пустыню, чтоб мы тут с голоду подохли.

Зачем ты вывел нас из Египта, шлемазл? Спрашивается – что, в Египте негде было людей похоронить? И он всех сюда притащил, чтобы уморить нас и детей наших, и скот наш жаждой?

Помню, товарищ фараон мне именные кандалы пожаловал. С гравировкой: «В честь 40-летия трудовой деятельности». Так жена мне дырку в голове прогрызла – «Уходим и уходим. Не хочу, мол, им рабов рожать». Здесь, конечно, свобода, зато жратву самому добывать приходится.

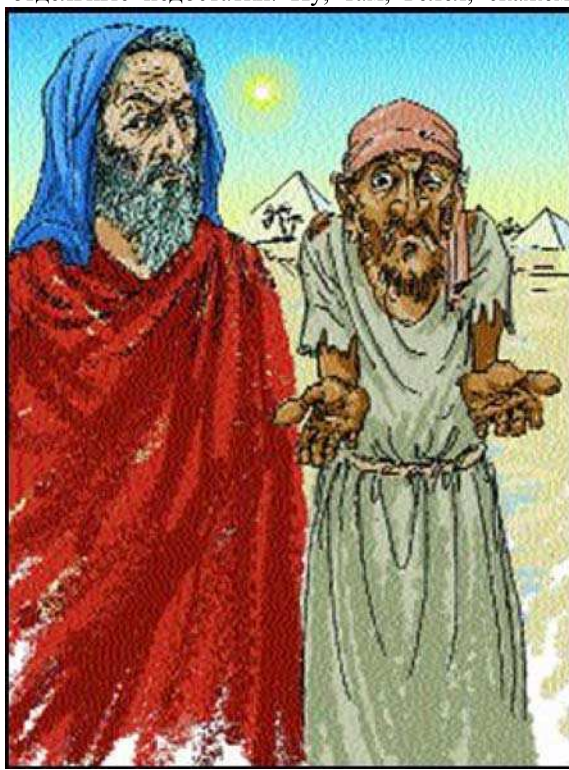
Нет, разумеется, у товарища фараона были отдельные недостатки. Ну, там, велел, скажем, вырезать еврейских мальчиков. Но нам же объяснили, что это делается ради их же блага. Меня это, между прочим, вообще не коснулось – у меня две девочки. Да, есть что вспомнить. Мне главжрец – зав. товарища фараона по идеологии – однажды из собственных рук изволил в морду дать.

Я порой такое устраивал! Как-то раз вышел на оркестру и говорю:

– Я фараоном недоволен.

Амфитеатр так и ахнул. Вижу, ко мне уже стражники подбираются.

Чувствую, надо поторопиться:

– Да что там я, весь народ им недоволен.

Тут, вижу, некоторые уже шарахнулись к выходу, чтоб свидетелями не быть.

Другие ждут с интересом – охота им посмотреть, как меня четвертовать будут прямо на сцене. Стража окружает амфитеатр, чтоб никто из слышавших не ушел, а я уже поторапливаюсь:

– Что же это такое, – говорю, – товарищ фараон денно и ночью заботится о нашем благе, а когда он отдыхает или спит, – вообще никто не знает. Нельзя так себя не щадить.

Тут, понятное дело, смех, аплодисменты, здравицы в честь товарища фараона. Стражники записывают тех, кто неактивно аплодирует.

А здесь что? Я как-то к Гунявому подошел, говорю:

– Много я видел выдающихся руководителей, но такого великого, как вы, впервые встречаю.

Он рукой махнул и ушел наверх за очередной порцией ЦУ.

Между прочим, о чем у них там наверху базар – одному Б-гу известно.

Нам же не докладывают. Повернулся и ушел. Ни тебе куропатки не выписал, ни дополнительной порции манны небесной. Чтобы раб с моим стажем перся в такую жару пешком через всю эту пустыню!

Правильно в газетах пишут – не умеют у нас ценить интеллектуальный потенциал.

А Земля обетованная, между прочим, занята – там люди живут, никого не трогают, и тут приходим мы и нагло заявляем, что наш Б-г дал нам эту землю.

Они, естественно, нас посылают подальше – ваш Б-г, вы с ним и разбирайтесь, а мы, мол, здесь причем? А у меня, между прочим, на отравленные стрелы аллергия. С моим радикулитом города штурмовать? Увольте.

И не нужна мне земля, текущая молоком и медом: от молока у меня изжога, а от меда – диабет. Еще неизвестно, где наши эту виноградную ветку сперли. Может, он им эту наглядную агитацию заранее подсунул. Фраеров нашел – посохом воду из скалы извлекает. Популист. Нас дешевыми фокусами не купишь.

Вот если б он пиво извлекал! С раками! Так раков, видите ли, тоже нельзя – некошерные.

А заповеди эти! Вот, к примеру, «Не укради!» Это как же понимать? По субботам, что ли? Допустим – у людей красть нехорошо, а у государства? Тоже нельзя? А жить как? У него не сказано. Двух слов связать не может, а лезет в национальные лидеры. Послал Б-г на нашу голову. А братец его тоже хорош. Политрук хренов. Комиссар гребаный. Один творит, что ему вздумается, а другой это все задним числом объясняет. Оправдывает. Сладкая парочка. Тихо все! Сейчас из Каира будут новости передавать. Интересно, как там наши без нас?

Ребята, давайте назад, пока не поздно. Покаемся – мол, лживая сионистская пропаганда нас заманила. «Мы, древнеегипетские граждане еврейской национальности, единогласно одобряем и поддерживаем мудрую политику товарища фараона и заявляем, что у нас нет и не может быть другой родины, кроме родного Египта с самым передовым рабовладельческим строем. Рабы и хозяева – едины!»

Ну, так от меня не произойдет поколение свободных людей на новой родине; я это как-нибудь переживу. Вернусь, напишу роман «Покаяние». Может, еще Фараоновскую премию дадут. Нет, с меня хватит. Я вашей свободой сыт по горло. Привет Гунявому передавайте. Как хотите, я возвращаюсь. А вы?

АПРЕЛЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 АПРЕЛЯ

60 *עָאָר* *י"א* *אִיּוֹן* *ד'תשע"ד* пианиста, народного артиста России, профессора Московской консерватории, Ганноверской Высшей школы музыки и театра, лауреата 1-й премии на Международном конкурсе им. П. И. Чайковского, Государственной премии СССР и Государственной премии России **Владимира Всеволодовича Крайнева** (р. 1944, Красноярск).

6 АПРЕЛЯ

95 *עָאָר* *י"א* *אִיּוֹן* *ד'תשע"ד* Героя России, резидента советской разведки в ряде европейских стран **Яна Петровича Черняка** (1909, Буковина, Австро-Венгрия – 1995, Москва).

11 АПРЕЛЯ

35 *עָאָר* *י"א* *י"א* *אֲדָר* архитектора, одного из основателей Союза архитекторов СССР, профессора Московского архитектурного института, спроектировавшего в духе конструктивизма одно из первых в Москве после 1917 года деловых зданий – дом газеты «Известия», автора проектных работ по реконструкции Москвы **Григория Борисовича Бархина** (1880, Пермь – 1969, Москва).

18 АПРЕЛЯ

125 лет со дня рождения рождения химика, организатора отечественного производства канифоли, скипидара, хлороформа, медного купороса, хлорида кальция и жидкого хлора, инициатора создания Центральной химической лаборатории при ВСНХ (ныне Физико-химический институт его имени) **Льва Яковлевича Карпова** (1879, Киев – 1921, Москва, похоронен на Красной площади).

20 АПРЕЛЯ

75-летию со дня рождения стрелка, восьмикратного чемпиона мира 1950 – 1960-х годов в стрельбе из винтовки **Моисея Абрамовича Иткиса** (р. 1929, Торговица Кировоградской обл.).

21 АПРЕЛЯ

40 *éàò ì ãíý ðíæááíéý* предпринимателя, председателя Совета директоров компании «Альфа-Групп», «Альфа-Банка» **Михаила Маратовича Фридмана** (р. 1964, Львов).

22 АПРЕЛЯ

125 *éàò ì ãíý ðíæááíéý* физика, академика АН СССР, профессора Страсбургского университета, МГУ, одного из основателей отечественной научной школы по радиофизике, предсказавшего изменение длины волны рассеянного света в результате его взаимодействия с упругими волнами в среде, открывшего (совм. с Г.С. Ландсбергом) комбинационное рассеяние света, разработавшего (совм. с М.А. Леонтовичем) теорию рассеяния света, выполнившего (совм. с Н.Д. Папалекси) основополагающие исследования по нелинейным колебаниям, разработавшего теорию параметрического возбуждения электрических колебаний, предложившего радиоинтерференционный метод, лауреата премии им. Ленина, Государственной премии СССР **Леонида Исааковича Мандельштама** (1879, Могилев – 1944, Москва).

15 *éàò ì ãíý áíý ì àðè* физика-экспериментатора, члена АН США, Италии и др., профессора Калифорнийского и Римского университетов, открывшего (совм. с другими) замедление нейтронов, первый искусственный элемент технеций, астат и плутоний-239, а также антипротон, лауреата (совм. с

Э. Чемберленом) Нобелевской премии по физике 1959 года **Эмилио Сегре** (Segre, 1905, Тиволи, Италия – 1989, Лафайет, США).

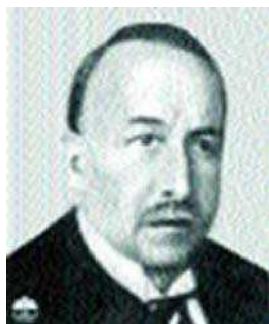
23 АПРЕЛЯ

60 יארן אין אײַז אַפּאָרײַט физика, члена-корреспондента РАН, члена Лондонского королевского общества, Германской академии «Леопольдина» и др., профессора Челябинского университета, автора трудов по нелинейной и физической оптике, лауреата Государственной премии СССР **Бориса Яковлевича Зельдовича** (р. 1944, Москва).

170 лет со дня рождения (2 ияра) общественного деятеля, четвертого руководителя хасидского движения Хабад, автора трудов по философии хасидизма «Ликутей Тойра», «Тойрас Шмуэл» и др. **рабби Шмуэла Шнеерсона** (1834 – 1882, Любавичи Могилевской губ.).

24 АПРЕЛЯ

60 יארן אין אײַז אין אײַז физикохимика, иностранного члена-корреспондента АН СССР, профессора университета в Карлсруэ, автора трудов по катализу, введшего представление об асимметричном катализе, **Георга Бредига** (Bredig, 1868, Глогау, Силезия – 1944, Нью-Йорк).

28 АПРЕЛЯ

130 лет со дня рождения писателя, издателя журнала «Факел», автора драмы «Последние дни человечества», пьес «Литература», «Театр мечты», «Кукуландия на облаках» и др. **Карла Крауса** (Kraus, 1874, Гичин, Австро-Венгрия – 1936, Вена).

29 АПРЕЛЯ

95 ёаò ìì äü ðæäáéü государственного деятеля, генерального секретаря Французской социалистической партии, министра труда, здравоохранения и социального обеспечения Франции **Даниэля Мейера** (Mayer, 1909–1996, Париж).

ИЗ НАШЕЙ АПРЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ

«Заповеди Его соблюдая...»

Я прочитал в декабрьском номере журнала «Лехаим» письмо Михаила Лебединского, где он прогнозирует будущее нашего народа. Письмо проникнуто ужасным пессимизмом, что выдает недостаток доверия Творцу у автора. В Торе же ясно сказано, что законы, данные евреям, будут действовать всегда, то есть евреи, которые соблюдают заповеди, никогда не исчезнут.

Другое дело – цена, которую за это придется платить. Автор письма абсолютно верно характеризует процессы, идущие в СНГ и Европе. Но и 10, и 30 лет назад у евреев преобладали смешанные браки, и воспроизводство еврейского населения «сужалось». К сожалению, сейчас это зло не исчезло и, так сказать, имеет место в обстановке религиозной свободы. Давайте задумаемся, что делает еврея евреем. Это, естественно, не «посещение синагогальных Б-гослужений за определенную мзду», не получение материальной помощи от еврейских организаций и даже не участие в еврейских тусовках. Все названное – интересные и даже полезные вещи, но они не решают главной задачи, возложенной Творцом на наш народ: стать «ам кадош», что буквально означает стать «отдельным», «выделенным» народом. В условиях невыполнения базовых заповедей менталитет чужих народов проникает в еврейские мозги, вследствие чего большая группа населения поглощает меньшую (о чем, в частности, и говорит г-н Лебединский).

Есть только один рецепт лечения еврейских хворей – что здесь, что в Израиле и США. Это строгое, обязательное соблюдение Субботы и чистоты семьи (миква), это кашрут и обрезание. Лишь тогда возникнет самый прочный барьер ассимиляции. Конечно, в странах СНГ это делать тяжелее, чем в Израиле, где существует отлаженная «инфраструктура» «мицвойс» (заповедей), но на Святой земле и плата за прегрешения намного выше. Поэтому еще одна проблема – это неустанная работа раввинов по убеждению евреев в необходимости соблюдать волю Творца; раввинам следует помнить об огромной ответственности, которая на них лежит.

А шанс все-таки есть. Он есть всегда. Были времена и хуже. Надо просто уповать на Творца и делать то, что Он хочет. Так говорил и мудрейший из людей царь Шломо (Соломон): «Всевышнего бойся и заповеди его соблюдай, ибо в этом весь путь человека».

À Áàààààààààà, Í èàí èè Í àà àà

Áðàì ÿ ààèàòñÿ òíèùèî á íàí ïî í àí ðààèáí èè

Мне стыдно за нагромождение глупостей в письме господина Лебединского («Лехаим» №12).

«...Евреев не любили; не любят их сейчас, не будут любить и впредь». Смелое утверждение! Поаккуратнее бы надо с обобщениями. Мы ведь разные, как и любой другой народ. Разве можно любить или не любить всех немцев, русских, евреев? Ни одной нации нельзя, как известно, отказать в наличии «своих» негодяев. В то же время слепая ненависть к народу, давшему миру Левитана, Антокольского, Мендельсона, Шагала, Ландау, Гейне... Остановлюсь: для перечисления всех места не хватит. Так вот. Слепая ненависть к такому народу – свидетельство скудоумия и морального уродства. А это качества сугубо личные.

«Основной корень зла – наш менталитет».

Знаете, слово «менталитет», по моим наблюдениям, применяется обычно тогда, когда не могут что-либо конкретно понять и объяснить. В нашем случае как раз это и происходит.

Автор бросает упрек евреям в отказе от религии. А разве вера в Б-га обязательна? Моя родня уже в третьем поколении не уповает на «извечную веру в приход Спасителя Мошиаха». Как и миллионы людей разных национальностей, мы просто живем по совести, трудимся, едим только честно заработанный хлеб и пользуемся уважением людей.

Не могу я согласиться с такой характеристикой еврейского народа: «Это сообщество пожилых людей, мечтающих дожить свой век в сытом спокойствии». Мне в 2004 году стукнет 80. На своем веку я достаточно хватил всяческого «неспокойствия». Но я не загадил Землю дармоедами и лодырями (речь о моих потомках), и сам за полвека работы на восстановлении и строительстве Пскова кое-что сделал. Дай Вам Б-г, господин Лебединский, сделать хотя бы половину этого. Доживая «в сытом спокойствии», я написал хорошо принятые две книги о делах и думах людей моего поколения. Успешно трудятся в науке мой сын и его дети-аспиранты. Пишу я это не только о себе, а вообще о людях моего, уходящего, поколения, перед которыми автору следовало бы извиниться...

Время движется только в одном направлении. И по одному этому ничто не может возродиться буквально в том же виде, как было когда-то. Сетования на сей счет бессмысленны. Любой народ, и евреи в частности, не будут такими же, как сто, или двести, или пятьсот лет назад. Никто не может жить и развиваться, отгородившись от всего мира. Не надо каркать по поводу судьбы еврейского народа. И не надо считать «единственным островком надежды» Израиль (к тому же – предрекая его гибель).

Я уважаю выбор тех, кто уехал туда (в их числе многие мои близкие и друзья), но не считаю его единственным и обязательным для всех.

Я не считаю также, что историческая миссия еврейского народа – служить общечеловеческой культуре и цивилизации – исчерпана. Человечество едино. И оно неизбежно должно это понять. Только тогда смогут люди обеспечить свое существование на Земле.

Странно, даже оскорбительно читать рассуждения о том, что народ с трехтысячелетней историей может существовать, став чьим-то сателлитом. И уж совсем дико читать о Сталине как о «спасителе еврейского народа от гитлеровской чумы». Тут я в соответствии со своим еврейским менталитетом отвечаю вопросом на вопрос: «Что лучше – чума или холера?» А если серьезно, то не Сталин, а советский народ (и евреи в том числе) спас мир от фашизма ценою огромных жертв и во многом вопреки действиям «великого вождя»... Моя родня и тут не отстала: два человека погибло на фронте и двое расстреляно во время репрессий 1937 и 1949 годов (реабилитированы посмертно).

«Вождь и учитель» депортировал ингушей, чеченцев, калмыков, поволжских немцев, крымских татар, погубив тысячи людей, посеяв боль и семена раздора. Только смерть тирана спасла от такой же судьбы и евреев...

Вспоминать очередную людоедскую идею Сталина о переселении полумиллиона палестинцев в Туркмению, полагая ее решением «палестинского вопроса», просто чудовищно. По мнению М. Лебединского, если бы евреи более старательно лизали сапоги Усатому («Вонцен», как звала Сталина моя замечательная мама), он мог бы умилиться и подарить им «единственный шанс». Мне как-то не жалко, что мы такой «шанс» упустили...

И все-таки публикация этого письма полезна. Она напоминает о том, что попытки расшатать утвердившиеся в исторической науке бесспорные факты были и будут. Всегда помнить о Холокосте, кровавом тупике большевизма и его истоках, о сталинских злодеяниях хоть и тяжело, но необходимо из чисто практического соображения – дабы подобное никогда не повторилось.

А еще эта публикация подтверждает, что все мы разные, и репутация «умного народа» явно преувеличена. Уж, во всяком случае, она не распространяется на каждого еврея...

י. עאמי-דיצאל וואסע א ייניא

י ו - אאעעעע א אדא

Шалом! Мир вам, дорогая редакция моего любимого журнала!

Меня очень озадачило (и это мягко сказано) письмо г-на Лебединского («Лехаим», №12, 2003 г.)... Как это можно утверждать, что евреи «вымрут» (да простит меня Б-г за это слово)?!

Как у Вас, господин Лебединский, рука вообще поднялась написать такое? Ведь Вы сами рассуждаете про религию, про то, что «посещение синагогальных Б-гослужений за определенную мзду не есть религиозность»...

У меня к вам конкретный вопрос – что же Вы тогда сами делаете в синагоге? Какую литературу там читаете? И верите ли Вы вообще в Б-га и Б-гу?

Наш Б-г, Б-г Авраама, Ицхака и Якова, обещал, что мы никогда не выйдем. Все евреи по всему свету верят в это. Подумайте сами, ну зачем Всевышнему было клясться нашим праотцам? Зачем Он освободил нас (и по сей день делает это!), зачем до сих пор не стер нас с лица земли?! То, что Вы написали, – это отрицание существования Б-га.

Как бы плохо ни было еврею, он знает, что над всем сущим – Б-г. Как бы нас ни уничтожали, – мы будем!!! Другого такого народа нет, не было и не появится! У Всевышнего есть много шансов для нас, и вы уж точно не можете видеть все наперед. Вы не имеете права утверждать, что мы упустили свой шанс. Б-г избрал себе Израиль, это Земля обетованная, и Он никому ее не отдаст!

Лично я горжусь своим происхождением, благодарю Всевышнего, что имею честь входить в число «детей» Его. И вам того же желаю.

У Вас нет и права не любить себя. Хотя бы потому, что Б-г создал Вас не таким, как всех остальных!

י. איורי, איעראיא